

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 30

2023

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский филиал РАНХиГС, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Юридическая герменевтика	
Беспечный О.В., Неймарк М.А. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	6
Зеленин Ю.А., Синкин К.А. ПОНЯТИЕ СИСТЕМНОГО (СИСТЕМАТИЧЕСКОГО) ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ XIX – НАЧ. XX ВВ.	11
Сорокин В.В. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНЯТИЯ «СУДЕБНЫЙ ШТРАФ»	15
Юридическая техника	
Аркаева К.А. О КОГНИТИВНОМ ИСКАЖЕНИИ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОРМЫ ПРАВА В АСПЕКТЕ ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	19
Карагина Д.О. О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЯХ И ДРУГИХ НЕСОВЕРШЕНСТВАХ СТАТЕЙ 285¹, 285² УК РФ	26
Коренная А.А. ПРИЗНАКИ И ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	32
Платунова Т.Л., Плешивцева У.В., Бородулина Т.П. ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ	38
Тыдыкова Н.В. О ТЕХНИКЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА	43
Правовая коммуникация	
Дорожинский А.А. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА	50
Оленев С.В., Люнгрин В.А. РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ УСИЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ АУДИТОРИИ К ОРАТОРУ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ)	57
Лингвоэкспертология	
Бринев К.И., Куликова М.Г. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРОИЗВОДСТВОМ КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОДУКТОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	65
Зайцева О.В., Катышев П.А. ПОРНОМЕСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ ПОРНОГРАФИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ	71

Манькова А.О. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ	78
Новожилова Е.В. ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ТЕКСТА	83
Флоря А.В. УЧЕТ ФАКТОРА НЕВЕЖЕСТВА В ЛИНГВОКРИМИНАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ	89
Язык и право	
Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М. ЯЗЫК ПРОГРАММИРОВАНИЯ КАК ДОПУСТИМЫЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	95
Рецензии. Хроника. Информация	
Трофимова Г.Н. ЯЗЫК И ЗАКОН	102
Ширинкина М.А. ЮРИДИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВИСТИКИ (РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК Т. В. ДУБРОВСКОЙ «ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И АНАЛИЗ ТЕКСТОВ»)	105

CONTENTS

Legal hermeneutics	
Bespechniy O.V., Neymark M.A. CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES: TERMINOLOGICAL ASPECT	6
Zelenin U.A., Sinkin K.A. THE CONCEPT OF A SYSTEMIC (SYSTEMATIC) INTERPRETATION OF LAW IN DOMESTIC LEGAL SCIENCE XIX – EARLY XX CENTURIES	11
Sorokin V.V. ON THE USE OF CONCEPT OF "JUDICIAL PENALTY"	15
Legal Techniques	
Arkaeva K.A. ON COGNITIVE BIAS IN THE LEGAL NORM INTERPRETATION IN RELATION TO LINGUISTIC EXPERTISE	19
Karagina D.O. ON TERMINOLOGICAL COLLISIONS AND OTHER IMPERFECTIONS OF ARTICLES 285¹, 285² OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	26
Korennaya A.A. ATTRIBUTES AND FUNCTIONS OF STATUTORY CONCEPT AT DEVISING THEORETICAL MODEL FOR BUSINESS PROTECTION THROUGH CRIMINAL LAW	32
Platunova T.L., Pleshivtseva U.V., Borodulina T.P. THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE EVALUATIVE CONCEPTS OF CIVIL LAW: THE RATIO OF NATURAL AND LEGAL LANGUAGE	38
Tydykova N.V. ON THE TECHNIQUE OF CONSTRUCTING CRIMINAL LAW	43

Legal Communication	
Dorozhinsky A.A. COMPARATIVE LEGAL ASPECTS OF FOREIGN LEGISLATION AGAINST RETURN TO CRIME AMONG CONVICTS SERVING SENTENCES WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY	50
Olenev S.V., Lungrin V.A. RHETORICAL TECHNIQUES TO INCREASE AUDIENCE CONFIDENCE IN THE SPEAKER (BASED ON THE SPEECHES OF THE PLEADINGS IN JURY TRIAL)	57
Linguoexpertology	
Brinev K.I., Kulikova M.G. ON SOME ISSUES OF COMPREHENSIVE PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC EXPERTISE OF SPEECH PRODUCTS	65
Zaytseva O.V., Katyshev P.A. REVENGE PORN: ON THE PROBLEM OF LINGUISTIC ANALYSIS OF PORNOGRAPHIC CONTENT	71
Mankova A.O. USING EXPERTISE IN PERFORMING LINGUISTIC EXAMINATION	78
Novozhilova E.V. IDENTIFICATION FEATURES IN FORENSIC EXAMINATION OF TEXT BORROWING	83
Florya A.V. CONSIDERING THE FACTOR OF IGNORANCE IN LINGUO-CRIMINAL TEXTS	89
Language and law	
Usoltseva N.A., Usoltsev Y.M. PROGRAMMING LANGUAGE AS ELIGIBLE ONE: LEGAL ASPECTS	95
Reviews. Chronicle. Information	
Trofimova G.N. LANGUAGE AND LAW	102
Shirinkina M.A. LEGAL COMMUNICATION THROUGH THE PRISM OF LINGUISTICS (REVIEW OF THE TEXTBOOK BY DOCTOR OF PHILOLOGICAL SCIENCES T. V. DUBROVSKAYA "LANGUAGE AS A TOOL FOR LEGAL COMMUNICATION: THEORETICAL FOUNDATIONS AND TEXT ANALYSIS")	105

Криминалистическая характеристика преступлений: терминологический аспект

О. В. Беспечный¹, М. А. Неймарк²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹543223652758@mail.ru, ²neymark.m@mail.ru

Статья посвящена исследованию криминалистической характеристики преступлений как одного из ключевых понятий криминалистической методики расследования преступлений. Рассматривается эволюция взглядов и подходов, сложившихся в науке относительно роли криминалистической характеристики преступлений в структуре разрабатываемых частных методик, ее содержания и структуры. При этом отмечаются содержательные аспекты криминалистической характеристики преступлений, разделяемые большинством ученых, и аспекты, вызывающие дискуссию. Проводится анализ структуры криминалистической характеристики преступлений и основных подходов, сложившихся в юридической литературе по этому вопросу. Рассматриваются основные элементы, предлагаемые к включению в структуру криминалистической характеристики, приводится их оценка. Акцентируется внимание на необходимости дальнейших исследований вопросов криминалистической характеристики преступлений и предлагаются возможные направления их развития. В качестве одного из основных таких направлений называется выработка единых критериев формирования структуры криминалистической характеристики преступлений. В связи с этим в статье приводится обзор существующих на этот счет в криминалистической литературе авторских позиций, в том числе использование в качестве критерия элементов состава преступления, обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу и др. Анализируются причины значительного расхождения позиций ученых по вопросам содержания и структуры криминалистической характеристики преступлений. В качестве одной из основных причин обозначается различное понимание авторами сущности и роли криминалистической характеристики преступлений в структуре методики расследования, обусловленное в том числе применяемой терминологией – термин «криминалистическая характеристика преступлений» не совсем точно отражает суть обозначаемого понятия. В связи с этим проведен анализ используемой терминологии с этимологических позиций и сформулированы предложения по ее дальнейшему применению в криминалистической методике.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая характеристика преступлений, расследование, методика.

Criminalistic Characteristics of Crimes: Terminological Aspect

O. V. Bespechniy, M. A. Neymark

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹543223652758@mail.ru, ²neymark.m@mail.ru

The article concentrates on the criminalistic characteristics of crimes as one of the key concepts of the criminalistic methodology of crime investigation from the point of view of the terminology used to designate it and its correspondence to the content of the concept. The article considers the evolution of views and approaches that have developed in science regarding the role of criminalistic characteristics of crimes in the structure of newly devised private methods, its content and structure. At the same time the article notes both substantial aspects of the criminalistic characteristics of crimes admitted by most scientists, and aspects that cause dispute. The analysis of the structure of the criminalistic characteristics of crimes and the main approaches developed on this issue in legal literature is carried out. The main elements proposed for inclusion into the structure of the forensic characteristics are considered and evaluated. Attention is focused on the need for further research on the issues of criminalistic characteristics of crimes and the possible development areas are proposed. One of such development areas is devising uniform criteria for building the structure of the criminalistic characteristics of crimes. In this connection, the article provides an overview of the author positions existing in this regard in forensic literature, where elements of the corpus delicti, circumstances to be proved in a criminal case, etc. are seen as a criterion. The reasons for the significant divergence of the positions of scientists towards the content and structure of the criminalistic characteristics of crimes are analyzed. One of the main reasons is different understanding by the authors of the essence and role of the criminalistic characteristics of crimes in the structure of the investigation methodology conditioned among other things by the employed terminology – "criminalistic characteristics of crimes", which does not accurately reflect the essence of

the designated concept. In this connection, the analysis of the terminology with regard to etymology has been carried out and proposals for its further application in forensic methodology have been formed.

Key words: criminalistics, criminalistic characteristics of crimes, investigation, methodology.

Формирование криминалистической методики расследования как раздела науки криминалистики, а также разработка частных криминалистических методик расследования основывается на понимании тесной взаимосвязи и взаимозависимости деятельности по раскрытию и расследованию преступлений (криминалистической деятельности) и деятельности по их совершению (криминальной деятельности). Этот принципиальный подход положен в основу структуры разрабатываемых криминалистических методик, включающих, как правило, два элемента: криминалистическую характеристику преступлений, отражающую особенности деятельности по совершению преступлений определенного вида, и характеристику процесса расследования таких преступлений, содержащую рекомендации по ее эффективному производству.

Понятие «криминалистическая характеристика преступлений» с момента появления его в научной литературе вызывало широкую дискуссию относительно определения его содержания [Гавло 2002: 207-212]. Так, по мнению И. А. Возгрина, криминалистическая характеристика преступлений «представляет собой описание состояния и особенностей борьбы с различными категориями преступных деяний» [Возгрин 1983: 206]. В. А. Образцов предлагает рассматривать криминалистическую характеристику как «систему объективных данных о механизме преступного деяния, типичных отражаемых и отражающих объектах, взаимодействующих в процессе совершения преступления, особенностях и источниках формируемой информации, имеющей значение для решения задач уголовного судопроизводства путем применения обусловленных ими криминалистических средств, приемов и методов» [Образцов 1976: 102]. По мнению Р. С. Белкина, криминалистическая характеристика преступлений представляет собой абстрактное научное понятие, результат научного анализа определенного вида преступной деятельности (вида или рода преступлений), обобщения его типичных признаков или особенностей [Белкин 1993: 39].

Таким образом, очевидно различное представление, сложившееся у авторов, относительно рассматриваемой категории. В связи с этим представляется необходимым остановиться на анализе отдельных положений, из которых следует исходить при определении понятия криминалистической характеристики преступлений.

Несмотря на имеющиеся расхождения, ряд теоретических положений, связанных с содержанием данного понятия, разделяется большинством авторов. Так, криминалистическая характеристика преступлений рассматривается как информационная модель преступного события (А. Н. Колесниченко, В. Е. Коновалова, И. М. Лузгин, Н. П. Яблоков); криминалистическую характеристику составляет информация о преступлении с точки зрения криминалистического подхода, т. е. информация, способствующая его раскрытию и расследованию [Артамонов 1984: 64; Букаев 2000: 13-14; Пантелеев 1980: 83]; такая информация носит системный характер; информация, составляющая содержание криминалистической характеристики преступлений, имеет прикладное значение, состоящее в возможности выдвигать типовые следственные версии в условиях информационной неопределенности процесса расследования.

Научный интерес, проявлявшийся к вопросам криминалистической характеристики преступлений на протяжении нескольких десятков лет, в последнее время существенно снизился [Беспечный 2022: 221]. Этому способствовали появившиеся в литературе высказывания видных ученых-криминалистов, выразивших сомнение в перспективности дальнейших исследований, связанных с категорией «криминалистическая характеристика преступлений» [Белкин 2001: 223]. И хотя такая позиция встретила в научных кругах обоснованную критику, основания для нее, безусловно, имеются. К таким основаниям, прежде всего, следует отнести низкую практическую значимость криминалистической характеристики преступлений как элемента разрабатываемых частных криминалистических методик. Первые работы, посвященные исследованию криминалистической характеристики преступлений, акцентировали внимание на практическом значении этой категории, ее значимости для разработки оптимальных и эффективных рекомендаций по расследованию преступлений. Однако многие последующие диссертационные исследования, связанные с разработкой частных криминалистических методик расследования, продемонстрировали незначительное внимание авторов к непосредственному учету данных криминалистической характеристики преступлений определенного вида при разработке рекомендаций по их расследованию.

Значительные сложности в теоретическом развитии криминалистической характеристики преступлений как научной категории вызвало различное понимание количественного состава и содержания образующих ее элементов. В этом вопросе позиции авторов отличаются большим разнообразием. Среди наиболее часто выделяемых элементов можно назвать следующие: способ совершения преступления; способ сокрытия преступления; субъект преступления; особенности личности преступника; обстановка совершения преступления; объект (предмет) преступного посягательства; следы преступления (механизм следообразования); личность жертвы преступного посягательства; мотив, цель. Помимо перечисленных авторами предлагается включать в содержание криминалистической характеристики и другие элементы, многие из которых носят довольно спорный характер.

В частности, отдельными учеными предлагается включать в криминалистическую характеристику преступлений данные о следственных ситуациях (И. Ф. Герасимов, А. Н. Колесниченко, А. Ф. Облаков, И. Ф. Пантелеев и др.), что весьма сомнительно, поскольку следственная ситуация характеризует не процесс совершения преступления, а процесс его расследования.

По этим же соображениям в структуру криминалистической характеристики преступлений не должны входить исходные данные о преступном событии, что предлагается некоторыми авторами. Как справедливо отмечает В. К. Гавло, «исходные данные о расследуемом событии составляют часть формирующейся исходной следственной ситуации и являются структурным элементом другого звена методики расследования – криминалистической характеристики расследования» [Гавло 1985: 166].

Не совсем ясна связь с криминалистической характеристикой преступлений особенностей обнаружения и выявления преступлений, основных направлений расследования (А. Н. Колесниченко), причин и условий, способствующих совершению преступлений (Р. С. Белкин), состояния и значения борьбы с определенным видом преступлений (И. А. Возгрин).

Конечно же, решение проблемы с неоднозначным пониманием структуры криминалистической характеристики преступлений связано с выработкой единых критериев ее формирования. И этой проблеме изначально уделяли внимание многие авторы, но их подходы также были далеки от единства и вызвали критику.

Большинство авторов справедливо указывает в качестве критерия включения отдельных элементов в структуру криминалистической характеристики их криминалистическую значимость, т. е. значимость для расследования преступления [Гавло 1985: 161-162; Образцов 1984: 8]. Однако такой критерий представляется явно недостаточным. Указание на интересы криминалистической деятельности в качестве критерия формирования структуры криминалистической характеристики преступлений не исключает существования субъективных факторов при решении этого вопроса.

Попытки разрешения данной проблемы неоднократно предпринимались в криминалистической литературе. По мнению В. А. Образцова, подходы к определению системы элементов следует основывать на понимании человеческой деятельности в целом. Таким образом, в криминалистическом отношении преступление представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов: лицо, совершившее преступление; лицо, на которое направлено преступное посягательство, либо иной объект; цели преступления (в том числе и мотив); средства достижения преступных целей; процесс (механизм) преступной деятельности; результат преступной деятельности [Образцов 1984: 8].

Распространенной является точка зрения о целесообразности использования в качестве основания для выделения элементов криминалистической характеристики описания состава преступления [Селиванов 1977: 56]. Высказываются также предложения о необходимости учета при выделении элементов криминалистической характеристики преступлений обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу.

Конечно же, криминалистическая характеристика не может быть сведена к уголовно-правовой характеристике преступлений или отождествляться с предметом доказывания. Признаки, охватываемые ими, характеризуют преступление с качественно разных сторон. Признаки состава преступления, установление которых является результатом расследования, а также обстоятельства, входящие в предмет доказывания, определяют, как представляется, направление движения расследования, его задачи и тем самым служат основой для выделения криминалистически значимых признаков преступления.

Как справедливо отмечает А. А. Хмыров, обстоятельства, образующие предмет доказывания, и элементы, составляющие типовую криминалистическую характеристику преступлений, совпадают лишь в основном, но далеко не полностью. Кроме того, даже совпадающие обстоятельства представляют интерес для предмета доказывания и для криминалистической характеристики различными аспектами своего содержания [Хмыров 1984: 52].

В последнее время криминалистическая характеристика преступлений не ушла из научного оборота и сохранила значение одного из элементов криминалистической методики расследования преступлений. При этом острота дискуссий вокруг ее понятия и содержания заметно снизилась. Однако прежние проблемы, связанные с ней, также не нашли окончательного решения. И одна из них – определение элементного состава криминалистической характеристики преступлений. По-прежнему авторы выделяют различный набор элементов и по-разному рассматривают их содержание. Анализ криминалистической литературы последних лет, посвященной частным методикам расследования отдельных видов и групп преступлений, показывает, что авторы все меньше внимания уделяют теоретическому обоснованию структуры криминалистической характеристики рассматриваемых ими категорий преступных деяний, ограничиваясь лишь перечислением ее элементов [Семенихина 2022: 1-6; Иващенко 2022: 88-95].

В то же время перечень таких элементов отличается несколько большим единообразием. Так, С. Г. Злобин в статье, посвященной криминалистической характеристике сбыта псевдо-деактивированного огнестрельного оружия с использованием интернет-ресурсов, в качестве элементов криминалистической характеристики называет предмет преступного посягательства, личность преступника, способ подготовки, совершения и сокрытия преступления, мотив преступления [Злобин 2022: 99-103]. С. В. Харченко и П. И. Иванов в криминалистической характеристике экономических преступлений в агропромышленном комплексе России к элементам криминалистической характеристики исследуемых преступлений относят предмет преступного посягательства, способ совершения преступления, личность преступника [Харченко, Иванов 2021: 93-98]. Подобные взгляды разделяются и многими другими современными авторами.

Причины различающихся подходов к вопросам, связанным с криминалистической характеристикой преступлений, как представляется, состоят в разном понимании сущности этой научной категории.

С одной стороны, не вызывает возражений включение криминалистической характеристики преступлений в структуру методики расследования преступлений, а также ее определяющее значение для разработки соответствующих методических рекомендаций. С другой, неоднозначно рассматривается содержание и характер связи криминалистической характеристики преступлений с другими структурными элементами криминалистической методики, ее непосредственная роль, механизм реализации сведений о типичных особенностях преступлений определенного вида в разрабатываемых рекомендациях по их расследованию.

Такое расхождение в понимании сущности криминалистической характеристики преступлений, как представляется, связано в том числе с особенностями самого используемого термина. По своему содержанию термин «характеристика» означает описание характерных, отличительных качеств, черт, свойств чего-либо [СЭС 1986: 1447]. Применительно к криминалистической характеристике преступлений это предполагает включение в ее содержание любых признаков преступления определенного вида, отличающих его от других подобных. Круг таких признаков может быть весьма широким. Но связь этих признаков с процессом расследования преступления может носить различный характер – одни из них непосредственно влияют на организацию, планирование и производство расследования, влияние других может не иметь существенного значения. Однако с момента введения в научный оборот термина «криминалистическая характеристика

преступлений» авторами вкладывалось в него иное содержание. Анализ изначально предлагаемых исследователями определений данного понятия показывает, что под «криминалистической характеристикой» понималась не столько характеристика преступления, сколько его модель, т. е. образец, эталон, что предполагает включение в ее содержание именно существенных, значимых с точки зрения понимания сущности отражаемого объекта признаков. Так, к примеру, В. Я. Колдин в целях криминалистического изучения преступления рассматривал типовую криминалистическую модель преступной деятельности, под которой понимается информационная система, построенная на основе обобщения представительного массива уголовных дел определенной категории, отражающая закономерные связи между существенными для раскрытия и расследования элементами программно-целевого комплекса, способа действия преступника, механизма расследуемого события, обстановки преступления и особенностями личности преступника и служащая для выдвижения типовых следственных версий [Колдин 1987: 65].

Представляется, что подход к пониманию криминалистической характеристики преступлений предполагает не только описание криминалистически значимых признаков преступления, но и выделение тех из них, которые имеют существенное, определяющее значение для процесса расследования и образуют лаконичную завершенную систему. При этом такая система должна быть единой для любых видов преступлений, различаясь только спецификой содержания отдельных признаков применительно к каждому из видов.

Литература

- Артамонов И. И. Методологические аспекты криминалистической характеристики / Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.
- Белкин Р. С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» / Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула, 2000.
- Беспечный О. В. Некоторые вопросы структуры методик расследования преступлений против правосудия / Проблемы теории и практики исполнения уголовно-процессуальных обязанностей: сборник статей XX Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2022. С. 221-224.
- Букаев Н. М. Криминалистика: методика расследования преступлений. Курс лекций. Владивосток, 2000.
- Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования. Минск, 1983.
- Гавло В. К. Наследие Р. С. Белкина и дискуссионные вопросы / Роль и значение деятельности проф. Р. С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики. М., 2002. С. 207-212.
- Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методика расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.
- Злобин С. Г. Криминалистическая характеристика сбыта псевдо-деактивированного огнестрельного оружия с использованием интернет-ресурсов / Вестник экономической безопасности. - 2022. - № 3. - С. 99-103.
- Иващенко М. А. Организационные основы расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет / Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. - 2022. - № 1. - С. 88-95.
- Колдин В. Я. Криминалистическое знание преступной деятельности: функция моделирования / Советское государство и право. - 1987. - № 2. - С. 65.
- Криминалистика: краткая энциклопедия. М., 1993.
- Митричев С. П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973.
- Облаков А. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации. Хабаровск, 1985.
- Образцов В. А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения / Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.
- Пантелеев И. Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980.
- Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования / Социалистическая законность. - 1977. - № 2. - С. 56.
- Семенихина Т. Н. Методика расследования дистанционных мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий под предлогом продажи (покупки) различных товарно-материальных ценностей на интернет-сайтах / Вестник Воронежского университета МВД России. - № 1. - 2022. - С. 1-7.
- Советский энциклопедический словарь. М., 1986.
- Танасевич В. Г. О криминалистической характеристике преступлений / Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1976. - Вып. 25. - С. 102.
- Харченко С. В., Иванов П. И. К вопросу о криминалистической характеристике экономических преступлений в агропромышленном комплексе России / Вестник Московской академии Следственного комитета РФ. - № 1. - 2021. - С. 93-98.
- Хмыров А. А. Криминалистическая характеристика преступления и предмет доказывания / Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.

References

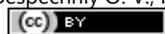
Artamonov, I. I. (1984). Methodological aspects of forensic characteristics. In: Criminalistic characteristics of crimes. Moscow (in Russian).

- Belkin, R. S. (2000). A concept that has become a "forensic relic". In: Russian legislation and legal sciences in modern conditions: status, problems, prospects. Tula (in Russian).
- Bespechniy, O. V. (2022). Some questions of the structure of methods of investigation of crimes against justice. In: Problems of theory and practice of execution of criminal procedural duties. Barnaul (in Russian).
- Bukaev, N. M. (2000). Criminalistics: methods of crime investigation: a course of lectures. Vladivostok (in Russian).
- Criminalistics: a short encyclopedia. (1993). Moscow (in Russian).
- Gavlo, V. K. (1985). Theoretical problems and practice of applying the methodology of investigation of certain types of crimes: a monograph. Tomsk (in Russian).
- Gavlo, V. K. (2002). The legacy of R. S. Belkin and controversial issues. In: The role and significance of prof. R.S. Belkin's activity in the formation and development of modern criminology. Moscow, 207-212 (in Russian).
- Harchenko, S. V., Ivanov, P. I. (2021). On the issue of criminalistic characteristics of economic crimes in the agro-industrial complex of Russia. Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 1, 93-98 (in Russian).
- Hmiyrov, A. A. (1984). Criminalistic characteristics of the crime and the subject of proof. In: Criminalistic characteristics of crimes. Moscow (in Russian).
- Ivashenko, M. A. (2022). Organizational bases of investigation of crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors committed using the Internet. Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 1, 88-95 (in Russian).
- Koldin, V. Y. (1987). Forensic knowledge of criminal activity: modeling function. The Soviet State and law, 2, 65 (in Russian).
- Mitrichev, S. P. (1973). Methods of investigation of certain types of crimes: a monograph. Moscow (in Russian).
- Oblakov, A. F. (1985). Criminalistic characteristics of crimes and criminalistic situations: a monograph. Habarovsk (in Russian).
- Obrazcov, V. A. (1984). Criminalistic characteristics of crimes: controversial issues and ways to solve them. In: Criminalistic characteristics of crimes. Moscow (in Russian).
- Panteleev, I. F. (1980). Theoretical problems of Soviet criminology: a monograph. Moscow (in Russian).
- Selivanov, N. A. (1977). Criminalistic characteristics of crimes and investigative situations in the investigation methodology. Socialist legality, 2, 56 (in Russian).
- Semenihina, T. N. (2022). Methodology of investigation of remote frauds committed using information and telecommunication technologies under the pretext of selling (buying) various inventory items on Internet sites. Bulletin of the Voronezh University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1, 1-7 (in Russian).
- Soviet Encyclopedic Dictionary (1986). Moscow (in Russian).
- Tanasevich, V. G. (1976). About the criminalistic characteristics of crimes. Issues of combating crime, 25, 102 (in Russian).
- Vozgrin, I. A. (1983). Forensic investigation methodology: a monograph. Minsk (in Russian).
- Zlobin, S. G. (2022). Criminalistic characteristics of the sale of pseudo-deactivated firearms using Internet resources. Bulletin of Economic Security, 3, 99-103 (in Russian).

Citation:

Беспечный О. В., Неймарк М. А. Криминалистическая характеристика преступлений: терминологический аспект // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 6-10.

Bespechniy O. V., Neymark M. A. (2023) Criminalistic Characteristics of Crimes: Terminological Aspect. Legal Linguistics, 30, 6–10.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие системного (систематического) толкования права в отечественной юридической науке XIX – нач. XX вв.

Ю. А. Зеленин¹, К. А. Синкин²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹uri-zelenin@yandex.ru, ²ska76@mail.ru

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы системного способа толкования норм права сквозь призму мнений дореволюционных правоведов. Отмечается, что выделение способов толкования норм права происходит в конце XIX в., а в начале XX в. начинается их активное исследование. При этом системный способ толкования в данных исследованиях упоминается лишь вскользь. Авторы статьи приходят к выводу о том, что в отечественной дореволюционной юридической науке сложились две основные позиции по отношению к системному толкованию: одни авторы, следуя за позицией известного немецкого правоведа К. Савиньи, считали его самостоятельным толкованием, а другие – частью (приемом, способом, элементом) логического (реального) толкования.

Ключевые слова: системное толкование права, способы толкования права, история толкования права.

The Concept of a Systemic (Systematic) Interpretation of Law in Domestic Legal Science XIX – Early XX Centuries

U. A. Zelenin, K. A. Sinkin

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹uri-zelenin@yandex.ru, ²ska76@mail.ru

The article concentrates on the study of issues of the systemic way of interpreting of legal norms through from the stand-point of pre-revolutionary lawyers. The selection of ways to interpret legal norms began at the end of the 19th century but active research of interpreting legal norms didn't start until the beginning of the 20th century. At the same time the systemic method of interpretation of legal norms is mentioned only in passing in these studies. The authors of the article have come to the conclusion that in the domestic pre-revolutionary legal science there were two main positions in relation to the systemic interpretation. The first one is that some authors following the position of the famous German lawyer K. Savigny considered it an independent interpretation. The second, other lawyers considered the systematic way of interpreting the legal norms as a part (reception, method, element) of a logical (real) interpretation.

Key words: systematic interpretation of law, ways of interpretation of law, history of interpretation of law.

Способы толкования норм права всегда были предметом пристального внимания отечественной юриспруденции. Однако до сих пор нет единой точки зрения относительно понятия системного толкования. Существуют разногласия по поводу названия (систематический способ толкования, системный метод толкования, системное толкование и др.) и предмета данного толкования. Тем не менее, способ системного (систематического, системно-логического и др.) толкования признается практически всеми современными исследователями, как теоретиками права, так и представителями отраслевых юридических наук в качестве самостоятельного способа [Черданцев 1979: 60; Толстик, Дворников, Кургин 2010]. Некоторые авторы даже считают системно-логический главным способом толкования, который должен обязательно применяться наряду с исходным грамматическим толкованием [Курбатов 2020: 77-85]. Полагаем, что для того, чтобы лучше понять причины разногласий современных авторов, необходимо проанализировать позиции дореволюционных правоведов по данной проблеме.

Выделение способов толкования происходит еще в конце XIX в., а уже в начале XX в. начинается их активное исследование. Системный способ толкования в данных исследованиях упоминается лишь вскользь.

В «Энциклопедии законодательства» К. А. Неволина не содержится отдельного раздела о толковании права. Но в разделе, посвященном связи законовещения с филологией (языкознание, герменевтика и филологическая критика), он выделяет только два способа толкования: «Герменевтика преподает правила для истолкования подлежащих нам словесных памятников. При уразумении смысла памятника можно руководствоваться или правилами грамматическими, или сверх того и правилами логики. В первом случае истолкование называется грамматическим, во втором – логическим» [Неволин 1997: 82].

М. Н. Капустин тоже не выделяет в качестве отдельного способа или вида системное толкование. В первом издании своей «Юридической догматики» (1868) М. Н. Капустин отмечает, что целью «истолкования закона» является «отыскание смысла закона, без которого невозможно знание и приложение его». «Грамматическое истолкование» предварительно объясняет этот смысл «по буквальному значению слова», а затем, если смысл остается неясным, «ученое или юридическое истолкование» объясняет его «из воли законодателя». Он подчеркивает, что «цель обоих толкований одна и та же, и они различаются только средствами». Также в качестве «высшей степени истолкования права» он выделяет аналогию, которая «состоит в отыскании и приложении общих норм всего законодательства или духа законов» [Капустин 1868: 181-182, 184]. В издании «Юридической догматики» он в целом сохраняет свои прежние представления, но корректирует название и содержание некоторых терминов. Теперь он истолкование закона делит на интерпретацию и аналогию. Первая в том числе включает в себя грамматическое и логическое истолкование (ранее он его именовал ученым или юридическим). Также он конкретизирует содержание логического истолкования: «Мысль закона объясняется из трех элементов, которые послужили для нее основанием. Таковы: история составления закона, связь его с другими законами однородного содержания, логическое заключение от большого к меньшему и наоборот, сравнение отдельных частей того же закона, изучение мнений, которые высказывались при его обсуждении и проч.» [Капустин 1893: 94-95]. Названий этих элементов он не приводит.

П. Г. Редкин выделяет четыре рода толкования: аутентическое (законное), обычное, практическое и теоретическое (научное) [Редкин ...: 677-678]. В рамках теоретического толкования им выделяются буквальное (грамматическое) и логическое толкование. Первое представляет собой понимание слов закона в общепотребительном их значении, второе – научное толкование закона, которое доискивается, в каком именно значении употреблены законодателем слова, выясняется их смысл. В рамках логического толкования П. Г. Редкин указывает возможным применение таких средств, как выяснение основ и целей издания закона; обращение к законам того же законодателя; обращение к законам других законодателей; обращение к духу всего законодательного права; если все указанные средства не дали положительного результата, то правоприменитель «удовлетворяется одной простой вероятностью, т. е. наиболее правдоподобным, подходящим к правде, к истине смыслом» [681-683]. Наименования перечисленных средств П. Г. Редкин не приводит.

Н. В. Суворов выделяет три «средства» толкования: грамматическое, логическое и историческое. Однако логическое толкование он трактует достаточно широко. С его помощью выясняется, «какое положение занимает данный закон в отношении к другим законам, в отношении к тому юридическому институту, к которому он принадлежит, и даже к целому законодательству». Также он отмечает, что в рамках логического толкования осуществляется «выяснение цели, к которой стремится законодатель, устанавливая данную норму [Суворов 1907: 71-72].

Известный специалист по уголовному праву Н. С. Таганцев отмечал, что систематическое толкование стало возможным «в законодательствах новейшей формации, в которых отдельные законы систематизируются в виде сводов или уложений с их разделением на отделы, главы и т. д. При таком распределении статей определение их смысла и значения весьма часто может зависеть от того места, которое им отведено в кодексе» [Таганцев 1902].

Е. Н. Трубецкой в своих лекциях по энциклопедии права считал, что грамматическое и логическое толкование являются не самостоятельными видами толкования, а лишь взаимосвязанными между собой приемами толкования. Систематическое и историческое толкование, с его точки зрения, «не более как различные способы логического толкования, взаимно восполняющие друг друга», т. е. он считал понятие «прием» более широким, чем понятие «способ». С его точки зрения, «систематическое толкование состоит в восстановлении логического смысла данного закона, и поэтому оно не может быть противоположаемо толкованию логическому». Таким образом, под систематическим толкованием (как способа, т. е. части логического приема толкования) он понимал сопоставление отдельного закона с другими законами в целях уяснения его смысла [Трубецкой 1909: 141-143].

Близкого подхода к систематическому толкованию придерживался Е. В. Васьяковский. Он выделял словесное (толкование мысли, буквы закона) и реальное толкование (толкование воли, духа закона) как последовательные стадии единого интерпретационного процесса. Составные части реального толкования он назвал не способами или приемами, а элементами, и выделял, соответственно, логический и системный элементы как основные (при преобладании первого), а также те элементы, на которых основывается закон: формально-юридический (правовой принцип, на котором основывается норма права); законодательно-политический или теологический (цель, ради которой норма права установлена); психологический (мотивы (соображения и стремления), которые побудили законодателя к созданию нормы); исторический (источники, т. е. юридическая доктрина и предшествующие законодательные акты, послужившие историческим основанием нормы) [Васьяковский 2002: 144-148].

Логический элемент, по его мнению, преобладал над системным. Он утверждал, что «логическое отношение между нормами бывает различно: одна норма может развивать и дополнять другую, распространять или ограничивать ее в том либо ином направлении, подтверждать и обосновывать или, наконец, прямо противоречить ей». Также он подчеркивал, что логическое отношение между нормами часто ошибочно называют систематическим элементом толкования, а изъяснение законов на основании него – систематическим толкованием. Но гораздо правильнее, по его мнению, говорить о логическом элементе и логическом толковании в тесном смысле слова. Не только логическая связь с другими нормами, подчеркивал Васьяковский, но и место, занимаемое нормой среди них и вообще в системе законодательства, отражается на ее значении... Это положение нормы в системе права он характеризовал как систематический элемент толкования» [Васьяковский 2002: 141-144].

Современные исследователи считают, что, говоря о системном элементе реального толкования, Е. В. Васьяковский «вел речь не о системном толковании (с учетом именно современного понимания), а о значении систематизации норм права для процесса толкования» [Толстик, Дворников, Каргин 2011].

И. А. Покровский указывал, что судья свободен в приемах для изъяснения истинного смысла закона; не будучи связан его буквой, судья может прибегать к толкованию логическому: он может делать заключение об истинном смысле закона на основании его положения среди других норм (толкование систематическое), на основании его истории (толкование историческое) и преследуемых им целей, т. е. рассматривал систематическое и историческое толкование как разновидности логического толкования [Покровский URL].

Г. Ф. Шершеневич в своих взглядах на системное толкование был близок к Е. В. Васьяковскому. Рассматривая взаимосвязь между грамматическим и логическим толкованием, он отмечал, что логическое, или иначе называемое реальное, толкование стремится вывести содержание закона или из его собственного текста, или из сопоставления этого текста с текстом других законов. Систематическое толкование он рассматривал как один из приемов логического толкования и определял как «уяснение содержания данного закона по сопоставлению его с другими, одновременно существующими в той системе права» [Шершеневич 1910: 739-740].

Д. И. Мейер полагал, что «систематическое толкование определяет смысл закона по соображению места, занимаемого им в системе законодательства. Закон, помещенный в системе законодательства под рубрику, в которой определяются видовые юридические отношения, не может быть применен к юридическим отношениям другого вида, хотя бы и обнимал их общую форму своего выражения» [Мейер 1914]. Однако в отличие от других ученых, например от Е. Н. Трубецкого, Д. И. Мейер не сводит систематическое толкование к толкованию логическому (под которым понимал «непосредственное приложение к закону правил мышления») и ведет речь о самостоятельной разновидности толкования.

Известный теоретик права М. Н. Коркунов тоже выделял систематическое толкование как самостоятельный прием, наряду с грамматическим, логическим и историческим. Под ним он понимал «выяснение смысла нормы из соображения ее соотношения к общей системе права». Поэтому в отличие от Д. И. Мейера он подчеркивал, что «объяснение нормы по соображению с заголовком того отдела законодательного акта, где она помещена, обыкновенно называемое у нас систематическим толкованием, есть только частная форма логического» [Коркунов 1909: 346].

Поддерживал позицию М. Н. Коркунова и П. А. Сорокин, который выделял системное толкование как один из четырех самостоятельных приемов толкования. Хотя определял его скорее как Д. И. Мейер и понимал под ним «сопоставление данной статьи закона с другими статьями свода законов, имеющими связь с первыми» [Сорокин 2009: 85].

Таким образом, в отечественной дореволюционной юридической науке сложились две основные позиции по отношению к системному толкованию: одни авторы, следуя за позицией известного немецкого правоведа К. Савиньи, считали его самостоятельным (Мейер, Коркунов, Сорокин), а другие – частью (приемом, способом, элементом) логического (реального) толкования (Трубецкой, Васьяковский, Шершеневич, Покровский). Можно прийти к выводу, что систематическое и логическое толкование до начала XX в. включительно понималось большей частью научного сообщества иначе, чем на современном этапе, а систематическое толкование наиболее часто трактовалось как подвид логического.

Литература

- Васьяковский В. Е. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002.
- Капустин М. Н. Теория права (Юрид. догматика). Т. 1. М., 1868.
- Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). СПб., 1893.
- Коркунов М. Н. Лекции по общей теории права. СПб., 1909.
- Курбатов А. Я. Системно-логическое толкование норм права как обязательный и преобладающий способ толкования / Законодательство. - 2020. - № 2. - С. 77-85.
- Мейер Д. И. Русское гражданское право. Петроград, 1914.
- Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. СПб., 1997.
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_11.html
- Редкин П. Г. Энциклопедия юридических и политических наук. СПб., 1875. URL: <http://hdl.handle.net/11701/20146>
- Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб, 2009.
- Суворов Н. В. Лекции по энциклопедии права. М., 1907.
- Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1902.
- Толстик В. А., Дворников Н. Л., Каргин К. В. Системное толкование норм права. М., 2010.
- Толстик В. А., Дворников Н. Л., Каргин К. В. Системное толкование норм права. М., 2011.
- Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1909.
- Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979.
- Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910.

References

- Cherdantsev, A. F. (1979). Interpretation of Soviet law. Moscow (in Russian).
- Kapustin, M. N. (1868). Theory of Law (Jurid. Dogmatics). T. 1. Moscow (in Russian).
- Kapustin, M. N. (1893). Legal encyclopedia (dogmatics). St. Petersburg (in Russian).

- Korkunov, M. N. (1909). Lectures on the general theory of law. St. Petersburg (in Russian).
- Kurbatov, A. Ya. (2020). Systemic and logical interpretation of the rules of law as a mandatory and predominant way of interpretation. *Legislation*, 2, 77-85 (in Russian).
- Meyer, D. I. (1914). Russian civil law. Petrograd (in Russian).
- Nevolin, K. A. (1997). Encyclopedia of jurisprudence. St. Petersburg (in Russian).
- Pokrovsky, I. A. The main problems of reverse rights. Available from: http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_11.html (in Russian).
- Redkin, P. G. (1875). Encyclopedia of legal and legal sciences. St. Petersburg,. URL: <http://hdl.handle.net/11701/20146> (in Russian).
- Shershenevich, G. F. (1910). General theory of law. Moscow (in Russian).
- Sorokin, P. A. (2009). An elementary textbook of the general theory of law in the study of communication about the state. St. Petersburg (in Russian).
- Suvorov, N. V. (1907). Lectures on the Encyclopedia of Law. Moscow (in Russian).
- Tagantsev, N. S. (1902). Law course. St. Petersburg (in Russian).
- Tolstik, V. A., Dvornikov, N. L., Kargin, K. V. (2010). System interpretation of the rules of law. Moscow (in Russian).
- Tolstik, V. A., Dvornikov, N. L., Kargin, K. V. (2011). System interpretation of the rules of law. Moscow (in Russian).
- Trubetskoy, E. N. (1909). Lectures on the Encyclopedia of Law. Moscow (in Russian).
- Vaskovsky, V. E. (2002). Civilistic methodology. The doctrine of interpretation and application is obvious. Moscow (in Russian).
-

Citation:

Зеленин Ю. А., Синкин К. А. Понятие системного (систематического) толкования права в отечественной юридической науке XIX – нач. XX вв. // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 11-14.

Zelenin U. A., Sinkin K. A. (2023) The Concept of a Systemic (Systematic) Interpretation of Law in Domestic Legal Science XIX – Early XX Centuries. *Legal Linguistics*, 30, 11–14.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Об использовании понятия «судебный штраф»

В. В. Сорокин

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: sorokin.v@yandex.ru

Суть применения понятия «судебный штраф» заключается в освобождении лица от уголовной ответственности и обязывании выплатить денежную сумму в том случае, если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести и возместило ущерб или причиненный преступлением вред. Уникальная особенность судебного штрафа заключается в том, что он основан исключительно на добровольной уплате виновным лицом. Если же лицо не выполнило судебное решение в установленный срок, то такое решение подлежит отмене, а дело – новому рассмотрению, но уже в общем порядке. Применяя институт судебного штрафа, государство тем самым «дает шанс» лицам, совершившим преступления небольшой либо средней тяжести, встать на путь исправления, понеся «минимальные потери». Правонарушитель фактически не остается безнаказанным, но в то же время не имеет судимости, не подвергается лишению или ограничению личных и социальных прав, что присуще применению института уголовного наказания.

Ключевые слова: судебный штраф, нормативно-правовой акт, юридическая ответственность, виды наказания.

On the Use of Concept of "Judicial Penalty"

V. V. Sorokin

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: sorokin.v@yandex.ru

The essence of the application of the concept of "judicial penalty" is to release a person from criminal liability and oblige to pay a sum of money in the event a person has committed a minor or moderate crime for the first time and has compensated for damage or caused harm. A unique feature of a court penalty is that it is based solely on voluntary payment by the offender. If the offender does not comply with the court decision within the prescribed period, then such a decision is subject to cancellation, and the case is reviewed again but per standard procedure. Resorting to the institution of judicial penalty, the state thereby "gives a chance" to help offenders who have committed crimes of small or medium gravity mend their ways, suffering "minimal losses". The offender does not actually go unpunished, but at the same time does not have a criminal record, is not subject to deprivation or restriction of personal and social rights, which is inherent in the application of the institution of criminal punishment.

Key words: judicial penalty, regulatory legal act, legal liability, types of punishment.

В настоящее время в условиях постоянно меняющейся политической и экономической обстановки как внутри российского государства, так и на уровне международного сообщества в целом, особый интерес представляют применяемые способы юридического регулирования и методы правового воздействия на общественные отношения. Современное уголовное законодательство разных стран стремится к гуманизации: увеличивается число диспозитивных норм; появляются новые правовые институты, приоритетом которых является соблюдение прав и удовлетворение интересов человека; смягчается наказание; учитываются личность виновного и потерпевшего, конкретные обстоятельства совершения неправомерного действия; обеспечивается баланс применяемых мер уголовной ответственности и причиненного правонарушением вреда [Луценко 2019: 3].

Для Российской Федерации также характерны названные выше тенденции. Несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку и, как следствие, нестабильную ситуацию внутри страны, законодатель стремится к сохранению демократических институтов, к широкому применению не только наказания, но и иных уголовно-правовых мер как метода реагирования и способа восстановления нарушенных общественных отношений.

Так, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в УК РФ введен новый уголовно-правовой институт «судебный штраф». Новый институт представляет интерес как для науки уголовного права, так и для сферы правоприменения, поскольку, судя по расположению в тексте Уголовного кодекса РФ [Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2016: 45]

соответствующих норм, посвященных судебному штрафу статей и глав, он имеет двойную правовую природу. Так, глава 15.2 «Судебный штраф» расположена в разделе VI «Иные меры уголовно-правового характера», и в то же время статья 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» находится в главе 11 «Освобождение от уголовной ответственности». Таким образом, судебный штраф одновременно можно назвать одной из иных мер уголовно-правового характера, а также одним из видов освобождения от уголовной ответственности. Представляется, что оба эти аспекта одного института судебного штрафа находятся во взаимосвязи между собой.

Суть применения судебного штрафа заключается в освобождении лица от уголовной ответственности и обязывании выплатить денежную сумму в том случае, если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести и возместило ущерб или причиненный преступлением вред (ст. 76.2 УК РФ). Уникальная особенность судебного штрафа заключается в том, что он основан исключительно на добровольной уплате виновным лицом. Если же лицо не выполнило судебное решение в установленный срок, то такое решение подлежит отмене, а дело – новому рассмотрению, но уже в общем порядке (ст. 104.4 УК РФ).

Применяя институт судебного штрафа, государство тем самым «дает шанс» лицам, совершившим преступления небольшой либо средней тяжести, встать на путь исправления, понеся «минимальные потери». Правонарушитель фактически не остается безнаказанным, но в то же время не имеет судимости, не подвергается лишению или ограничению личных и социальных прав, что присуще применению института уголовного наказания.

Кроме того, включение судебного штрафа в перечень иных мер уголовно-правового характера и в перечень оснований освобождения от уголовной ответственности направлено на побуждение лиц, совершивших правонарушение, и тех, кто является «сторонним наблюдателем», к последующему правомерному поведению.

Институт судебного штрафа введен сравнительно недавно. При его изучении интерес представляют не только вопросы содержания судебного штрафа, но и поставленные законодателем цели, достижение которых осуществляется путем применения новой уголовно-правовой меры, и, что особенно важно, – без применения принуждения со стороны государства.

1. Несмотря на то, что рассматриваемый в работе судебный штраф не является видом наказания, его назначение судом также предполагает реализацию восстановительной функции уголовного права и права в целом. То есть виновное лицо, исполняя судебное решение, тем самым восстанавливает нарушенные им же имущественные права другого человека.

Если же речь идет о причинении вреда неимущественным интересам личности, то в этом случае восстановительная функция реализуется возмещением морального ущерба, извинениями перед потерпевшей стороной, раскаянием со стороны виновного лица и т. д. Так, обвиняемым по делу был Ч., который в ходе рассмотрения гражданского дела проявил неуважение к суду, что выразилось в грубых оскорбительных словах и нецензурных высказываниях в сторону истца. Ч. обвинен в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 297 УК РФ. Однако суд освободил Ч. от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в 40 тыс. руб., указав, что «Ч. впервые привлекается к уголовной ответственности за совершение преступления небольшой тяжести, вину признает, загладил причиненный потерпевшей моральный вред принесенными извинениями...» [Постановление Тахтамукайского суда РФ 2020: 78].

2. Особой отличительной чертой судебного штрафа в уголовном праве является присущая ему социальная цель. Эта особенность проявляется в том, что при назначении виновному судебному штрафу лицо освобождается от наказания и считается несудимым. Это, безусловно, является положительным моментом как для самого гражданина, так и для общества в целом. Сам гражданин, будучи несудимым за впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести, не подвергается лишениям и ограничениям, которые предполагает наличие судимости. Также благодаря применению института судебного штрафа может уменьшаться, или хотя бы не увеличиваться, доля осужденного населения, что влияет на уровень преступности в стране, на правосознание граждан, на уровень безработицы, демографии и иные факторы общественной жизни.

3. Одной из ключевых целей всякого института уголовного права является исправление лица, совершившего преступление. Иными словами, государство стремится к исправлению правонарушителя, к формированию его правомерного поведения. Применение судебного штрафа в этом случае не является исключением. Несмотря на то, что назначение судебного штрафа не влечет за собой судимости и кардинальных изменений в правовом статусе лица, процедура рассмотрения уголовного дела судом и все формальности должны быть соблюдены, в отношении виновного лица должно быть вынесено решение, на основании которого у правонарушителя возникает дополнительное имущественное обязательство – уплата судебного штрафа.

В теории уголовного права исправительную цель также называют и целью-средством [Корнилова 2021: 321-323], так как способы ее достижения направлены еще и на то, чтобы не допустить совершения новых преступлений. Однако важно помнить о соразмерности причиненного преступлением вреда и принятого судом решения: судебный штраф может быть назначен только для исправления лиц, совершивших впервые преступления небольшой или средней тяжести [Сосновская 2019: 76-77]. В то же время правоприменительная практика свидетельствует о том, что не всегда назначение судебного штрафа и освобождение лица от уголовной ответственности может исправить неправомерное поведение лица. В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, который постановлением Рубцовского городского суда от 30.03.2021 освобожден от уголовной ответственности ст. 25.1 УПК РФ. Судом апелляционной инстанции отказано в удовлетворении представления прокурора об отмене решения суда. Восьмым кассационным судом общей юрисдикции уголовное дело пересмотрено по кассационному представлению, в котором ставился вопрос об отмене постановления, поскольку преступление совершено спустя непродолжительное время с момента совершения административного правонарушения, что свидетельствует о том, что ранее назначенное административное наказание не достигло своей цели. Факт совершения обвиняемым пожертвования в благотворительный фонд не свидетельствует о возмещении ущерба или заглаживании вреда, причиненного преступлением. В дальнейшем приговором Рубцовского городского суда от 18.03.2022 С. осужден по ст. 264.1 УК РФ к штрафу в размере 200 тыс. руб., с

лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на 2 года [Постановление Рубцовского суда 2021: 56].

4. Компенсаторно-фискальная цель института судебного штрафа, как и института наказания, предполагает компенсацию судебных расходов и пополнение казны государства за счет виновного лица, который освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Такая ситуация оправдана тем, что государство посредством законов регулирует общественные отношения и гарантирует каждому гражданину соблюдение его личных прав. А в случае нарушения общественного порядка и причинения вреда лицу уполномоченные государственные органы разрешают вопрос по установленной законом процедуре. Таким образом, правонарушитель обязан не только восстановить причиненный другому лицу материальный ущерб, но и внести определенную денежную сумму в государственный бюджет.

5. Институт судебного штрафа призван не только улучшить правовое положение граждан, но и облегчить нагрузку на правоохранительные органы. С целью экономии временных, кадровых, материальных ресурсов процедура расследования уголовного дела с назначением штрафа и направления его в суд является упрощенной. Это позволяет органам дознания, следствия, сотрудникам суда и прокуратуры сосредоточить свои силы на расследовании преступлений повышенной общественной опасности, которые требуют много времени и внимания.

6. Целью применения института судебного штрафа также является предупреждение совершения правонарушений в будущем. Вводя в действие нормы о судебном штрафе, законодатель ставил перед правоприменителем задачи, во-первых, предотвратить преступное поведение виновного лица, а во-вторых, не допустить подобных преступлений со стороны других лиц. То есть применение судебного штрафа к виновному лицу должно воздействовать на правосознание не только самого преступника, но и иных граждан.

Таким образом, цели института судебного штрафа, с одной стороны, соответствуют принципам уголовного права, с другой стороны, имеют свои характерные черты и отражают уникальную социальную сущность исследуемого нами института.

Помимо социального предназначения в науке уголовного права говорят о компромиссной природе судебного штрафа [Поплавская 2019: 189]. Компромисс видится в удовлетворении интересов всех участников уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с освобождением от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. С одной стороны, виновный, впервые совершивший преступление небольшой или средней тяжести, освобождается от уголовной ответственности, от наказания, и, как следствие, от судимости; и назначение судебного штрафа для правонарушителя на фоне возможных последствий в виде привлечения к уголовной ответственности является наилучшим вариантом разрешения возникшего конфликта. С другой стороны, потерпевший, перед которым виновный обязан понести ответственность за свои неправомерные действия, также удовлетворяет свой интерес и в упрощенном порядке, а значит, в скором времени, получает компенсацию имущественного вреда. С третьей стороны, уполномоченные сотрудники и органы власти благодаря упрощенному механизму расследования и рассмотрения уголовного дела имеют возможность использовать свое рабочее время для раскрытия преступлений повышенной общественной опасности.

Назначение судебного штрафа и сама по себе возможность освобождения лица от уголовной ответственности, закрепленная в законодательстве, это яркий пример гуманизма, справедливости, законности и демократизма.

Итак, введенный в 2016 г. в Уголовный кодекс РФ институт судебного штрафа имеет характерные черты, которые отличают его от смежных институтов и категорий. Одной из особенностей является двойная правовая природа судебного штрафа, так как законодатель формально определил судебный штраф в различных главах УК РФ. Это дает основание рассматривать судебный штраф как иную меру уголовно-правового характера и как одну из разновидностей освобождения от уголовной ответственности. Совокупность этих взаимосвязанных элементов образует уникальный по своей природе институт уголовного права – судебный штраф.

Из этого вытекает еще одна особенность судебного штрафа – его схожесть с иными мерами уголовно-правового характера и со штрафом как видом уголовного наказания. Главными отличиями судебного штрафа являются 1) его абсолютная добровольность и возможность назначения его судом только с согласия виновного лица; 2) отсутствие судимости при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Институт судебного штрафа соответствует задачам и принципам Уголовного кодекса РФ и имеет свои цели: исправительную, компенсаторно-фискальную, предупредительную, цель экономии ресурсов компетентных органов и особую социальную цель, которая заключается в снижении доли осужденного населения и улучшении уровня жизни общества.

Значение института судебного штрафа сложно переоценить, так как он имеет социально-направленную сущность: несмотря на фактическое наличие состава преступления и основание привлечения к уголовной ответственности, закон предусматривает возможность освобождения лица от уголовной ответственности и дает шанс правонарушителю восстановить причиненный потерпевшему вред без последствий в виде судимости. Таким образом государство стимулирует граждан к правомерному поведению и законопослушному образу жизни, не портит судьбу человека наличием в его резюме графы «судим», повышает уровень жизни населения, следуя основным началам демократического и правового государства, закрепленным в Конституции РФ.

Литература

Луценко Н. С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения. Хабаровск, 2019.

Корнилова Я. Г. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Молодой ученый. 2021. № 22 (364).

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. №323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. №27 (часть II). Ст. 4256.

Поплавская Н. Н., Поплавский Д. В. Плюрализм мнений об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2019.

Постановление Рубцовского городского суда от 30.03.2021 по делу № 10-56/2021 / Консультант Плюс: Справочная правовая система. – Версия 2023. – Режим доступа: (внутри академическая компьютерная сеть).

Постановление Тахтамукайского районного суда (Республика Адыгея) от 30 июля 2020 г. по делу № 1-175/2020 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PoHSpw8FWwQ8/?regular-txt>

Сосновская С. С. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / Молодой ученый. 2019. № 35 (273).

References

Lutsenko, N. S. Judicial fine: problems of theory and law enforcement. Khabarovsk, 2019.

Kornilova, Ya. G. Termination of a criminal case or criminal prosecution with the appointment of a criminal law measure in the form of a court fine. Young Scientist. 2021. № 22 (364).

On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on improving the grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability: Federal Law No. 323-FZ of July 3, 2016. SZ RF. 2016. No. 27 (Part II). Article 4256.

Poplavskaya, N. N., Poplavsky, D. V. Pluralism of opinions on exemption from criminal liability with the appointment of a court fine. Penitentiary security: national traditions and foreign experience. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, 2019.

Resolution of the Rubtsovsky City Court of 30.03.2021 in case No. 10-56/2021. Consultant Plus: Legal Reference system. – Version 2023. – Available from: (inside the academic computer network).

Resolution of the Takhtamukai District Court (Republic of Adygea) of July 30, 2020 in case No. 1-175/2020. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/PoHSpw8FWwQ8/?regular-txt>

Sosnovskaya, S. S. Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine. Young scientist. 2019. № 35 (273).

Citation:

Сорокин В.В. Об использовании понятия «судебный штраф» // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 15-18.

Sorokin V.V. (2023) On the Use of Concept of "Judicial Penalty". Legal Linguistics, 30, 15–18.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О когнитивном искажении при интерпретации нормы права в аспекте ее лингвистической экспертизы

К. А. Аркаева

*Аппарат Законодательного Собрания города Севастополя
ул. Ленина, 3, 299005, г. Севастополь, Россия. E-mail: law.linguist.expert@gmail.com*

В современной практике нормотворчества одним из значимых, а порой даже обязательных этапов работы над проектом закона является проведение ряда экспертиз. В субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Севастополе – проводятся правовая, антикоррупционная, лингвистическая и юридико-техническая экспертизы. Хотя задачи, стоящие перед экспертами в области права и лингвистами-экспертами, представлены как в методических рекомендациях федеральных государственных органов, так и в научно-прикладном дискурсе, на практике границы этих задач бывают размыты. В настоящей статье исследованы некоторые прикладные вопросы лингвистической экспертизы, на исследуемом материале продемонстрирована взаимосвязь лингвистической экспертизы с иными сферами экспертной и научной деятельности; актуализирована дискуссия о границах компетенции лингвиста-эксперта и задач, стоящих перед субъектами лингвистической экспертизы. На примере правовой нормы Закона города Севастополя от 26 декабря 2014 года № 98-ЗС «О социальной поддержке многодетных семей в городе Севастополе» рассмотрен нестандартный случай ошибочности нормы права, порождающей когнитивное искажение при ее интерпретации. В заключении подведены итоги исследования, формулируются некоторые насущные вопросы, внимание к которым могло бы способствовать совершенствованию процесса работы над проектами законов, в частности, в рамках осуществления их лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, законодательный акт, законотворческий дискурс, правовая норма, дефиниция, законодательное определение, коммуникативный акт, когнитивное искажение.

On Cognitive Bias in the Legal Norm Interpretation in Relation to Linguistic Expertise

K. A. Arkaeva

*Central Office of the Sevastopol Legislative Assembly
3 Lenin str., 299005, Sevastopol, Russia. E-mail: law.linguist.expert@gmail.com*

In the modern rule-making process conduction of several types of expertise is one of the significant and sometimes even mandatory stages of work on a draft law. In the subject of the Russian Federation, a city of federal significance – Sevastopol there is legal, anti-corruption, linguistic and legal-technical expertise carried out. Although the tasks assigned to legal experts and linguists are outlined both in the methodological recommendations of federal authorities and in the scientific-applied discourse, in practice the boundaries of these tasks are blurred. This article focuses on some theoretical and applied questions of linguistic expertise, the case study under discussion demonstrates the interrelation of linguistic expertise with other spheres of expertise and academic work; attention is drawn to the discussion on the boundaries of linguist's competence and the tasks assigned to the subjects of linguistic expertise. The case-study of the legal norm of the Law of Sevastopol City 98-ZS, dated 26 Dec. 2014, «On some social support measures for multi-child families in Sevastopol» discusses a non-routine problem of the rule of law structure fault that causes cognitive bias in its interpretation. The conclusion summarizes the results of this research, raising some pressing questions, attention to which could contribute to improving the drafting law process, in particular within linguistic expertise.

Key words: linguistic expertise, legislative act, legislative discourse, legal norm, definitions, legislative definition, communicative act, cognitive bias.

Введение

Научная литература о лингвистической экспертизе представляет широкий спектр исследований ее теоретических и методологических основ. Стоит уточнить, что в научно-прикладном дискурсе лингвистическая экспертиза чаще всего рассматривается как составная часть судебного делопроизводства. В настоящем исследовании мы концентрируемся на понятии лингвистической экспертизы в нормотворческом процессе. В этой области научного дискурса предприняты попытки

уточнить понятие лингвистической экспертизы, описать круг задач лингвиста-эксперта, очертить требования к его профессиональным навыкам, при этом инструментарий лингвистической экспертизы в нормотворческом процессе рассматривается, с одной стороны, обособленно от других видов экспертиз – правовой и юридико-технической (М. В. Батюшкина, Н. В. Белоконов, Н. Д. Голев, Г. В. Макович, Л. Ю. Фомина и другие), с другой стороны – как составной элемент экспертной деятельности, более широкого круга компетенций (Т. В. Кашанина, Ю. К. Краснов, А. А. Новиков, О. С. Носков и другие).

Среди задач, стоящих перед лингвистами-экспертами, принято выделять обнаружение «грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [Методические рекомендации 2013: 5] и дачу рекомендаций по их устранению. «В процессе лингвистической экспертизы выявляются недостатки в тексте нормативного правового акта или его проекте, в частности, грамматические, стилистические, логические и иные ошибки, а также даются рекомендации по их устранению» [Альбов 2023: 193–194]. Научные работы, посвященные лингвистической экспертизе нормативных правовых актов (далее – НПА), учебные пособия и иные методические материалы во многом повторяют приведенные положения. Ознакомившись с ними, можно подумать, что лингвистическая экспертиза законопроекта сводится к редакторской правке текста. Однако это большое заблуждение.

Поскольку до сих пор не установлено единой методики осуществления лингвистической экспертизы при работе с проектами законов, что, по мнению многих исследователей, было бы исчерпано принятием соответствующего НПА федерального уровня, практика регионального нормотворчества демонстрирует разные подходы к методологии проведения лингвистической экспертизы. Несмотря на то, что цели и задачи, выдвигаемые перед лингвистом-экспертом, предельно точно описаны [Методические рекомендации 2013] и получили свое расширенное рассмотрение в научно-исследовательском опыте, на практике реальные задачи, с которыми сталкивается лингвист-эксперт, могут выходить за рамки теоретико-методологических рекомендаций.

В настоящей статье рассматривается правовая норма, результат лингвистической экспертизы которой, на наш взгляд, не может быть расценен как корректорская правка, сделанная исключительно в рамках компетенций лингвиста-эксперта. Материалом настоящего исследования служит правовая норма, изложенная в части 1 статьи 2 Закона города Севастополя от 26 декабря 2014 года № 98-ЗС «О социальной поддержке многодетных семей в городе Севастополе» (далее – Закон № 98-ЗС) в первоизданной редакции [Закон города Севастополя от 26.12.2014 № 98-ЗС], а также в редакции, принятой Законом города Севастополя от 25 декабря 2018 года № 468-ЗС «О внесении изменения в часть 1 статьи 2 Закона города Севастополя от 26 декабря 2014 года № 98-ЗС «О социальной поддержке многодетных семей в городе Севастополе» (далее также – Закон № 468-ЗС) [Закон города Севастополя от 25.12.2018 № 468-ЗС].

Несколько слов о теоретическом минимуме

В региональной практике нормотворчества лингвист-эксперт руководствуется прежде всего методическими рекомендациями по лингвистической экспертизе законопроектов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Методические рекомендации 2013]. В них представлено краткое понятие лингвистической экспертизы в нормотворческом процессе: «Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [Методические рекомендации 2013: 5]. После этого в детальном рассмотрении представлены правила, которыми должны руководствоваться лингвисты-эксперты при работе с законопроектами. С некоторыми из них можно не согласиться, например, одно из правил, сформулированное в разделе «Анализ и оценка предложений», гласит: «Личное местоимение может использоваться в предложении только при условии, что оно заменяет ближайшее к нему предшествующее существительное в форме того же рода и числа, иначе не может быть соблюдено требование определенности и ясности правовой нормы» [Методические рекомендации 2013: 13]. С этой точки зрения в правовой норме проблемной видится конструкция, например, создание зеленых насаждений взамен уничтоженных и их сохранение до полной приживаемости (конструкция, предлагаемая в качестве примера, приведена из проекта закона города Севастополя об охране зеленых насаждений в городе Севастополе, лингвистическая экспертиза которого проводилась в сентябре 2020 года). Однако в приведенном правиле учитывается лишь грамматическая соотношенность личного местоимения со словами, совпадающими с ним в форме рода и числа, но упускается их релятивная семантическая связь. Возвращаясь к нашему примеру, обратите внимание: хотя местоимение «их» грамматически соотносится и с существительным «насаждений», и с субстантивом «уничтоженных», семантика слова «сохранение» не позволяет связать его при помощи местоимения «их» с уничтоженными насаждениями.

В целом в государственных органах, участвующих в нормотворческом процессе, к лингвисту-эксперту предъявляются общие требования по квалификации (наличие высшего образования по направлению «филология»), а также требование к обладанию знанием перечня федеральных законов и иных нормативных правовых актов, касающихся его деятельности. Вследствие этого на практике лингвист-эксперт руководствуется знаниями, приобретенными при получении соответствующего высшего образования, а также указанными выше методическими рекомендациями как чуть ли ни единственным документом, отвечающим специфике деятельности лингвиста-эксперта. Также государственный орган, в котором лингвист-эксперт осуществляет свою деятельность, может принять собственный правовой акт, регламентирующий проведение лингвистической экспертизы. Однако практика показывает, что принятие такого акта вызывает ряд сложностей, особенно с учетом следующего. Выполнение задач, стоящих перед лингвистом-экспертом, порой не может не затронуть область иных экспертиз законопроектов, таких как правовая экспертиза и юридико-техническая. Работа с понятийно-терминологическим аппаратом законопроекта в соотношении с соответствующим понятийно-терминологическим аппаратом законодательства приводит к правке, затрагивающей проблемы правового характера или область антикоррупционной экспертизы.

В целях повышения своей квалификации, совершенствования навыков владения инструментарием, используемым при проведении лингвистической экспертизы проектов законов, лингвисту-эксперту будет уместно ознакомиться с работами А. Н. Баранова, Н. Д. Голева, В. П. Москвина, рядом монографий, выпускаемых под редакцией А. С. Пиголкина, учебными пособиями под редакцией А. А. Шунейко.

Норма права представляет собой особый вид коммуникативного акта, который отличается максимальной степенью регламентированности. Лингвистическая экспертиза проекта НПА, осуществляемая (на нашем личном опыте) наряду с правовой, антикоррупционной и юридико-технической экспертизами, представляется нам наиболее творческим животрепещущим процессом, преследующим цель обеспечить в проекте НПА в целом и в каждой отдельной его норме в частности успех коммуникации. Эксперт, анализирующий будущую норму права, должен делать это с осознанием, что «от качества и совершенства внутренней формы закона зависит и эффективность охраны прав граждан в сфере регулирования возникновения, развития и прекращения общественных отношений» [Салтыков 2014: 17]. Успех коммуникативного акта, заложенного в норме права, зиждется на адекватности лексико-стилистического выражения основной ее мысли, ее правильном лексико-грамматическом и синтаксическом построении, на ее соответствии нормам юридико-технической техники, возможности применения правовой нормы обособлено от других, но в корреляции с ними в пределах объединяющей их структурной единицы высшего уровня или в пределах НПА в целом. Лингвист-эксперт должен обнаружить в представленной ему норме права все факторы, препятствующие достижению успеха коммуникации: ошибки, несоответствия, коллизии, алогичность, возможные проблемные для правоприменения конструкции – и предложить варианты устранения обнаруженного.

Несмотря на то, что в теоретической литературе и методических рекомендациях задачи лингвистической экспертизы НПА определены практически единообразно, на практике лингвист-эксперт часто в своих рекомендациях может затронуть область компетенций иной экспертной деятельности и даже сферу правового мониторинга, например в случае, если анализируемый им проект НПА представляет собой внесение изменений в действующий закон. Наш личный опыт позволяет утверждать, что лингвист-эксперт работает как с самыми тривиальными ошибками орфографического и пунктуационного характера, так и с неочевидными, даже не уловимыми с первого прочтения алогичными конструкциями, скрывающими причину своей некорректности за обилием лексических единиц, из-за чего в сознании читающего закрепляется искаженное толкование написанного. Пример последней в ее поразительной жизнеспособности и будет рассмотрен в настоящей статье.

К исследуемому материалу

В 2014 году 26 декабря в городе Севастополе был принят закон о мерах социальной поддержки многодетных семей [Закон города Севастополя от 26.12.2014 № 98-ЗС]. Для обеспечения полноценного результата нормативно-правового регулирования в Законе № 98-ЗС необходимо было определить, что представляет собой многодетная семья, поскольку толкование этого термина в различных НПА зависит от целеполагания правового регулирования. Так, в 2014 году в Законе № 98-ЗС абзац первый части 1 статьи 2 был изложен в следующей редакции:

«1. Многодетная семья (для целей настоящего Закона) – семья, в которой воспитываются трое и более детей, включая усыновленных (удочеренных), принятых под опеку (попечительство), а также обучающихся по очной форме обучения в образовательной организации (за исключением организации дополнительного образования) до окончания такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет».

Спустя четыре года в 2018 году субъект законодательной инициативы вносит в Законодательное Собрание города Севастополя проект закона, призванный в числе прочего уточнить значение термина «семья» в определении дефиниции, действовавшей в приведенной выше редакции. Впоследствии этот проект был принят в двух чтениях [Закон города Севастополя от 25.12.2018 № 468-ЗС]. После принятия этого закона конструкция в части 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС претерпела следующее видоизменение:

«1. Многодетная семья (для целей настоящего Закона) – семья (лица, состоящие в зарегистрированном браке, либо мать или отец, не состоящие в зарегистрированном браке), в которой воспитываются трое и более детей в возрасте до 18 лет, включая усыновленных (удочеренных), принятых под опеку (попечительство), пасынков и (или) падчериц, а также обучающихся по очной форме обучения в образовательной организации (за исключением организации дополнительного образования) до окончания такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет».

Мы видим, что, помимо добавленного уточнения в скобках, также дополнена определительная конструкция «в возрасте до 18 лет» к термину «дети», что в общем-то не имеет функциональной значимости, поскольку установленная пунктом 1 статьи 54 Семейного кодекса Российской Федерации (действующая на момент написания настоящей статьи) дефиниция не позволяет называть ребенком лицо, достигшее возраста 18 лет [Семейный кодекс Российской Федерации]. Кроме того, конструкция деепричастного оборота была дополнена еще одним однородным компонентом «пасынков и (или) падчериц», что также не вносит каких-либо существенных изменений с правовой точки зрения, а с лингвистической так вообще допускает логическую ошибку, заключающуюся в применении операции дизъюнкции в предикативной конструкции с деепричастием, выражающем обобщенный, вневременный признак. Последнее заслуживает отдельного научного исследования, однако в настоящей статье особое внимание мы уделим конструкции в скобках «(лица, состоящие в зарегистрированном браке, либо мать или отец, не состоящие в зарегистрированном браке)».

Здесь необходимо сделать небольшое уточнение, для чего такая конструкция была введена в часть 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС, действующую до момента принятия Закона № 468-ЗС. Наша практика работы с текстами НПА, осуществляемой с применением методических рекомендаций по проведению лингвистической экспертизы законопроектов [Методические рекомендации 2013] и с учетом теоретических основ и прикладных вопросов, поднимаемых в научной дискуссии относительно применения понятийно-терминологического аппарата законодательства, позволяет говорить о некоторых закрепившихся в экспертной деятельности принципах применения и толкования терминологических единиц, используемых в законодательстве.

Термин, значение которого определено федеральным законодательством, применяется единственно в этом значении во всех НПА, принимаемых в Российской Федерации. При этом для определенных целей правового регулирования законом субъекта Российской Федерации может быть установлено и иное определение такому термину. Поскольку ни в Законе № 98-ЗС, ни в других законах города Севастополя не установлено определения термина «семья», при толковании части 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС мы прибегаем именно к определению, предусмотренному абзацем пятым Федерального закона от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 134-ФЗ): «семья – лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство» [Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ]. Это значит, что в Законе № 98-ЗС мы распространяем меры социальной поддержки на семьи, которые состоят, например, из одинокой тети и ее троих племянников. По всей видимости, в недопущение такого толкования разработчиком было предложено уточнить статус лица, не зарегистрированного в браке, по отношению к воспитываемым им детям. Такое уточнение значительно сузило круг лиц, на которых распространяется рассматриваемая правовая норма, поскольку при такой редакции под ее действие не попадают лица, воспитывающие подопечных, пасынков, падчериц, так как формально правовой статус таких лиц не позволяет назвать их матерью или отцом по отношению к таким детям. Итак, дополненная конструкция в скобках наделяет термин «семья» иным толкованием, отличным от установленного Федеральным законом № 134-ФЗ, путем уточнения круга лиц, который следует понимать в качестве денотата к определяемому понятию.

Преследуя цель продемонстрировать суть исследуемого феномена, опустим в рассматриваемой дефинитивной конструкции присловные распространители, не влияющие на представление сути проблемы.

В упрощенном варианте конструкция, действовавшая в Законе № 98-ЗС с 26 декабря 2014 года до принятия Закона № 468-ЗС, выглядела бы следующим образом:

(1) Многодетная семья – семья, в которой воспитываются трое и более детей.

Классическая дефиниция «состоит из двух частей: 1) слова-идентификатора, обозначающего ближайшее родовое понятие; 2) слов-конкретизаторов, противопоставляющих определяемое понятие ближайшему видовому понятию» [Москвин 2015: 25]. Мы видим, что дефинитивная конструкция (1) построена по стандартной модели: термин = общее родовое понятие + определение, уточняющее его отличительные признаки.

С момента вступления в силу Закона № 468-ЗС рассматриваемая дефиниция в упрощенном варианте предстает в следующем изложении:

(2) Многодетная семья – семья (два человека в браке либо один человек не в браке), в которой воспитываются трое и более детей.

Преобразованная дефинитивная конструкция не меняет своего модельного построения, однако включает в себя дополнительное определение общего родового понятия: термин = общее родовое понятие (определение общего родового понятия) + определение, уточняющее его отличительные признаки.

В упрощенной конструкции (2) становится очевидной логическая ошибка в использовании определительных компонентов. Совершенно тривиальный факт – определение должно отражать суть определяемого через основные составляющие его компоненты или его основные характеристики. Предмет, не отвечающий параметрам, заданным в определении, соответственно, не может быть его определяемым: треугольник называется так потому, что у него всего три угла, фигура с четырьмя углами не может называться треугольником.

Определение в конструкции (1), выраженное придаточным определительным, описывает термин «многодетная семья» по параметру количества воспитывающихся в семье детей, что позволит каждую отдельную семью идентифицировать по Закону № 98-ЗС как (не)многодетную. При этом (мы упоминали выше) в конструкции (1) под термином «семья» понимается определение, установленное Федеральным законом № 134-ФЗ, то есть имеется в виду неограниченный перечень лиц, связанных родством и (или) свойством, ведущих совместное хозяйство. При таком толковании определения термина «семья» придаточное определительное совершенно органично существует в дефинитивной конструкции, поскольку оно задает минимальный параметр для неограниченного спектра.

Однако в конструкции (2) дополнительное пояснение значения термина «семья» нарушает логико-смысловую соотносительность придаточного определения и определяемого компонента. «Скобки» сузили толкование термина «семья» до двух лиц в браке либо одного не в браке. При этом придаточное определительное все еще характеризует термин «семья» по признаку количества воспитываемых в ней детей. Однако исходя из пояснения в скобках, которое определяет значение термина «семья», в семье – по определению – никаких детей нет.

При проведении лингвистической экспертизы было обнаружено, что в оригинальном варианте конструкции (2), действовавшей в Законе № 98-ЗС с 25 декабря 2018 года, логико-смысловое противоречие оказывается едва заметным. По нашему мнению, влияющими на это факторами выступает перегруженность правовой нормы лексическими единицами, а также влияние «когнитивной базы» [Маслова 2004: 32] читающего, из-за которой на восприятие конструкции (2) проецируется эмпирический опыт, отвлеченный от сухой последовательности лексических единиц и их пунктуационного оформления. Парадоксально, что при рабочем обсуждении абзаца первой части 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС интерпретация определительной части дефинитивной конструкции, то есть выражения, расположенного непосредственно после знака тире, базировалась не на лексико-грамматической организации предложения и функциональной роли средств пунктуации в норме права, а на попытке усмотреть в ней свое собственное представление об определяемом объекте внеязыковой действительности.

Такой эффект очень напоминает явление, исследуемое в психологической науке, которое относится к видам когнитивного искажения и получило название «прайминг», то есть процесс активации и актуализации уже существовавшей установки, которая может привести к искаженной интерпретации воспринимаемой ситуации [Большой психологический словарь: URL]. В качестве попытки оправдать алогичность конструкции (2) приводились аргументы, демонстрирующие эффект предвзятости подтверждения, вроде «мы же знаем, что семья потенциально может состоять не только из двух лиц, но также включать в

себя и детей». Проблема в том, что это наше знание происходит не из построения предложения в правовой норме, а из нашего субъективного представления о том, как устроен окружающий нас мир. Границы функционально-смыслового построения исследуемой правовой нормы по неизвестной причине отождествляются с необъятным набором ассоциаций, присущих лексическому содержанию используемых в ней языковых единиц. Правовая норма в итоге получает интерпретацию на основании личного опыта, который накладывается на неудачное синтаксическое построение предложения, что препятствует адекватному восприятию написанного. Следовательно, норма права не достигает своей конечной коммуникативной цели, а значит, коммуникативный акт не может увенчаться успехом. Толкование нормы права должно исходить из ее лексического наполнения и структурного построения, а не из тех ассоциаций и фоновых знаний, которые возникают у правоприменителя при взгляде на определенный набор слов.

Однако часть 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС в лексико-грамматическом и синтаксическом варианте, представленном в конструкции (2), просуществовала целых четыре года и действовала на момент написания настоящего исследования, отлично служила основанием для реализации регулируемых Законом № 98-ЗС правоотношений и ни у кого за это время не вызвала ни вопроса, ни сомнения (по крайней мере, официально направленных в Законодательное Собрание города Севастополя). Обнаруженная логико-смысловая ошибка в построении дефиниции в общем и целом не могла бы стать препятствием в применении правовых норм других законов города Севастополя, поскольку значение термина «многодетная семья» распространяется исключительно на положения Закона № 98-ЗС, о чем свидетельствует указание «для целей настоящего Закона». В свою очередь должностные лица и уполномоченные органы, действуя в рамках Закона № 98-ЗС, вряд ли будут озадачены таким глубоким исследованием, а для реализации регулируемых им правоотношений будут опираться, скорее, на всю дефинитивную конструкцию в целом, то есть смотреть на то, что такое «многодетная семья», а не просто «семья», – что в общем-то разумно с точки зрения затрат когнитивных ресурсов в процессе правоприменения.

Исследуемая конструкция является великолепным примером того, как органично живет логико-смысловая ошибка в тексте регламентирующего характера, применение которого имеет строго определенные цели, к структуре которого предъявляются высокие требования к точности, ясности и логичности. Мы столкнулись с ситуацией, когда перед глазами правоприменителя – текст строгой регламентирующей направленности, а за его глазами – удивительная нейронная система, наделяющая читателя богатым личным опытом и социально обусловленным взглядом на внеязыковую действительность. В бытовательском прочтении правовой нормы, отвлеченном от понимания принципов функционирования ее структурных составляющих, пояснение в скобках идентифицируется в качестве не определения термина «семья», а уточнения субъектов правоприменения. Из-за наложения эмпирического опыта и сформировавшихся фоновых знаний интерпретация правовой нормы в конструкции (2) неожиданно опирается не на лексико-грамматическую и синтаксическую организацию нормы права, а на субъективные представления об определяемом феномене вне лингвистической конструкции. Мы в силу личностных когнитивных способностей в той или иной степени понимаем, как устроен этот мир, но незаметно для себя проецируем это наше понимание на восприятие вещей, сущность которых не зависит от чьих-то субъективных убеждений.

Кроме того, интересно поразмышлять, был ли вообще смысл в указании регистрации брака при описании лиц, входящих в состав семьи. Напомним, что термин «семья», установленный Федеральным законом № 134-ФЗ, имеет такое определение, под которое подпадают оба референта, указанные в скобочной конструкции. Смоделируем ситуацию, в которой в семье имеются оба родителя, не зарегистрированные в совместном браке. Могут ли такие родители, воспитывающие троих детей, претендовать на статус многодетной семьи? Доктринальные знания из практики правоприменения позволяют утверждать, что ответ будет положительным, поскольку для присвоения статуса многодетной семьи определяющим фактором является количество воспитываемых в семье детей. Признак

наличия зарегистрированного брака у лица, воспитывающего троих детей, в применяемой разработчиком скобочной конструкции варьируется, значит, не является обязательным. Подобные лексические единицы в норме права относятся к избыточным.

Важно обратить внимание и на то, что в определении, данном Федеральным законом № 134-ФЗ, указан признак совместного проживания лиц. Скобочная конструкция, добавленная разработчиком Закона № 468-ЗС, уточняет значение термина «семья», отделяя его от значения, установленного Федеральным законом № 134-ФЗ. Следовательно, из определения термина «многодетная семья» выпадает признак совместного проживания и ведения совместного хозяйства, возникает ситуация, при которой граждане могут претендовать на получение статуса многодетной семьи, формально не проживая со своими детьми. Кроме того, термины, обозначающие лиц, не состоящих в браке, конкретизируются до «матери» и «отца», чем резко ограничивается круг лиц, подпадающих под действие данной правовой нормы, поскольку опекуны формально не приходятся детям, взятым под опеку, матерью или отцом. При этом норма по-прежнему распространяет свое действие на дедушек и бабушек, тетю и дядю, поскольку конструкция «лица, состоящие в зарегистрированном браке» не позволяет давать ей интерпретацию «исключительно родители ребенка».

К проекту закона прилагается пакет документов, включающий сопроводительное письмо, пояснительную записку к законопроекту, его финансово-экономическое обоснование, а также перечень нормативных правовых актов, подлежащих принятию, изменению или признанию утратившими силу в случае принятия вносимого законопроекта. В пояснительной записке к законопроекту, который впоследствии был принят Законом № 468-ЗС, разработчик указал, что вносимые изменения (дополнение пояснения в скобках) необходимы для целей распространения действия нормы права на родителей-одиночек. Однако такие родители и в редакции (1) не были исключены из поля действия правовой нормы, изложенной в абзаце первом части 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС, поскольку они подпадают под установленное Федеральным законом № 134-ФЗ определение термина «семья». Остается вопрос, неужели субъект законодательной инициативы, внесший в 2018 году изменения в Закон № 98-ЗС и приводивший вышеизложенный аргумент, не знал о том, что определение термина «семья» действует для нормативных правовых актов в Российской Федерации с 1997 года? Интересно, что необходимость внесения таких изменений разработчик в пояснительной записке к законопроекту аргументировал именно тем, что их

требует применение правовой нормы на практике. Обращаем внимание, что термин «семья» в значении, определенном Федеральным законом № 134-ФЗ, входит в Словарь терминов, применяемых в законодательстве Российской Федерации, утвержденный Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в 2014 году, а в структурную единицу Федерального закона № 134-ФЗ, которой закрепляется данное определение, не вносилось никаких изменений с момента принятия этого федерального закона.

Заключение

Таким образом, хотя с формальной точки зрения представленный опыт экспертной практики наглядно демонстрирует вариант логико-смыслового нарушения построения правовой нормы, что входит в рамки компетенций лингвиста-эксперта, выявление описанного и финальный результат работы над правовой нормой выходят за рамки предписываемых лингвистической экспертизе задач. По нашему мнению, в объективистском представлении описанное является строго структурным нарушением логической связи элементов внутри предложения, однако при детальном изучении сути проблемы становится очевидной связь описанного явления с областью когнитивных наук. Наше исследование наглядно продемонстрировало, что для качественной экспертизы проекта закона одним из ее этапов должно быть предварительное бытийное толкование финальной редакции нормы права, при котором как раз необходимо предусмотреть возможные когнитивные препятствия в ее толковании и применении. Как известно, «открытие начинается с аномалии» [Кун 2003: 91], однако для обнаружения такой аномалии и дачи рекомендации по ее устранению лингвист-эксперт зачастую задействует не только знания, входящие в область его компетенции, но и знания, относящиеся к области правовой науки, правового мониторинга.

Проведенное исследование позволяет озадачиться вопросом о необходимости совершенствования экспертной деятельности в нормотворческом процессе в органах государственной власти субъектов Российской Федерации, распространения практики применения методических материалов, регламентирующих, в частности, использование установленного федеральным законодательством и законодательством соответствующего субъекта Российской Федерации понятийно-терминологического аппарата. Кроме того, учитывая, что при разработке нормы права не менее значимой оказывается интенция разработчика, его аутентичный взгляд на проблему, возникающую в процессе правоприменения, на повестку дня ставится вопрос о совершенствовании взаимодействия субъектов проведения экспертизы проектов НПА и субъектов законодательной инициативы, вносящих такие проекты.

Литература

- Альбов А. П., Горохова С. С., Гуков А. С., Николюкин С. В., Терениченко А. А., Фатхутдинова А. М., и др. Правотворчество: учебное пособие для вузов. М., 2023. URL: <https://urait.ru/bcode/511697>.
- Большой психологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict.
- Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М., 2003.
- Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2004.
- Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. М., 2013.
- Москвин В. П. Методы и приемы лингвистического анализа. М., 2015.
- О внесении изменения в часть 1 статьи 2 Закона города Севастополя от 26 декабря 2014 года № 98-ЗС «О социальной поддержке многодетных семей в городе Севастополе»: закон города Севастополя от 25 декабря 2018 г. № 468-ЗС. Принят Законодательным Собранием города Севастополя 18 декабря 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- О прожиточном минимуме в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ (ред. 05.12.2022). Принят Государственной Думой 10 октября 1997 г. Одобрен Советом Федерации 15 октября 1997 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- О социальной поддержке многодетных семей в городе Севастополе: закон города Севастополя от 26 декабря 2014 г. № 98-ЗС. Принят Законодательным Собранием города Севастополя 19 декабря 2014 г. / Севастопольские известия. - 2014. - 27 декабря.
- Салтыков К. Г., Коваленко Е. А., Дульцев М. В. Формирование правоинтерпретационной традиции в отечественной правовой науке (терминологический аспект) / Юристы-правоведы. - 2014. - № 3 (64). - С. 16-19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravointerpretatsionnoy-traditsii-v-otchestvennoy-pravovoy-nauke-terminologicheskij-aspekt>.
- Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.01.2023). Принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

- Al'bov, A. P., Gorokhova, S. S., Gukov, A. S., Nikolyukin, S. V., Terenichenko, A. A., Fatkhutdinova, A. M. et al (2023). Law-making: training manual for university. Moscow. Available from: <https://urait.ru/bcode/511697> (in Russian).
- Amendment of article 2, part 1, of the Law of Sevastopol City 98-ЗС, dated 26 Dec. 2014, «On some social support measures for multi-child families in Sevastopol». Law of Sevastopol City 468-ЗС, dated 25 Dec. Adopted by the Sevastopol Legislative Assembly, 18 December 2018. (Available from: ConsultantPlus) (in Russian).
- Bol'shoi psikhologicheskii slovar'. Available from: https://gufo.me/dict/psychologie_dict (in Russian).

Family Codex of the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation 223-ФЗ, dated 29 Dec. 1995, (edition 02.01.2023). Adopted by the State Duma, 8 December 1995. (Available from: ConsultantPlus) (in Russian).

Kuhn, T. (1977). *The Structure of Scientific Revolutions*, trans. by I.Z. Naletov. Moscow (in Russian).

Maslova, V. A. (2004). *Introduction to cognitive linguistics*. Moscow (in Russian).

Methodological recommendations on the linguistic expertise of draft law (2013). Moscow (in Russian).

Moskvin, V. P. (2015). *Methods and techniques of linguistic analysis*. Moscow (in Russian).

On some social support measures for multi-child families in Sevastopol. Law of Sevastopol City 98-3С, dated 26 Dec. Adopted by the Sevastopol Legislative Assembly, 19 December 2014. Sevastopol'skie izvestiya, 27 December 2014 (in Russian).

On the minimum subsistence level in the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation 134-ФЗ, dated 24 Oct. 1997, (edition 05.12.2022). Adopted by the State Duma, 10 October 1997. Approved by the Federation Council, 15 October 1997. (Available from: ConsultantPlus) (in Russian).

Saltykov, K. G., Kovalenko, E. A., Dultsev, M. V. (2014). Formation of law interpretation tradition in domestic jurisprudence (terminological aspect). *Yurist-pravoved*, 3 (64), 16-19. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravointerpretatsionnoy-traditsii-v-otechestvennoy-pravovoy-nauke-terminologicheskii-aspekt> (in Russian).

Citation:

Аркаева К.А. О когнитивном искажении при интерпретации нормы права в аспекте ее лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 19-25.

Arkaeva K.A. (2023) On Cognitive Bias in the Legal Norm Interpretation in Relation to Linguistic Expertise. *Legal Linguistics*, 30, 19–25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О терминологических коллизиях и других несовершенствах статей 285.1, 285.2 УК РФ

Д. О. Карагина

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
ул. Советская, 14, 150003, Ярославль, Россия. E-mail: ilfhmz@yandex.ru*

Статья посвящена юридико-техническим аспектам построения норм о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов. Анализируется проблема межотраслевых связей и логико-юридического оформления диспозиций статей 285.1, 285.2 УК РФ. Обращено внимание на наличие терминологической неопределенности в указанных статьях УК РФ. Отмечено, что несмотря на то, что статьи 285.1, 285.2 УК РФ имеют бланкетный характер, законодатель не использует терминологию бюджетного законодательства, что, несомненно, на практике порождает значительные трудности и является преградой для единообразного правоприменения. В качестве несовершенства изложения бланкетных норм указывается отсутствие актуализации уголовного законодательства при внесении изменений в бюджетное. Кроме того, ряд основополагающих документов, определяющих исполнение бюджета, необоснованно исключены из понятия нецелевого расходования бюджетных средств, используемого в УК РФ. Юридико-техническим несовершенством является и использование неоднородных понятий при формировании открытого перечня документов, которыми определяются цели расходования бюджетных средств. Ряд формулировок вообще не упоминаются и не раскрываются ни в бюджетном, ни в уголовном законодательстве, что порождает правовую неопределенность, устраняемую органами правоприменения самостоятельно. Такой подход к регулированию уголовно-правовых отношений нельзя признать эффективным и отвечающим требованиям юридической техники, а также задачам и принципам уголовного закона. Выявленные несовершенства в изложении норм о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов подлежат устранению на законодательном уровне путем корректировки диспозиций уголовно-правовых норм и приведению их в соответствие с бюджетным законодательством.

Ключевые слова: юридическая техника, нецелевое расходование бюджетных средств, язык уголовного закона.

On Terminological Collisions and Other Imperfections of Articles 285.1, 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

D. O. Karagina

*P. G. Demidov Yaroslavl State University
14 Sovetskaya st., 150003, Yaroslavl, Russia. E-mail: ilfhmz@yandex.ru*

The article covers the legal and technical aspects of the construction of norms on the diversion of public funds and of national non-publicly funded scheme. The problem of intersectoral relations and logical and legal formalization of dispositions of Articles 285.1, 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is analyzed. Attention is drawn to the presence of terminological ambiguity in these articles of the Criminal Code of the Russian Federation. It is noted that despite the fact that Articles 285.1, 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation have a blanket character, the legislator does not use the terminology of fiscal legislation, which undoubtedly creates significant difficulties in practice and is an obstacle to uniform law enforcement. The lack of updating of criminal legislation when making changes to the budget is indicated as an imperfection in the statement of the blanket norms. In addition, a number of fundamental documents defining budget execution are unreasonably excluded from the concept of diversion of public funds used in the Criminal Code of the Russian Federation. The legal and technical imperfection is also observed in the use of heterogeneous concepts in the formation of an open list of documents that define the goals of spending public funds. A number of definitions are not mentioned at all and are not disclosed either in the fiscal or in the criminal legislation, which creates legal ambiguity that is eliminated by law enforcement agencies at their discretion. Such an approach to the regulation of criminal law relations cannot be considered effective and

answering the requirements of legal technology, as well as the objectives and principles of criminal law. The revealed imperfections in the presentation of the norms on the diversion of public funds and of national non-publicly funded scheme are subject to elimination at the legislative level by adjusting the dispositions of criminal law norms and bringing them into line with fiscal legislation.

Key words: legal technique, diversion of public funds, language of criminal law.

Создание уголовного закона подчинено многочисленным техническим правилам, соблюдение которых должно способствовать созданию единой непротиворечивой системы понятных и действенных предписаний. Данные правила входят в состав внутренней и внешней юридической техники и лежат в плоскостях содержательного, языкового, логического, структурного оформления правовых решений [Иванчин 2014: 28–19]. Пренебрежение ими приводит к различным ошибкам и зачастую фатальным последствиям при применении закона. На примере статей 285.1, 285.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в настоящем исследовании будут проанализированы проблемы межотраслевых связей и логико-языкового оформления предписаний.

Уголовный кодекс Российской Федерации связан с каждой отраслью права, правоотношениям которой предоставляет охрану, а также с теми отраслями, в единстве с которыми обеспечивается борьба с преступностью и антисоциальными явлениями. Но порой взаимодействие УК РФ с другими отраслями, по меткому замечанию А. Г. Безверхова, образует «запутанный клубок юридических закономерностей» [Безверхов 2015: 58], распутать который представляется непростой задачей. Одной из форм проявления такого взаимодействия является создание бланкетных норм.

Бланкетность статей 285.1, 285.2 УК РФ предполагает отсылку к бюджетному законодательству и прежде всего к статье 306.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ). Следует согласиться с утверждением А. В. Иванчина, что использование бланкетного приема в уголовно-правовой сфере связано с оправданным нежеланием законодателя вмешиваться в сферу регулирования другой отрасли права [Иванчин 2014: 50]. Но при формулировании рассматриваемых норм УК РФ законодатель проигнорировал значение бланкетного приема.

Уголовный закон не оперирует понятием «использование», а употребляет термин «расходование». Относительно того, насколько соотносимы данные понятия и являются ли они идентичными, в науке уголовного права имеются две точки зрения. Одни авторы утверждают, что понятия являются равными по смыслу и содержанию [Офицерова 2010: 8], другие это отрицают и указывают на их различие [Фазылов 2005: 59].

Логико-языковыми правилами определено, что для описания одних и тех же понятий должны использоваться одинаковые термины, разные термины имеют различное содержание. Как писал В. М. Савицкий, для высокоразвитой терминологической системы характерна формула: «один термин – одно понятие» [Савицкий 1987: 24]. Данное правило должно быть определяющим при оформлении правовых решений.

Что понимается под нецелевым расходованием бюджетных средств, уголовный закон не разъясняет. Согласно толковому словарю «расходовать» значит 1. Тратить, употреблять на что-н. 2. Потреблять для своей работы, движения [Ожегов 1987: 545].

Нецелевое использование бюджетных средств в бюджетном законодательстве предполагает направление бюджетных средств и оплату денежных обязательств. Использование средств бюджета осуществляется путем последовательного совершения нескольких операций. Согласно статье 219 БК РФ исполнение бюджета по расходам предусматривает:

- 1) принятие и учет бюджетных и денежных обязательств;
- 2) подтверждение денежных обязательств;
- 3) санкционирование оплаты денежных обязательств;
- 3) подтверждение исполнения денежных обязательств.

Подтверждение исполнения денежных обязательств осуществляется на основании распоряжений, подтверждающих списание денежных средств с единого счета бюджета в пользу физических или юридических лиц, бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, субъектов международного права, а также проверки иных документов, подтверждающих проведение неденежных операций по исполнению денежных обязательств получателей бюджетных средств.

Таким образом, результатом исполнения бюджета по расходам является списание бюджетных средств с единого счета бюджета. Но это не единственный способ распоряжения бюджетными средствами. Этому этапу предшествует распределение бюджетных средств внутри бюджетной системы. До главных распорядителей бюджетных средств (а впоследствии до распорядителей и получателей бюджетных средств) доводятся показания сводной бюджетной росписи (бюджетной росписи) путем доведения бюджетных ассигнований, а также лимиты бюджетных обязательств. В этом случае бюджетные средства не выходят за пределы бюджетной системы и остаются на едином счете. С точки зрения бюджетного законодательства на данном этапе нецелевого использования бюджетных средств возникнуть не может.

Очевидно, что термин «расходование» должен пониматься аналогично. Однако, как свидетельствует анализ судебной практики по привлечению должностных лиц к уголовной ответственности по статье 285.1 УК РФ, при принятии решений о возбуждении уголовных дел были попытки его более широкого толкования [приговор Карачаевского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 07.08.2014 по делу № 1–6/2014; приговор Сергокалинского районного суда Республики Дагестан от 18.02.2019 по делу № 1-04-2019].

С учетом межотраслевых связей и в целях единообразного понимания и применения статей 285.1, 285.2 УК РФ необходимо унифицировать терминологию бюджетного и уголовного законодательства, отдав приоритетное значение терминологии БК РФ.

Ряд терминологических коллизий вызван невнесением изменений в УК РФ и использованием в статье 285.1 УК РФ устаревшей терминологии. После признания утратившей силу главы 28 БК РФ термины «уведомление о бюджетных ассигнованиях» и «смета доходов и расходов» были исключены из понятия нецелевого использования бюджетных средств.

Понятие «смета доходов и расходов» в БК РФ употребляется только применительно к населенным пунктам, другой территории, не являющейся муниципальным образованием. Данная смета представляет собой план доходов и расходов распорядителя (главного распорядителя) средств местного бюджета и является составной частью бюджета соответствующего муниципального образования. В ней определяется объем, источники и целевое назначение средств, используемых для финансирования соответствующих расходов. Оформляется смета доходов и расходов населенного пункта, другой территории, не являющейся муниципальным образованием, приложением к решению о бюджете муниципального образования [Федеральный закон 2003, Модельный муниципальный правовой акт].

В подзаконных актах понятие сметы доходов и расходов используется применительно к внебюджетным средствам, средствам, полученным от предпринимательской или иной приносящей доход деятельности.

Таким образом, упоминание о смете доходов и расходов в статье 285.1 УК РФ потеряло свою актуальность и вносит неопределенность в толкование уголовно-правовой нормы.

Понятие уведомления о бюджетных ассигнованиях в БК РФ отсутствует. Однако этот термин встречается в подзаконных нормативных правовых актах как федерального, так и регионального значения [Форма 0504822 Приложения 2 к приказу Минфина России 2015, приказ департамента финансов Ярославской области 2013]. Хотя согласно новым предписаниям доведение бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств оформляется документами, которые именуются «бюджетные ассигнования» и «лимиты бюджетных обязательств», а не уведомления [приказ Минфина России 2018]. Целесообразность ориентирования на нормы подзаконных актов при построении норм закона весьма сомнительна, соответственно, при формулировании норм необходимо учитывать положения нормативных правовых актов, имеющих большую юридическую силу.

Диссонанс вызывает не только наличие исключенных из бюджетного законодательства терминов, но и невключение актуальных. За рамками уголовно-правовой нормы остались понятия «сводная бюджетная роспись», «бюджетная смета», «закон (решение) о бюджете».

Сводная бюджетная роспись и бюджетная роспись имеют существенные различия. Сводная бюджетная роспись принимается финансовым органом на основании закона (решения) о бюджете, а бюджетная роспись главным распорядителем (распорядителем) бюджетных средств в соответствии с данными сводной бюджетной росписи. В ряде случаев закон допускает внесение изменений в сводную бюджетную роспись без внесения изменений в закон (решение) о бюджете, в то время как изменение показателей, утвержденных бюджетной росписью, без внесения соответствующих изменений в сводную бюджетную роспись не допускается (статьи 217, 219.1 БК РФ).

Соответственно, данные документы отличаются уровнем принятия и различны по иерархии. Неупоминание такого основополагающего документа для исполнения бюджета, как сводная бюджетная роспись, явно является ошибкой.

Неточностью является и использование слова «бюджет» вместо выражения «закон (решение) о бюджете». Согласно статье 6 БК РФ бюджет – форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Закон (решение) о бюджете представляет собой правовой акт, закрепляющий планово-прогнозные показатели доходов и расходов, то есть является формой внешнего выражения бюджета.

В науке отмечается, что понятия «бюджет» и «закон о бюджете» не совпадают по своему содержанию, они находятся в отношении пересечения, поскольку, с одной стороны, как это следует из статьи 184.1 БК РФ, в закон (решение) о бюджете включаются только общие объемы по доходам и расходам, в то время как бюджет включает в себя показатели доходов и расходов с детализацией по всем уровням бюджетной классификации. С другой стороны, закон (решение) о бюджете может содержать нормативные предписания, которые не входят в состав показателей бюджета как финансового плана-прогноза [Пауль 2018: 276–279, 286].

Вместе с тем в БК РФ указан открытый перечень документов, в котором происходит детализация показателей закона (решения) о бюджете по уровням бюджетной классификации. Кроме того, перечисляя формы внешнего выражения, логичнее использовать термин «закон (решение) о бюджете», поскольку при формировании открытых перечней по правилам юридической техники должны перечисляться однородные объекты.

Нельзя не обратить внимание и на следующие формулировки, содержащиеся в статьях 285.1, 285.2 УК РФ «на цели, не соответствующие условиям их получения», «на цели, не соответствующие условиям, определенным законодательством Российской Федерации, регулирующим их деятельность». Бюджетное законодательство не раскрывает подобных понятий, соответственно, на практике в них может вкладываться различный смысл. Кроме того, указание в статье 285.2 УК РФ только законодательства Российской Федерации не охватывает весь спектр нормативных правовых актов и иных документов, которыми могут быть установлены цели расходования.

В науке отмечается, что в УК РФ критерием установления нецелевого характера расходования бюджетных средств служит не содержательный аспект – достижение надлежащего результата в процессе использования бюджетных средств, а юридический – соблюдение всех формально установленных условий, предусмотренных при выделении

данных средств [Минькова 2006: 33; Офицера 2008: 12–15]. При этом под соблюдением формально установленных условий, предусмотренных при выделении данных средств, понимается нарушение процедуры использования выделенных из бюджета денежных средств [Офицера 2008: 12–15].

При обращении к статье 306.4 БК РФ видно, что нецелевое использование бюджетных средств не увязано с условиями их получения, данная формулировка была исключена из описания нарушения. Теперь нецелевое использование бюджетных средств – это «направление ... и оплата денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, ...». Соответственно, можно сделать вывод, что бюджетное законодательство отражает более узкое понимание нецелевого использования бюджетных средств. Однако именно в такой форме оно на практике встречается редко [Кузнеченкова 2009: 37]. В связи с чем правоприменители расширительно толкуют указанную норму. Наиболее типичные примеры нецелевого использования бюджетных средств сформулированы в Классификаторе нарушений (рисков), выявляемых Федеральным казначейством в ходе осуществления контроля в финансово-бюджетной сфере, утвержденном Федеральным казначейством 19 декабря 2017 г. Кроме того, судебная практика также широко трактует нецелевое использование бюджетных средств как не только использование средств на иные цели, не соответствующие

заранее определенным, но и использование средств с нарушением условий их получения. Как отмечается судами, для определения нецелевого характера использования бюджетных средств необходимо учитывать в совокупности как отклонение от регламентируемого режима их использования, так и соотношение результата использования с целью, установленной при выделении этих средств (эффективность использования бюджетных средств), а также иные фактические обстоятельства, существовавшие при освоении выделенных средств (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.09.2016 № Ф09-8383/16 по делу № А07-17114/2015, постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.05.2016 № 18АП-4499/2016, постановления Второго арбитражного апелляционного суда от 18.11.2019 по делу А82-5027/2019, от 14.10.2019 по делу А82-3626/2019).

Судебное толкование не устраняет нормативную неопределенность в понимании нецелевого расходования (использования) бюджетных средств и не исключает разночтения между разными правоприменительными органами. В литературе уже отмечалось, что необходимо формирование перечня видов неправомерного поведения при расходовании бюджетных средств, которое может быть квалифицировано как нецелевое, на подзаконном [Офицера 2008: 12–15] или на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Данная идея заслуживает поддержки.

Подводя итог исследованию, отметим следующее. Анализ указанных законоположений свидетельствует, что понятие нецелевого использования, предусмотренное БК РФ, и понятие нецелевого расходования бюджетных средств, предусмотренное УК РФ, не являются идентичными. Отсутствие четкой терминологии порождает на практике немалые трудности в квалификации правонарушений. Уголовно-правовые нормы, предусматривающие охрану бюджетных правоотношений, производны от бюджетного законодательства, поэтому при формулировании диспозиций уголовно-правовых норм необходимо опираться на терминологию бюджетного законодательства. Устранение изложенных несовершенств требует реконструкции диспозиций статей 285.1, 285.2 УК РФ. Также важно определение перечня видов неправомерного поведения, которым могли бы руководствоваться все правоприменительные органы.

Литература

Безверхов А. Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей / Lex Russica. – 2015. – № 10. – С. 76–92.

Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография. М., 2014.

Классификатор нарушений (рисков), выявляемых Федеральным казначейством в ходе осуществления контроля в финансово-бюджетной сфере, утвержденный Федеральным казначейством 19 декабря 2017 г. / ЭПС «Система Гарант»

Кузнеченкова В. Е. Противодействие коррупции в финансово-бюджетной сфере / Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. С. 36–39.

Минькова А. М. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / Российская юстиция. – 2006. – № 2. – С. 33–35.

Модельный муниципальный правовой акт «О порядке составления, утверждения и исполнения смет доходов и расходов отдельных населенных пунктов (других территорий), не являющихся муниципальными образованиями, входящих в состав территории городского (сельского) поселения». URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=121448-modelnyi_munitsipalnyy_pravovoi_akt_o_poryadke_sostavleniya_utverzhdeniya_i_ispolneniya_smet_dokhodov_i_raskhodov_otdelnykh_naselennykh_punktov_drugikh_territorii_ne_yavlyayu

Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 40 ст. 3822

Об утверждении Порядка составления и ведения сводной бюджетной росписи областного бюджета, бюджетных росписей главных распорядителей средств областного бюджета (главных администраторов источников

финансирования дефицита областного бюджета) и лимитов бюджетных обязательств: приказ департамента финансов Ярославской области от 09.01.2013 № 1н / ЭПС «Система Гарант»

Об утверждении Порядка составления и ведения сводной бюджетной росписи федерального бюджета и бюджетных росписей главных распорядителей средств федерального бюджета (главных администраторов источников финансирования дефицита федерального бюджета), а также утверждения (изменения) лимитов бюджетных обязательств: приказ Минфина России от 27 августа 2018 г. № 184нн / ЭПС «Система Гарант»

Об утверждении форм первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учета, применяемых органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами, государственными (муниципальными) учреждениями, и Методических указаний по их применению: приказ Минфина России от 30.03.2015 № 52н / ЭПС «Система Гарант»

Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1987.

Официрова А. В. Некоторые вопросы толкования «нецелевого расходования бюджетных средств» применительно к ст. 285.1 УК РФ / Спорт: экономика, право, управление. – 2008. – № 4. – С. 12–15.

Официрова А. В. Нецелевое расходование бюджетных средств: проблемы законодательной регламентации, пенализации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

Пауль А. Г. О юридической природе закона (решения) о бюджете / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – С. 273–286.

Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.09.2016 № Ф09-8383/16 по делу № А07-17114/2015 / URL: <https://kad.arbitr.ru>

Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.05.2016 № 18АП-4499/2016 / URL: <https://kad.arbitr.ru>

Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 14.10.2019 по делу А82-3626/2019 / URL: <https://kad.arbitr.ru>

Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 18.11.2019 по делу А82-5027/2019 / URL: <https://kad.arbitr.ru>

Приговор Карачаевского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 07.08.2014 по делу № 1-6/2014. URL: <https://sudact.ru>

Приговор Сергокалинского районного суда Республики Дагестан от 18.02.2019 по делу № 1-04-2019. URL: <https://sudact.ru>

Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М., 1987.

Фазылов Р. Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов.: дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2005.

References

- Bezverkhov, A. G. (2015). On the operation of the criminal law in the context of intersectoral relations. *Lex Russica*, 10, 76-92 (in Russian).
- Classifier of violations (risks) detected by the Federal Treasury in the course of control in the financial and budgetary sphere, approved by the Federal Treasury on December 19, 2017 / EPS "System Garant"
- Fazylov, R. R. (2005). Criminal liability for misuse of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds.: dis. ...cand. jurid. sciences'. Kazan (in Russian).
- Ivanchin, A.V. (2014). Constructing the corpus delicti: theory and practice: monograph. Moscow (in Russian).
- Kuznetsechenkova, V. E. (2009). Anti-corruption in the financial and budgetary sphere. *State audit. Right. Economy*, 4, 36-39 (in Russian).
- Minkova, A.M. (2006). Criminal liability for misuse of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds. *Russian Justice*, 2, 33-35 (in Russian).
- Model Municipal Legal Act "On the procedure for Drawing up, Approving and Executing Estimates of Income and Expenses of Individual Settlements (other Territories) that are not Municipalities that are Part of the territory of an urban (rural) settlement". Available from: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=121448-modelnyi_munitsipalny_i_pravovoi_akt_o_poryadke_sostavleniya_utverzhdeniya_i_ispolneniya_smet_dokhodov_i_raskhodov_ot_delnykh_naselennykh_punktov_drugikh_territorii_ne_yavlyayu
- Ofitserova, A. V. (2008). Some questions of interpretation of "inappropriate expenditure of budgetary funds" in relation to Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Sport: economics, law, management*, 4, 12-15 (in Russian).
- Ofitserova, A. V. (2010). Inappropriate expenditure of budgetary funds: problems of legislative regulation, penalization and qualification: abstract. dis. ... cand. jurid of sciences. Saratov (in Russian).
- On approval of the forms of primary Accounting Documents and accounting registers Used by state Authorities (state Bodies), Local Self-government Bodies, Management bodies of state Extra-budgetary Funds, State (Municipal) Institutions, and Methodological Guidelines for their Application: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 52n / EPS "System Garant" dated 30.03.2015
- On approval of the Procedure for drawing up and maintaining the consolidated budget list of the regional budget, budget lists of the main managers of the regional budget funds (chief administrators of the sources of financing the regional budget

deficit) and limits of budget obligations: order of the Department of Finance of the Yaroslavl Region dated 09.01.2013 No. 1n / EPS "System Garant"

On approval of the Procedure for Drawing up and Maintaining the consolidated budget list of the federal budget and budget lists of the main managers of federal budget Funds (chief administrators of Sources of Financing of the federal budget deficit), as well as approval (amendment) of the limits of budget obligations: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated August 27, 2018 No. 184nn / EPS "System Garant"

On the General principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law No. 131-FZ of 06.10.2003 / Collection of Legislation of the Russian Federation No. 40 of October 6, 2003, Article 3822

Ozhegov, S. I. (1987). Dictionary of the Russian language: approx. 57,000 words / edited by N. Y. Shvedova. Moscow (in Russian).

Paul, A. G. (2018). On the legal nature of the law (decision) on the budget / Herald Voronezh State University. Series: Pravo, 273-286 (in Russian).

Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 02.09.2016 No. F09-8383/16 in case No. A07-17114/2015. Available from: <https://kad.arbitr.ru>

Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated 18.05.2016 No. 18AP-4499/2016. Available from: <https://kad.arbitr.ru>

Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal dated 14.10.2019 in case A82-3626/2019. Available from: <https://kad.arbitr.ru>

Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal of 18.11.2019 in the case A82-5027/2019. Available from: <https://kad.arbitr.ru>

Savitsky, V. M. (1987). The language of procedural law (questions of terminology). Moscow (in Russian).

The verdict of the Karachay city Court of the Karachay-Cherkess Republic dated 07.08.2014 in case No. 1-6/2014. URL: <https://sudact.ru>

The verdict of the Sergokalinsky District Court of the Republic of Dagestan dated 18.02.2019 in case No. 1-04-2019. Available from: <https://sudact.ru>

Citation:

Карагина Д.О. О терминологических коллизиях и других несовершенствах статей 285.1, 285.2 УК РФ // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 26-31.

Karagina D.O. (2023) On Terminological Collisions and Other Imperfections of Articles 285.1, 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Legal Linguistics*, 30, 26–31.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Признаки и функции юридической конструкции при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности

А. А. Коренная

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: lawer_ann@mail.ru*

В настоящей статье автор исследует общетеоретические и отраслевые содержательные признаки юридической конструкции как метакатегории правовой науки. На основе использования интегративной методологии автор выделяет признаки юридической конструкции как универсальной правовой категории. Такими признаками являются: признак множественности структуры юридической конструкции, признак соответствия, признак типичности, теоретико-прикладной признак, признак формального отражения. Выделенные признаки, по мнению автора исследования, относятся ко всем юридическим конструкциям независимо от области их применения в теории или нормотворческой практики. Также в работе обобщены и проанализированы основные положения научной дискуссии по проблеме определения понятия правовой модели и правового моделирования как процесса формирования модели и метода правовой науки, определены признаки правовой модели как двуединого явления по отношению к юридической конструкции. Теоретическая модель уголовно-правовой охраны в качестве первичного элемента имеет юридическую конструкцию. С другой стороны, сама теоретическая модель является юридической конструкцией, реализующейся в проекте нормативного акта. На основании системного анализа признаков правовой модели и юридической конструкции сформулированы функции последней. Выделены следующие функции юридической конструкции как первичного элемента и общей модели: учредительная, описательная, интерпретационная, познавательная и оценочная. Выделение обозначенных признаков обусловлено целью формирования теоретической или прикладной модели. Такие признаки не одинаковы для различных видов и категорий правовых моделей. Результаты исследования могут быть использованы как в процессе нормотворчества в качестве теоретической основы формулирования уголовно-правовых норм, так и в процессе исследовательской деятельности в качестве методологического основания.

Ключевые слова: юридическая конструкция, правовая модель, юридическая техника.

Attributes and Functions of Statutory Concept at Devising Theoretical Model for Business Protection through Criminal Law

A. A. Korennaya

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: lawer_ann@mail.ru*

In this article the author explores the general theoretical and specialized content features of statutory concept as a meta-category of legal science. Based on the use of integrative methodology, the author identifies the attributes of the statutory concept as a universal legal category. These attributes are - the multiplicity of the structure of statutory concept, conformity, typicality, theoretical validity and applicability, formal recording. The highlighted features, according to the author of the study, relate to all statutory concepts, regardless of the scope of their application in theory or rule-making practice. The paper also summarizes and analyzes the main provisions of academic thought on the problem of defining the concept of a legal model and legal modeling as a process of devising a model and method of legal science, defines the signs of a legal model as a dual phenomenon in relation to a legal structure. The theoretical model of criminal law protection as a primary element has a statutory concept. On the other hand, the theoretical model itself is a statutory concept implemented in the draft normative act. Based on the system analysis of the features of the legal model and the statutory concept, the functions of the latter are defined. The following functions of the statutory concept as a primary element and a general model are highlighted: constitutive, descriptive, interpretative, cognitive and evaluative. The selection of the indicated features is determined by the purpose of forming either a theoretical or applied model. Such attributes are not the same for different types and categories of legal models. The results of the research can serve as theoretical base for the formulation of criminal law in the process of rulemaking as well as methodological base for research.

Key words: statutory concept, legal model, legal technique.

Необходимость реформирования уголовного закона является предметом дискуссий ученых на протяжении как минимум двух десятилетий. Несмотря на различие взглядов, суждений, концепций, исследователи единодушны в констатации факта несовершенства российского уголовного закона и, как следствие, объективной потребности в его изменении, основой которого должны стать концептуальные теоретические разработки [Баумштейн 2014: 18; Наумов 2013: 7; Понятовская 2019: 23; Маркунцов 2023: 193]. Представляется, что на первом этапе формирования теоретической модели уголовно-правовой охраны, которая в дальнейшем может и должна быть воспринята законодателем в качестве теоретически обоснованной конструкции уголовного закона, необходимо определить общетеоретические понятия, к которым относится, в том числе, категория «юридическая конструкция». В рамках настоящей работы мы исследуем признаки и функции юридической конструкции как базового понятия на примере формирования теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности. Прежде чем перейти к теме, озвученной в названии, определим категориальный аппарат исследования. В доктрине к настоящему времени предложены различные подходы к определению юридической конструкции как самостоятельной правовой дефиниции. Разница в подходах к дефинированию предопределяет различия в содержании рассматриваемой категории, и как следствие, в ее значении и функциях в праве. Так, под юридической конструкцией в теории права предложено понимать: конкретный способ закрепления правовых инструментов в законодательстве [Чельшев 2013: 34], результат мысленного соединения правовых средств (их элементов) либо элементов правоотношений по выверенной типовой схеме в целях решения конкретных правовых ситуаций [Ананьева 2016: 125], средство законодательной техники, заключающееся в моделировании, определенном логическом построении нормативного материала [Болдырев 2009: 34], идеальные модели, схемы, шаблоны структурного построения прав, обязанностей, ответственности и иных элементов, используемых законодателем для формулирования правовых норм [Денисов 2005: 91], прием восхождения путем логических сопоставлений и обобщений до более общих правовых принципов с последовательным дедуцированием из них нужного для решения конкретного правового тезиса [Люблинский 2004: 118]. Итак, даже малая часть определений юридической конструкции позволяет с уверенностью говорить о ее сложной природе и многоаспектности. В этой связи, для обеспечения достоверности результатов настоящего исследования, представляется необходимым выделить существенные признаки юридической конструкции, являющиеся необходимыми и достаточными для установления ее значения и функций, как в процессе теоретической деятельности, так и в непосредственном нормотворчестве.

Выделим следующие признаки юридической конструкции, посредством которых определяется ее структура:

1) юридическая конструкция как следует, в том числе, и из лексического значения термина, имеет в своей структуре как минимум два элемента, что позволяет определить ее как многосоставную категорию. В научной литературе юридические конструкции именуются составными образованиями [Овчинников 2008: 127], имеющими последовательную внутреннюю структуру [Костюков 2002: 5]. К юридическим конструкциям не следует относить элементарные юридические явления, определяемые отдельными суждениями [Давыдов 2009: 158]. Представляется, что структурно рассматриваемая категория, применяемая при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны общественных отношений, состоит из трех элементов: отражение реальных общественных отношений, в настоящем случае – экономических, собственно правовые нормы (охранительные) и связь между ними, характеризующаяся свойством соответствия первого и второго. Данный признак мы именуем признаком множественности структуры юридической конструкции;

2) отношение соответствия, обозначенное в первом признаке юридической конструкции, предполагает, что она является отражением действительности, идеальным образом урегулированной правовыми нормами. Признак соответствия, однако, не является абсолютным, так как юридическая конструкция, будучи инструментом правового регулирования, во всяком случае ограничена имеющимся правовым инструментарием, а также сложившимися юридико-техническими правилами. В этой связи указанный признак необходимо сформулировать как признак ограниченной идеализации или ограниченного соответствия;

3) юридическая конструкция является результатом абстрагирования, мыслительной деятельности метатеоретического характера. Однако она имеет и прикладное значение, так как, будучи сформулированной на теоретическом уровне, в последующем может быть воспринята в процессе правотворчества. Подобный двуединый подход (наличие доктринального и практического значения) юридической конструкции впервые был сформулирован профессором А. Ф. Черданцевым, писавшим о юридической конструкции как о разработанной наукой и принятой юридическим сообществом идеальной модели, позволяющей осмыслить, закрепить в норме и обнаружить в реальных отношениях закономерную логическую взаимосвязь элементов различных юридических явлений [Черданцев 2012: 251-252]. На доктринальном уровне юридическая конструкция существует в виде системы понятий, суждений, умозаключений [Баранов 2000: 317]. На практическом уровне юридические конструкции реализуются в виде конкретных норм, а также их взаимосвязи и взаимообусловленности. Указанным признаком определяется теоретико-прикладное значение юридической конструкции;

4) юридические конструкции обладают признаком типичности, они представляют собой результат типизации в праве. Первым указанный признак юридической конструкции предложил С. С. Алексеев, указавший, что юридические конструкции представляют собой органический элемент собственного содержания права, его внутренней формы, рождаемый на первых порах спонтанно, в самой жизни, в практике в результате процесса типизации [Алексеев 2010: 219]. Таким образом, по признаку типичности юридическая конструкция представляет собой результат мысленного соединения элементов по типовой схеме, с одной стороны. Также, юридическая конструкция представляет собой типовое правило формулирования правовой нормы, правового института или даже отрасли. Специфика правовой конструкции по признаку типичности предполагает, что она может применяться к различным подобным ситуациям, и всегда будет иметь модельное значение для

закрепления того или иного нормативного правила. В уголовном праве указанное наиболее ярко проявляется в конструкции состава преступления;

5) юридическая конструкция является средством выражения внутренней структуры содержания права, как наиболее общего и сложного явления. Будучи формализованной категорией, она является внешней формой выражения любого правового явления. Указанный признак мы называем признаком формального отражения.

Итак, юридическая конструкция обладает следующими признаками: признак множественности структуры, признак ограниченного соответствия, признак типичности, теоретико-прикладной признак, признак формального отражения. Указанные признаки универсальны и применимы к любой юридической конструкции. Однако ее функции могут различаться в зависимости от целей конструирования и использования. В этой связи, прежде чем перейти к вопросам о функциях юридической конструкции в процессе теоретического моделирования уголовно-правовой охраны экономической деятельности, необходимо определить, что есть правовая модель.

Первые методологические разработки правового моделирования датируются 60-ми годами XX века [Зиновьев 1960: 84]. В юридической науке монографическое исследование правовых моделей как самостоятельных теоретических конструкций и правового моделирования как особого метода начинается в 80-х гг. прошлого века в работах теоретиков права (В. Д. Рудашевский (1980 г.) [Рудашевский 1980: 290-295], В. А. Леванский (1986 г.)). В. А. Леванский, по нашему мнению, предлагает наиболее полное определение модели в целом, адаптируя ее в ходе дальнейшего исследования применительно к праву. Модель, - пишет В. А. Леванский, - есть целостная система представлений о сущностных признаках и характеристиках некоторой другой системы, называемой оригиналом, воплощающаяся в материальных конструкциях либо информационных (графических, статистических, математических и т. д.) композициях. Она выделена из окружающей среды в соответствии с целями, задачами и возможностями исследователя и способна дать новое знание о системе - оригинале либо окружающей среде, вследствие единства законов, действующих в разных сферах реальности [Леванский 1986: 20]. В последующие периоды развития юридической мысли вопросы правового моделирования были рассмотрены в работах А. Ф. Черданцева [Черданцев 2012: 83] и С. С. Алексеева [Алексеев 2010: 128].

В юридической литературе предложены следующие определения правовой модели: прогнозируемый вариант оптимального правового регулирования будущих явлений и процессов, определяющий цели и средства формирования нового правового состояния и позволяющий произвести расчеты связанных с этим реальных результатов [Тихомиров 2020: 11]; созданная в результате абстракции, идеализации (для теоретических и метатеоретических моделей) или наблюдения (для материальных моделей) форма отражения правовой (или окружающей) действительности, находящаяся в отношении соответствия с исследуемым объектом, служащая средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного правового явления (или наглядности в описании объектов материального мира), несущая информацию об объекте или выполняющая специальную описательную (демонстрационную) задачу [Безруков 2008: 91]; образ (интеллектуально-волевое отражение) объекта, процесса или явления, в достаточной степени повторяющий существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления, сформировавшийся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития [Плетников 2016: 124]; мысленно сформулированный законодателем тот или иной вариант идеального поведения, представления о социальных явлениях [Петрушкин 2014: 22].

Чаще всего в теории права моделирование отождествляется с абстрагированием – логическим приемом познания, позволяющим формулировать научные понятия и категории, а правовые модели, соответственно, с абстракциями – понятиями и категориями, отражающими обобщенные свойства исследуемых явлений и процессов [Лазарев 2000: 16].

На основании вышеизложенных определений представляется, что в общем виде правовая модель может быть определена посредством следующих признаков, отражающих как ее содержание, так и форму: 1) правовая модель – это результат интеллектуальной (мысленной) целенаправленной деятельности субъекта (исследователя, уполномоченного лица и т. д.); 2) предметом правовой модели могут быть: а) оптимальный вариант регламентации общественных отношений посредством права (нормативно определенных правил поведения, осуществления деятельности и т. д.), в этом случае речь идет о нормативной модели; б) процессы, явления, обстоятельства, общее суждение о которых представляет тот или иной правовой интерес (криминологические модели, криминалистические модели и т. д.); 3) правовая модель находится в отношении соответствия с общественными отношениями, их формой, содержанием, особенностями субъектного состава, объектом, которые должны и могут быть урегулированы правом либо подлежат иной правовой оценке; 4) форма выражения правовой модели двойственна: как результат

исследовательской деятельности она выражается в общей концепции, идеи, общих принципах правового регулирования, концепта будущего правового состояния и т. д. На уровне правотворчества правовая модель может быть представлена в виде проекта закона, отдельной нормы, модельного закона, а равно нормативной стратегии; 5) правовые модели могут формироваться в отношении разнообразных правовых явлений (государства и права в целом, механизма правового регулирования, законодательных актов, отдельных норм права и т. д.). В праве моделирование используется во многих областях. В доктрине оно выступает средством познания государственно-правовых явлений и процессов, на практике – средством повышения эффективности различных юридически значимых действий: от принятия и реализации правовых норм и индивидуальных предписаний до выявления и расследования преступлений [Салыгин 2013: 15]. В криминалистике моделирование используется для получения новой информации о расследуемом событии преступления и лицах, его совершивших [Берзинь 2011: 134]; в криминологии созданы различные модели преступного поведения и модели зависимости социальных факторов и преступности [Кононенко 1981: 18].

Построение теоретической правовой модели допустимо в отношении двух предметов, она может быть как нормативной, так и исследовательской, направленной на достижение определенного правового результата. Согласимся с авторами, указывающими, что теоретическая правовая модель предполагает, что в ее структуру входят теоретически обоснованные юридические конструкции, которые находятся в строго определенных связях и отношениях друг с другом. По критерию соотношения должного и сущного теоретическая модель есть требование, результат моделирования, отражение

теоретического содержания идеи логической структуры норм права о единстве гипотезы, диспозиции и санкции [Комаров 2013: 328].

Итак, теоретическая модель уголовно-правовой охраны экономической деятельности является классической нормативной моделью, реализующейся в проекте соответствующего нормативного акта, что определяет функции юридической конструкции при формировании такой модели. В юриспруденции, как в иных науках гуманитарного цикла, под функциями в общем виде понимают роль того или иного явления (объекта, процесса), проявляющуюся в направленности их воздействия на некоторые или конкретные объекты [Реутов 2002: 15].

Анализ признаков юридической конструкции, а также особенностей правовой модели, позволяет выделить функции юридической конструкции при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности. Таким функциями, по нашему мнению, являются:

1) учредительная. Юридическая конструкция является первичным элементом правовой модели. Совокупность юридических конструкций в формальной и содержательной взаимосвязи образует любую правовую модель. Теоретическая модель уголовно-правовой охраны не является исключением;

2) описательная функция является следствием признака формального отражения. Юридические конструкции являются языком права, с их помощью формулируются как первичные, так и более сложные нормативные правила;

3) интерпретационная функция юридической конструкции отличается от общеправового понимания аналогичной функции, посредством которой происходит объяснение тех или иных юридических явлений. Интерпретационная функция юридической конструкции определяется признаком правового соответствия и реализуется в том, что рассматриваемые категории являются правовым средством интерпретации реальных общественных отношений;

4) познавательная функция, которая проявляется в том, что посредством построения юридических конструкций возможно получить обобщенные углубленные знания как о содержании права (как в целом, так и применительно к конкретной отрасли либо норме), так и о содержании отношений, нуждающихся в правовом регулировании или охране;

5) оценочная функция юридической конструкции обусловлена ее универсальным характером, позволяющим выступать идеальным параметром оценки качества формулируемых или действующих нормативных правил.

Значение юридической конструкции при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности определяется двумя направлениями: 1) содержательное, которое в свою очередь дифференцируется на общее и частное. Общее реализуется в содержании самой теоретической модели уголовно-правовой охраны, которая является общей юридической конструкцией; 2) юридическая конструкция является одним из важнейших средств законодательной техники, применяемой как процедурно, так и непосредственно в тексте уголовно-правовой нормы [Панько 2013: 63].

Преимущество юридической конструкции как сложного, но первичного элемента обусловлено тем, что она является объединением множества норм, обеспечивая тем самым их соединение и внутреннее единство, позволяющие обеспечить эффективность уголовно-правовой охраны. По словам основоположника юридического конструктивизма Ф. Иеринга, юридическая конструкция является пластическим инструментом, ее предметом и целью – юридическое тело [Иеринг 2006: 377]. В настоящем случае – теоретически и практически обоснованная модель уголовно-правовой охраны экономической деятельности.

Литература

Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

Алексеев С. С. Собрание сочинений. Том 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М., 2010.

Алексеев С. С. Собрание сочинений. Т. 4. Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х - 2009 годов. М., 2010.

Ананьева А. А. «Юридическая конструкция»: к вопросу об определении понятия / Известия Байкальского государственного университета. - 2016. - Т. 26. - № 1. - С. 114-128.

Баранов В. П. Юридическая конструкция: сценарий компьютерного урока / Проблемы юридической техники. Сборник статей. Под ред. В. П. Баранова. Нижний Новгород, 2000.

Безруков А. С. Моделирование в праве / Вестник Владимирского юридического института. - 2008. - № 1. - С. 90-92.

Берзинь О. А. Криминалистические подходы к моделированию преступной деятельности / Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2011. - № 4. - С. 133-143.

Болдырев С. Н., Переверзев В. В. Юридическая конструкция как средство юридической техники / Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. - 2009. - № 1с. - С. 33-39.

Баумштейн А. Б. Концептуальные начала современного российского уголовного права: монография. М., 2014.

Давыдов М. А. Юридическая техника. Волгоград, 2009.

Денисов Г. И. Юридическая техника: теория и практика / Журнал российского права. - 2005. - № 8. - С. 86-95.

Зиновьев А. А., Ревзин И. И. Логическая модель как средство научного исследования / Вопросы философии. - 1960. - № 1. - С. 82-90.

Иеринг Ф. Избранные труды. В 2 томах. СПб., 2006.

Комаров С. А., Калинин А. Ю. Теоретическая модель и юридическая конструкция: проблемы соотношения / Юридическая техника. - 2013. - № 7-2. - С. 327-330.

Конonenko В. И., Минаев В. А. Динамические модели преступности / Методы исследования сложных систем. М., 1981.

Костюков А. Н. Муниципально-правовые конструкции / Конституционное и муниципальное право. - 2002. - № 4. - С. 4-8.

Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000.

Леванский В. А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986.

- Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М., 2004.
- Маркунцов С. А., Маркунцова И. А. О необходимости разработки концептуальных основ моделирования уголовного закона / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2023. - № 1 (52). - С. 191-197.
- Наумов А. В. Пути реформирования российского уголовного законодательства / Законы России: опыт, анализ, практика. - 2013. - № 10. - С. 3-10.
- Овчинников С. Н. Юридические конструкции в таможенном праве / Правоведение. - 2008. - № 4. - С. 124-134.
- Панько К. В. Юридические конструкции как средство законодательной техники российского уголовного права / Юридическая техника. - 2013. - № 7-2. - С. 61-70.
- Петрушкин В. А. Функции правового моделирования (теоретико-правовой обзор и анализ) / Государственная служба. - 2014. - № 9. - С. 21-24.
- Плетников В. С. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование / Антиномии. - 2016. - Т. 16. - № 2. - С. 121-135
- Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография. Репр. изд. М., 2019.
- Реутов В. П. О функциональной природе права. Пермь, 2002.
- Рудашевский В. Д. Право и моделирование / Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1980.
- Салыгин Е. Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы / Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2013. - № 3. - С. 12-35.
- Тихомиров Ю. А. В Кн. Правовые модели и реальность: монография / О.А. Акопян, Н.В. Власова, С.А. Грачева [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденев. М., 2020.
- Челышев М. Ю. О юридических конструкциях в проекте изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации / Гражданское право. - 2013. - № 1. - С. 33-35.
- Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.

References

- Alekseev, S. S. (2009). General theory of law: textbook. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow (in Russian).
- Alekseev, S. S. (2010). Collected works. Vol. 4. The line of law. Concept: Works of the 1990s - 2009. Moscow (in Russian).
- Alekseev, S. S. (2010). Collected works. Volume 5: The Line of Law. Separate problems of the concept. Moscow (in Russian).
- Ananyeva, A. A. (2016). "Legal construction": on the question of the definition of the concept. Proceedings of the Baikal State University, 26, 1, 114-128 (in Russian).
- Baranov, V. P. (2000). Legal construction: scenario of a computer lesson. Problems of legal technique. Collection of articles. Edited by V. P. Baranov. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Baumstein, A. B. (2014). Conceptual principles of modern Russian criminal law: monograph. Moscow (in Russian).
- Berzin, O. A. (2011). Criminalistic approaches to modeling criminal activity. Right. Journal of the Higher School of Economics, 4, 133-143 (in Russian).
- Bezrukov, A. S. (2008). Modeling in law. Bulletin of the Vladimir Law Institute, 1, 90-92 (in Russian).
- Boldyrev, S. N., Pereverzev, V. V. (2009). Legal construction as a means of legal technique. Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov, 1c, 33-39 (in Russian).
- Chelyshev, M. Yu. (2013). On legal constructions in the draft amendments and additions to the Civil Code of the Russian Federation. Civil Law, 1, 33-35.
- Cherdantsev, A. F. (2012). Logical-linguistic phenomena in jurisprudence. Moscow (in Russian).
- Davydov, M. A. (2009). Legal technique. Volgograd (in Russian).
- Denisov, G. I. (2005). Legal technique: theory and practice. Journal of Russian Law, 8, 86-95 (in Russian).
- Iering, F. (2006). Selected works. V. 2 volumes. St. Petersburg (in Russian).
- Komarov, S. A., Kalinin, A. Yu. (2013). Theoretical model and legal construction: problems of correlation. Legal technique, 7-2, 327-330 (in Russian).
- Kononenko, V. I., Minaev, V. A. (1981). Dynamic models of crime. Methods of research of complex systems. Moscow (in Russian).
- Kostyukov, A. N. (2002). Municipal-legal constructions. Constitutional and municipal law, 4, 4-8 (in Russian).
- Lazarev, V. V., Lipen, S. V. (2000). Theory of state and law: textbook. for universities. 2nd ed., corr. and additional. Moscow (in Russian).
- Levansky, V. A. (1986). Modeling in socio-legal research. Moscow (in Russian).
- Lyublinsky, P. I. (2004). Technique, interpretation and casuistry of the Criminal Code. Moscow (in Russian).
- Markuntsov, S. A., Markuntsova, I. A. (2023). On the need to develop conceptual foundations for modeling criminal law. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law, 1 (52), 191-197 (in Russian).
- Naumov, A. V. (2013). Ways of reforming Russian criminal legislation. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 10, 3-10 (in Russian).
- Ovchinnikov, S. N. (2008). Legal constructions in customs law. Pravovedenie, 4, 124-134 (in Russian).
- Panko, K. V. (2013). Legal constructions as a means of legislative technique of Russian criminal law. Legal technique, 7-2, 61-70 (in Russian).
- Petrushkin, V. A. (2014). Functions of legal modeling (theoretical and legal review and analysis). State Service, 9, 21-24 (in Russian).
- Pletnikov, V. S. (2016). The concept and types of models in modern domestic jurisprudence: theoretical and legal research.

Antinomies, 16, 2, 121-135 (in Russian).

Poniatovskaya, T. G. (2019). Conceptual foundations of Russian criminal law: history and modernity: monograph. Repr. ed. Moscow (in Russian).

Reutov, V. P. (2002). On the functional nature of law. Perm (in Russian).

Rudashevsky, V. D. (1980). Law and modeling. Methodological problems of Soviet legal science / ed. V. N. Kudryavtsev, Moscow (in Russian),

Salygin, E. N. (2013). Modeling in law: problems and prospects. Right. Journal of the Higher School of Economics, 3, 12-35 (in Russian).

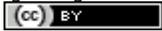
Tikhomirov, Yu. A. (2020). In the Book. Legal models and reality: monograph / O. A. Hakobyan, N. V. Vlasova, S. A. Gracheva [et al.]; ed. Yu. A. Tikhomirov, E. E. Rafalyuk, N. I. Khludenev, Moscow (in Russian).

Zinoviev, A. A., Revzin, I. I. (1960). Logical model as a means of scientific research. Questions of philosophy, 1, 82-90 (in Russian).

Citation:

Коренная А.А. Признаки и функции юридической конструкции при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 32-37.

Korennaya A.A. (2023) Attributes and Functions of Statutory Concept at Devising Theoretical Model for Business Protection through Criminal Law. Legal Linguistics, 30, 32-37.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проблема понимания оценочных понятий гражданского права: соотношение естественного и юридического языков

Т. Л. Платунова¹, У. В. Плешивцева², Т. П. Бородулина³

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹taplatunova@yandex.ru,

²ulyana.pleshivceva@mail.ru

³Алтайский государственный педагогический университет

ул. Молодежная, 55, 656031, Барнаул, Россия. E-mail: borodulina@yandex.ru

Статья посвящена проблеме понимания оценочных понятий в сфере гражданского права и в области юридической лингвистики. В цивилистических исследованиях появляются попытки рассмотреть категории оценочных понятий, предлагаются их прикладные классификации. Однако проблема наличия и систематического толкования оценочных понятий в правовом поле остается практически нерешенной. В данной статье нами предпринята попытка выявить причину появления и активного использования оценочных понятий в гражданско-правовом поле. Настоящее исследование отвечает на вопросы, что понимается под оценочным понятием в праве и с какой целью оно может быть применено. Мы исследовали основные дискуссии по проблеме оценочных понятий в праве и лингвистике, затем выявили, что оценочное понятие по-разному интерпретируется в этих отраслях знаний и возможное сближение понимания вызовет в правоприменительной практике большие практические проблемы. Дискуссия лингвистов вызвана базовым представлением о том, что оценочные понятия имеют разные, относительные коннотации, в то время как правоведы стремятся наиболее четко фиксировать явления реальности в оценочных понятиях. В исследовании определены характерные особенности оценочных понятий в правовой сфере и языкознании, которые позволяют разграничить интерпретацию.

Ключевые слова: оценочные понятия, юридический язык, естественный язык, гражданское право, лингвистика.

The Problem of Understanding the Evaluative Concepts of Civil Law: the Ratio of Natural and Legal Language

T. L. Platunova¹, U. V. Pleshivtseva², T. P. Borodulina³

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹taplatunova@yandex.ru, ²ulyana.pleshivceva@mail.ru

³Altai State Pedagogical University

55 Molodezhnaya St., 656031, Barnaul, Russia. E-mail: borodulina@yandex.ru

The article covers the problem of understanding evaluative concepts in civil law and legal linguistics. There have been attempts of civil studies to consider categories of evaluative concepts and propose their applied classifications. However, the problem of the presence and systematic interpretation of evaluative concepts in the legal sphere remains practically unresolved. In this article, we have made an attempt to identify the reason for the emergence and active use of evaluative concepts in civil law. This study answers the questions of what is meant by the concept of value in law and for what purpose it can be applied. We explored the main academic debate on the problem of evaluative concepts in law and linguistics, and then revealed that the evaluative concept is interpreted differently in these branches of knowledge and a possible convergence of understanding will cause great practical problems in law enforcement practice. The debate of linguists is caused by the basic idea that evaluative concepts have different, relative connotations, while lawyers strive to most clearly fix the phenomena of reality in evaluative concepts. The study identifies the characteristic features of evaluative concepts in the legal sphere and linguistics, which makes it possible to distinguish between interpretations.

Key words: evaluative concepts, legal language, natural language, civil law, linguistics.

В юридической доктрине вполне успешными стали позиции, выработанные учеными по вопросу дефиниции оценочных понятий [Гайронович, Рясина: URL]. Проблема находится на высоком науковедческом уровне, отмечает В. Г. Голубцов

[Голубцов 2019: URL]. В правовой науке наметились тенденции к разграничению оценочных понятий, которые используются в частном и публичном праве, причем обозначены линии по сокращению количества оценочных понятий в публичном праве. Эталон четкости и формальной определенности в этом случае в приоритете. При этом активизируется линия понимания и толкования оценочных понятий в частно-правовых отраслях, особенно в гражданском праве. Именно данная почва является благодатной для исследователей, так как в результате существует вероятность получить картину весьма эффективного гражданского правоприменения.

В отечественную правовую доктрину термин «каучуковое», то есть «оценочное понятие» введен во второй половине XX века. Термин введен С. И. Вильнянским в 1956 году в работе «Применение норм советского права» [Вильнянский 1956: 13]. Цель введения такого понятия, как отмечает Вильнянский, – придать нормам права эластичный характер. Однако автор не изучает данный факт, а лишь дает функциональную характеристику оценочным понятиям в праве, он пишет: «дают... возможность свободной оценки фактов и учета индивидуальных особенностей конкретного случая при обязательном в то же время применении закона» [Вильнянский 1956: 14].

В целом исследование проблем, связанных с оценочными понятиями в системе национального права, связано с традициями и инструментарием юридической техники. Исследователи оценочных понятий определяют его как понятие, в котором свойства, признаки, детали правовых явлений подробно не разъясняются законодателем и могут быть оценены и конкретизированы правоприменителями с учетом их уровня правосознания, практики, нравственности [Давыдова 2009: 147].

Опираясь на научную парадигму отраслевого различия оценочных понятий, рассмотрим, какие особые характеристики присущи оценочным понятиям в гражданском праве. Несомненно, что особенности метода гражданско-правового регулирования влияют на обнаружение данных особых черт. Одна из особенностей состоит в диспозитивности определения сущности оценочных понятий, свободная воля субъекта гражданского права позволяет интерпретировать понимание, к примеру, степени морального вреда, причиненного правонарушителем, посягающим на честь, достоинство субъекта. В этом же ключе необходимо отметить, что многие правоотношения между субъектами гражданского права основаны на соглашениях, что также отражает диспозитивный характер договоренностей и интерпретации этих договоренностей.

Далее, договорное право составляет базис частного права, соответственно, трактование условий договора также подчиняется той смысловой нагрузке, которую вложили договаривающиеся стороны. Таким образом, толкование оценочных понятий осуществляется непосредственно субъектами гражданского права на основе диспозитивных начал. А в публичной отрасли толкование норм права происходит преимущественно правоприменителем.

Наиболее заметным оценочным понятием в гражданском праве является «добросовестность» (пункт 3 статьи 1 ГК РФ). Законодатель в 2013 году превратил добросовестность в принцип гражданского права, в общее требование к участникам гражданских правоотношений, сделал критерием оценки действий субъектов гражданского права. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 ГК РФ» понятие добросовестного поведения раскрывается как ожидаемое от любого участника гражданского оборота, который учитывает права и законные интересы другой стороны. Добросовестность понимается как фактическая честность.

Именно практический срез применения этого понятия интересен исследователям, к примеру, посредством такого инструмента, как судебское усмотрение, происходит адаптация оценочного понятия в цивилистическом обороте. Придавать значение нравственному поведению в праве – это не новая идея законодателя. На сущность «добрых нравов» обратили внимание еще в проекте Гражданского уложения Российской империи в 1804-1819 годах [Проект ГУПИ: URL].

В современном гражданском праве существуют такие оценочные понятия, как «сравнимые обстоятельства» (статья 424 ГК РФ), «злоупотребление правом» (статья 10 ГК РФ), «порочащие сведения» (статья 152 ГК РФ), «потери» (статья 406.1 ГК РФ), «моральный вред» (статья 151 ГК РФ, статья 1099 ГК РФ), «предмет роскоши» (статья 256 ГК РФ) и др. В правовой науке сделаны успешные попытки классификации оценочных понятий, к примеру, на общие и периферийные (локальные) [Майборода 2019: URL], в зависимости от отраслевой принадлежности, в зависимости от нормативно-правового акта, в котором содержится оценочное суждение, и др. [Ряскина: URL].

Изучением оценочных понятий и суждений занимаются как юристы, так и лингвисты. Попытки исследовать языковые особенности построения оценочных понятий и суждений содержатся в работах А. Л. Бочковой, Р. О. Опалева, Н. Д. Голева.

Первая попытка изучить феномен оценочных понятий была предпринята в 1963 году В. Н. Кудрявцевым в монографии «Теоретические основы квалификации преступлений». Об этом он пишет следующее: «Оценочные понятия отражают отношения между предметами (явлениями), характеризуют результат сопоставления некоторого предмета с образцом (стандартом, эталоном)». Однако можно заметить, что В. Н. Кудрявцев при описании оценочных категорий сближает два понятия: понятие «оценочное суждение» в юриспруденции и «оценочное суждение» в лингвистике: «Для уяснения этой специфики сравним два понятия, например "деревянный" и "хороший". В употреблении этих прилагательных мы можем заметить существенную разницу. Утверждая, что «этот дом деревянный», мы пользуемся термином – определенным эталоном ("деревянный"), выработанным не для данного конкретного случая, а имеющим общепринятое и одинаковое значение. Другое дело, если мы скажем: "Этот дом – хороший". Здесь, конечно, тоже используется известный эталон, т. е. представление о том, какие дома могут быть охарактеризованы как хорошие» [Кудрявцев 1963: URL]. Утверждение об эталоне в контексте оценочных понятий права можно оспорить, так как при рассмотрении такой категории, как, например, «существенность», в нашем сознании не находится некоего эталона, на основании которого мы могли бы оценить «степень существенности». Суть понятия зависит лишь от его сравнения с какими-либо реальными фактами, например, оценка убытков в процентном соотношении с прибылью, в результате каких-либо событий, регулируемых правом.

Таким образом, становится понятно, что проблема функционирования оценочных понятий в праве возникает тогда, когда происходит отождествление двух понятий: оценочные категории в праве и оценочные категории в языкознании. Проблема базируется на том, что юридический язык требует точности формулировок, а оценочные понятия этого не могут обеспечить.

Объектом исследования становится сравнение юридического и естественного языков на примере фигурирования в них оценочных понятий. Предметом изучения становятся характерные особенности оценочных понятий права и лингвистики. В нашем исследовании мы делаем попытку разграничить понятия «оценочное понятие» в праве и «оценочное понятие» в лингвистике, так как их сближение может спровоцировать ошибки интерпретации.

При рассмотрении оценочных понятий в гражданском праве, в первую очередь необходимо понимать, что право имеет языковую основу. Именно поэтому юрислингвистика рассматривает явления права с его языковой стороны. Язык в этом случае выступает как инструмент отражения и фиксации данных о реальных событиях и действиях. Однако собственно языковая природа, ее закономерности и законы, имеющие во многом стихийно-естественную и непосредственно-отражательную природу, нередко являются источником возникновения таких проблем как наша – функционирование оценочных понятий и категорий в праве. Н. Д. Голев отмечает по этому поводу следующее: «В данном случае целью юрислингвистики становится рассмотрение этих преломлений естественного языка, его норм и закономерностей, возникающих при его приближении к юридической жизни и тех его преобразований, которые возникают при его "прохождении через юридическую призму". Такой взгляд отражает в частности работа Понимание чести и достоинства, в которой за отправной пункт обсуждения берется содержание понятий "честь", "достоинство", "оскорбление" и т. п., представленной в юридических документах» [Голев 1998: URL].

Исследователь оценочных понятий в праве В. Е. Жеребкин делит высказывания на оценочные и не оценочные и справедливо усматривает их отличия в структуре содержания. Не оценочными понятиями права являются такие, содержание которых строго фиксировано и известно субъекту познания до применения понятия. Соответственно, оценочные понятия имеют свободную структуру. Это можно понимать как более свободный характер трактовки [Жеребкин 1976: 129].

Содержание оценочного понятия, напротив, имеет открытую, незамкнутую структуру. Однако автор не дает объяснения, как он понимает открытость логической структуры и чем обусловлен открытый характер логической структуры оценочных понятий.

На основе этого тезиса можно предположить, что открытая, то есть незамкнутая структура, понимается как более свободный характер интерпретации оценочных суждений, чем не оценочных. Данный тезис приближается по смыслу к высказыванию А. А. Афанасьевой в статье «Проблемы использования оценочных понятий в российском праве»: «оценочные понятия и категории не обладают достаточно точным и ясным содержанием и не включают в себя всех характеризующих признаков описываемого факта или предмета, а представляют собой только относительно определенную характеристику отдельных признаков таких фактов или предметов» [Афанасьева 2019: 84]. Таким образом, можно обобщить свойства и прийти к выводу, что оценочные категории права обладают признаками:

- 1) более свободный характер интерпретации оценочных суждений, чем не оценочных;
- 2) трактовка понятия зависит от его сравнения с какими-либо реальными внеязыковыми фактами.

Насколько нам удалось заметить, об эталонности оценочных понятий, которую отмечает в своем труде В. Н. Кудрявцев, в праве речи нет. Однако об этом свойстве можно говорить с точки зрения лингвистики. Именно в этом наблюдается существенное отличие.

В языке данный термин можно понимать как «суждение субъекта об объекте». Оценка возникает на основе уже existing «эталонных» знаний для говорящего [Бочкова 2013: 280].

Действуют следующие схемы возникновения оценочного суждения в акте речевой коммуникации:

- 1) коммуникант-1 знает, что X;
- 2) коммуникант-2 совершает противоположное действие, то есть У;
- 3) коммуникант-1 сравнивает и понимает, что X не тождественно У;
- 4) итог: коммуникант-1 выносит отрицательное оценочное суждение в адрес Коммуниканта-2.

X – эталон, который находится в сознании коммуниканта-1 для оценки коммуниканта-2 в речевой ситуации. Таким образом, можно заключить, что оценочным суждениям как объектам рассмотрения лингвистики свойственно следующее:

- 1) свободный характер интерпретации;
- 2) основа – сравнение с неким «эталонным» элементом.

Термины не являются тождественными, и пытаться трактовать право через лингвистическое понимание оценочных понятий ошибочно. В связи с тем, что при составлении юридических документов понадобилось давать названия фактам действительности для их описания, возникла категория оценочных понятий в праве, так как с

помощью средств языка не представляется возможным точное описание всех правовых фактов. Право взяло из языка абстрактную лексику с широким семантическим полем: «достоинство», «разумность», «существенность» и т. д., поэтому большое количество фактов реальности получилось «уместить» в одно слово. Трактовка этих понятий проводилась в контексте, была относительна, подобно оценкам в лингвистике, поэтому совокупность правовых понятий получила термин «оценочные». Это повлекло за собой смешение и множество вопросов со стороны правоведов и лингвистов. Проблему названия можно характеризовать следующим образом: как следует называть тот или иной факт, если известно, что термин не включает в себе сущности предмета? Решением вопроса становится понимание того, что термины используются конвенционально, то есть по договоренности, потому как они не заключают в себе сущности описываемого факта, а лишь указывают на неё. Понятие оценочности в праве возникло как название совокупности терминов, способных к индивидуальной трактовке в соответствии с фактом действительности. Оценочность в правоведении не коррелирует с лингвистическим понятием «субъективной оценки». Она выступает как показатель относительности и полисемантической.

Тезис доказывается экспериментом с любым текстом, где можно применить лексическое толкование. Текст из Национального корпуса русского языка: «Я мечтал в детстве о велике, но моя мама мне велик не покупала оттого, что была убеждена, будто на велике я непременно попаду под машину» [Национальный корпус русского языка: URL]. Возьмем два понятия: мама и велик, заменим их трактовками: «Я мечтал в детстве о двухколесной или трехколесной машине для езды,

приводимой в движение с помощью педалей, которые нажимает ездок, но мама мне двухколесную или трехколесную машину для езды, приводимую в движение с помощью педалей, которые нажимает ездок, не покупала и т. д.». Мы видим, что основная мысль при отказе от термина *велюк* (разг. велосипед) остается неизменной: информативность достигнута и при употреблении термина, и при употреблении его понятия. Однако утверждение о том, что один термин заменяет объемное описание какого-либо факта, можно считать правомерным. В случае с полисемантическими понятиями, характеризующимися в праве как «оценочные понятия», смысловая целостность текста при проведении похожего эксперимента изменяется. Это прослеживается на примере оценочных понятий из гражданского права, например «неблагоприятные последствия»: «ГК РФ Статья 166. Оспоримые и ничтожные сделки. 2. <...> Оспоримая сделка может быть признана недействительной, если она нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, в том числе повлекла неблагоприятные для него последствия» [ГК РФ: URL]. Заменить термин «неблагоприятный» одной трактовкой нельзя. При определении функцию будут выполнять различные экстралингвистические факторы, трактовок «неблагоприятности» множество [Опалев 2008: 19].

Таким образом, оценочные понятия – это необходимый атрибут гражданского законодательства, средство для конструкции правовых норм, которое позволяет субъектам гражданского права гибко реализовывать свои частно-правовые интересы. В настоящей статье представлен аналитический материал, помогающий разграничить оценочные понятия в праве и лингвистике, помогает уловить причинный комплекс появления в праве термина «оценочные понятия». Название класса «оценочные суждения» в праве помогает понять, о каких категориях идет речь. При разотождествлении лингвистического и правового понятий мы приходим к выводу, что оценочные понятия в праве по своей природе не только не мешают гражданскому правоприменению, но и позволяют дифференцировать гражданские правоотношения на основе общих начал гражданского права.

Литература

- Афанасьева А. А. «Проблемы использования оценочных понятий в российском праве» / GLOSSA: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. - 2019 - С. 183-185.
- Бочкова А. Л. Понятие "Оценка" в лингвистике. Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 1 / Минск, 2013. С. 280-283.
- Вильнянский С. И. Применение норм советского права / Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 7. Харьков, 1956.
- Гайрамович Д. А. Оценочные понятия в современном гражданском праве / Цивилистические записки: межвузовский сборник научных трудов. Москва, 2001.
- Гражданский кодекс РФ Часть 1. ГК РФ Статья 166. Оспоримые и ничтожные сделки. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/44c14b6900a9357b7280c62327f3bfdf1743a52c/
- Голубцов В. Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права / LEX RUSSICA. - 2019. - № 8. URL: <https://lexrussia.msal.ru/jour/article/view/883>
- Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Монография. Волгоград, 2009.
- Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976.
- Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. 1. О предмете юрислингвистики / Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул, 1999. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v81.html>.
- Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. 1963. URL: <https://studfile.net/preview/9787972/page:15/>
- Майборода Т. Ю. К вопросу о классификации оценочных понятий в гражданском праве / Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журнал. - 2019. - № 8-9(65). URL: <http://universum.com/ru/economy/archive/item/7752>
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CmlqGAolCAAQChgyIAoQBSAAQAVqBDuOTV4ADICCAE6AQFCPwo9CjsKA3JlcRI0CjLQryDQvNC10YfRgtCw0Lsg0Llg0LTQtdGCOYHRgtCy0LUg0L4g0LLQtdC70LjQutC1LDAB>
- Опалев Р. О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. 2008. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01004040786.pdf
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 О применении судами некоторых положений раздела 1 ГК РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/
- Проект гражданского уложения Российской империи.. - Санкт-Петербург. Сенат. Тип. 1809. URL: <https://www.prlib.ru/item/361092>
- Ряпина А. Л. Оценочные понятия в российском праве: современные подходы / Актуальные проблемы российского права. - 2015. - №3(52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnye-kategorii-v-rossiyskom-prave-sovremennye-podhody>.

References

Afanaseva, A. A. (2019). Problems of using evaluative concepts in Russia law . GLOSSA: Bulletin of student science. Publication of the Department of Theory and History of State and Law of Kursk State University, 183-185 (in Russian).

- Bochkova, A. L. (2013). The concept of "Evaluation" in linguistics. Karpov scientific readings: Sat. scientific Art. Issue. 7: in 2 parts. Part 1 / editorial board: A.I. Golovnya (responsible editor) [and others] Minsk, 280-283 (in Russian).
- Civil Code of the Russian Federation Part 1. Civil Code of the Russian Federation Article 166. Disputable and void transactions. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/44c14b6900a9357b7280c62327f3bdfd1743a52c (in Russian).
- Davydova, M. L. (2009). Legal technique: problems of theory and methodology. Monograph. Volgograd (in Russian).
- Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25 On the application by the courts of certain provisions of Section 1 of the Civil Code of the Russian Federation. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (in Russian)
- Gayramovich, D. A. (2001). Evaluation concepts in modern civil law. Civilistic notes: interuniversity collection of scientific papers. Moscow (in Russian).
- Golev, N. D. (1999). Legal aspect of language in linguistic coverage. 1. About the subject of jurislinguistics. Jurislinguistics-1: problems and prospects: Interuniversity collection of scientific papers. Barnaul. Available from: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v81.html> (in Russian).
- Golubtsov, V. G. (2019). Evaluation Concepts in Russian Codifications of Civil Law. Lex Russica, 8, 37-50 <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.153.8.037-050> (in Russian).
- Kudryavtsev, V. N. (1963). Theoretical foundations for the qualification of crimes. Available from: <https://studfile.net/preview/9787972/page:15/> (in Russian).
- Mayboroda, T. Yu. (2019). To the question of the classification of evaluative concepts in civil law. Universum: Economics and jurisprudence: electron. scientific Journal, 8-9(65). Available from: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/7752>
- National corpus of the Russian language. Available from: <https://ruscorpora.ru/results?search=CmlqGAolCAAQChgylAoQBSAAQAVqBDuOTV4ADICCAE6AQFCPwo9CjsKA3JlcRI0CjLQryDQvNC10YfRgtCw0Lsg0Llg0LTQtdGC0YHRgtCy0LUg0L4g0LLQtdC70LjQutC 1LDAB> (in Russian).
- Opalev, R.O. (2008). Estimated concepts in arbitration and civil procedural law. Available from: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01004040786.pdf (in Russian).
- Proyekt peremeshcheniy upravleniy Rossiyskoy imperii.. Sankt-Peterburg : Senat. tip., 1809. Available from: <https://www.prlib.ru/item/361092> (in Russian).
- Ryasina, A. L. (2015). Estimated concepts in Russian law: modern approaches. Actual problems of Russian law, 3(52) (in Russian).
- Vilnyansky, S. I. (1956). Application of the norms of Soviet law. Scientific notes of the Kharkov Law Institute. Issue. 7. Kharkov (in Russian).
- Zherebkin, V. E. (1976). Logical analysis of the concepts of law. Kyiv (in Russian).

Citation:

Платунова Т.Л., Плешивцева У.В., Бородулина Т.П. Проблема понимания оценочных понятий гражданского права: соотношение естественного и юридического языков // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 38-42.

Platunova T.L., Pleshitseva U.V., Borodulina T.P. (2023) The Problem of Understanding the Evaluative Concepts of Civil Law: the Ratio of Natural and Legal Language. Legal Linguistics, 30, 38-42.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О технике конструирования уголовного закона

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

Статья посвящена исследованию теоретических положений о законодательной технике конструирования уголовного закона. Автор доказывает, что техника создания уголовно-правовых норм существенным образом отличается от техники создания норм других отраслей права. В теории права отсутствует единая концепция, которая бы объединяла правила, соблюдение которых гарантировало бы создание качественного текста закона, как и отсутствует единый нормативный акт, который регламентировал бы процесс законотворчества в любой области. Это обуславливает то обстоятельство, что большое число норм уголовного закона вызывают нарекания по разным причинам: отсутствие в диспозиции нормы описания некоторых элементов состава преступления, использование терминов с неопределенным содержанием, закрепление в одной норме деяний разной общественной опасности, несоответствие наименования статьи ее содержанию. Совершенствование уголовного закона невозможно без создания научно обоснованной концепции законодательного конструирования уголовно-правовых норм. Автором предпринята попытка сформулировать конкретные правила, соблюдение которых позволит конструировать нормы уголовного закона с понятным содержанием, без пробелов, обеспечивающие адекватную возможность их применения во взаимосвязи друг с другом. Представлен анализ приемов (способов, методов) построения нормы, классифицированных по степени обобщения и степени полноты изложения нормы. Каждому из них дана оценка с позиции целесообразности использования в различных случаях. Сформулированы конкретные правила, относящиеся к структуре, содержанию глав УК РФ и их отдельных норм, и языковые правила. Приведены примеры нарушений, допущенных при конструировании некоторых норм УК РФ и рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: законодательная техника, уголовный закон, правила конструирования норм права, лингвистические правила, диспозиция нормы.

On the Technique of Constructing Criminal Law

N. V. Tydykova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The article covers the study of theoretical provisions on the legislative technique of constructing a criminal law. The author proves that the technique of creating criminal law norms differs significantly from the technique of creating norms in other branches of law. In the theory of law, there is no single concept that would unite the rules, the observance of which would guarantee the creation of a high-quality text of the law, just as there is no single normative act that would regulate the process of lawmaking in any area. This determines the fact that a large number of norms of the criminal law cause criticism for various reasons: the absence in the disposition of the norm of describing certain elements of the crime, the use of terms of ambiguous content, enshrining in one norm acts of different public danger, the inconsistency of the name of the article with its contents. Improvement of the criminal law is impossible without creating a scientifically based concept of the legislative make-up of criminal law norms. The author has made an attempt to define specific rules, the observance of which will make it possible to construct norms of criminal law with clear contents, without gaps, ensuring an adequate possibility of their application in reference to each other. An analysis of the techniques (methods) for constructing a norm, classified according to the degree of generalization and the degree of completeness of presentation of the norm, is presented. Each of them is assessed from the standpoint of the appropriateness of use in various cases. Specific rules relating to the structure, content of the chapters of the Criminal Code of the Russian Federation and their individual norms and language rules are formulated. Examples of violations committed during the construction of certain norms of the Criminal Code of the Russian Federation and recommendations for their elimination are given.

Key words: legislative technique, criminal law, rules for constructing legal norms, linguistic rules, disposition of the norm.

Эффективность применения любого закона напрямую зависит от качества его написания. Общетеоретических исследований в области законодательной техники достаточно много, но до настоящего момента практически отсутствуют специальные исследования вопросов, связанных с законодательной техникой создания норм уголовного права, особенно в преломлении к технике создания определенных норм. Анализ действующего УК РФ показывает, что большое число норм вызывают нарекания по разным причинам: отсутствие в диспозиции нормы описания некоторых элементов состава преступления, использование терминов с неопределенным содержанием, закрепление в одной норме деяний разной общественной опасности, несоответствие наименования статьи ее содержанию и др. Это свидетельствует о том, что совершенствование уголовного закона невозможно без создания научно обоснованной концепции законодательного конструирования уголовно-правовых норм.

Говоря о законодательной технике в преломлении к тексту уголовного закона, нельзя не поставить вопрос о наличии или отсутствии специфики техники создания уголовно-правовых норм. Согласимся с теми авторами, которые признают специфику метода законодательной техники уголовного закона [Пронина 2016: 59]. Она связана с предметом и методом этой отрасли права, а также с необходимостью формулировать и закреплять признаки составов преступлений и конструировать санкции. Закрепляя признаки деяний, обладающих не просто общественной вредностью или противоправностью, а общественной опасностью, законодатель должен быть особенно точен, определяя круг таких деяний, описывая их признаки и закрепляя в санкциях виды и размеры наказаний. Закон, который оказывает серьезное влияние на общество и использует суровые виды наказаний, не может быть написан в той же технике, что и любой другой закон.

В одном из постановлений Конституционный Суд РФ отметил, что, учитывая тяжесть последствий ошибочного и произвольного применения уголовно-правовых норм, общие принципы права предъявляют к ним особенно жесткие требования определенности и конкретности содержания, предельной ясности и полноты описания признаков преступления, наличия четких критериев для определения запрещенного деяния, которые должны быть доступны пониманию, отчетливо сознаваться субъектом преступления и исключать любое иное, тем более расширительное, толкование правоприменительной практикой [Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2021].

В настоящее время все положения юридической техники представляют собой деловые обычаи и доктринальные положения, хотя еще более 20 лет назад А. Б. Венгеров писал о том, что мечтой многих ученых-юристов является принятие специального нормативно-правового акта о нормативно-правовых актах [Венгеров 2000: 259]. До настоящего времени такой акт федерального уровня отсутствует. Однако специальные законы, посвященные региональному нормотворчеству, приняты и действуют в 52 регионах, еще в 33 субъектах – подзаконные акты [Артамонов 2021: 78].

В специальной литературе можно встретить ряд терминов: приемы, средства, способы, методы, правила юридической техники. Одни авторы их отождествляют [Алексеев 1999: 106], другие проводят разницу между правилами и способами (приемами) [Марченко 1998: 368-372]. Отсутствие единства мнений по поводу компонентов законодательной техники в литературе связывают с многогранностью института законодательной техники [Витвицкая 2005: 95].

Определимся, что правила – это набор предписаний, устанавливающих тот или иной порядок в исполнении чего-либо в целях обеспечения наиболее эффективного результата. Способы (приемы, методы) – набор готовых инструментов, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи.

Разные авторы выделяют различные группы правил. Например, содержательные правила, правила логики, структурные правила, языковые правила, реквизитные и процедурные правила [Томин 2018: 22-23]. По причине ясности и логичности импонирует подход, в соответствии с которым выделяются правила, относящиеся к внешнему оформлению нормативных актов, правила, относящиеся к содержанию и структуре нормативного акта и правила изложения норм права [Марченко 1998: 368-372]. С учетом целей настоящего исследования в фокусе внимания будут правила, относящиеся к структуре и содержанию частей нормативного акта (УК РФ) – главе и норме, а также правила изложения норм права (языковые правила). Причем правила конструирования будут отдельно сформулированы для диспозиций и для санкций, так как специфика этих элементов нормы требует автономного решения вопроса.

Приемы (способы, методы) отражают особенности построения нормы или правового акта [Соловьев 2015: 65] и традиционно подразделяются по двум критериям: по степени обобщения и степени полноты изложения нормы.

По степени обобщения их разделяют на абстрактные и казуистические [Алексеев 1999: 111]. Вряд ли правильно пытаться определить, какой из этих способов является наиболее предпочтительным для использования при конструировании уголовно-правовых норм, так как каждый из них имеет свои преимущества. Абстрактный способ лежит в основе формирования нормы, в общем виде охватывающей все возможные и необходимые варианты поведения, а казуистический позволяет внести в норму высокий уровень конкретизации и исключает расширительное толкование. Вместе с тем исследователи справедливо отмечают и то, что высокая степень абстрагирования может привести к утрате нормативности, а казуистичность не всегда позволяет охватить все необходимые варианты [Болдырев 2015: 55]. Среди недостатков казуистического способа называется и то, что изменчивость общественных отношений с неизбежностью приведет к необходимости внесения изменений в текст закона, влечет риски пробелов в праве, увеличивает объем законодательного материала. Недостаток абстрактного способа в том, что он расширяет пределы судебного усмотрения, а граница круга криминализации становится подвижной [Денисова 2010: 95]. Однако следует понимать, что в ряде случаев использование казуистического способа описания не только целесообразно, но и является единственным вариантом описания деяния в норме.

Например, в статьях 111, 222, 228, 228.1 УК РФ. Абстрактный способ зачастую также бывает единственно возможным в силу того, что невозможно путем перечисления определить круг возможных вариантов деяния, как, например, это невозможно сделать применительно к закреплению вариантов действий сексуального характера и развратных действий, так как их вариативность ограничена только человеческой фантазией.

По степени полноты изложения нормы выделяют простой, описательный, ссылочный и бланкетный приемы законодательной техники. Недостатки простого способа в настоящее время очевидны, их можно ярко продемонстрировать на примере проблем толкования и применения ст. 126 УК РФ. Описательный способ видится оптимальным, так как позволяет с необходимой детализацией представить признаки состава преступления и сконструировать максимально понятную для правоприменителя норму. Достаточно часто законодатель также использует бланкетный и ссылочный приемы законодательной техники. Такой способ описания признаков составов преступлений также нельзя однозначно охарактеризовать как положительный или отрицательный. В тех случаях, когда использование этого способа оправданно или даже неизбежно, это всего лишь особенность конструкции. Другой вопрос, что наработанный опыт применения таких норм позволяет сформулировать некоторые правила использования их самих. Так, например, только те признаки состава преступления, которые невозможно описать в норме УК РФ, могут быть описаны бланкетным способом, из текста уголовно-правовой нормы должно быть ясно, к какому нормативному акту необходимо обратиться за уяснением бланкетного признака. При конструировании составов половых преступлений бланкетный и ссылочный способы не видятся целесообразными.

В общетеоретических исследованиях также выделяется такой прием, как дефиниция. Законодателем в УК РФ, к сожалению, используется не часто. А в тех случаях, в которых используется, как правило, находит одобрение в теории и правоприменительной практике, так как позволяет решить все возможные вопросы. Например, даны понятия убийства, изнасилования, кражи, грабежа в диспозициях соответствующих норм. В других случаях определения понятий закреплены в примечании к статьям, например понятие должностного лица в примечании к ст. 285 УК РФ. Кстати, сама конструкция примечаний также может рассматриваться в качестве самостоятельного приема законодательной техники. Однако в литературе по уголовному праву использование законодателем такой техники в тексте уголовного закона оценивается не всегда положительно [Пронина 2016: 154]. Видится положительное значение такого приема, как включение в состав норм примечаний, так как, в том числе и по оценкам других специалистов, примечание зачастую является не только оптимальным, но и единственным способом решения нормативной проблемы [Соловьев 2015: 9; Князьков 2015: 17].

Исключительным случаем, когда дефиниция закрепляется в отдельной статье Особенной части УК РФ, является ст. 331 УК РФ, в которой дано понятие преступлений против военной службы. С учетом того, что вся Особенная часть УК РФ представляет собой систему статей, закрепляющих признаки составов преступлений и санкции, имеющих логику нумерации, включение в нее статей, содержащих только определение понятий, видится нарушающим сложившуюся систему. И если необходимость существования в УК РФ ст. 331 УК РФ в действующей редакции может быть объяснена спецификой главы 33 УК РФ, то вряд ли какая-то из глав раздела 7 УК РФ обладает таким уровнем специфичности, который мог бы обусловить необходимость существования самостоятельных статей, посвященных определению понятий. Вместе с тем достаточно популярна в юридической литературе идея о закреплении в Общей части УК РФ статьи, которая бы содержала дефиниции используемых в УК РФ терминов [Черкаев 2004: 133]. Имеется практический смысл закрепить таким способом термины, которые часто используются законодателем при конструировании составов преступлений разной направленности и имеют одинаковое содержание. Однако вряд ли такое решение сможет заменить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам, так как в них разъясняются особенности толкования признаков в преломлении к специфике разъясняемых преступлений, в том числе тех терминов, которые в Общей части УК РФ уже получили определения. Например, в ряде Постановлений Пленума Верховного Суда РФ разъясняются особенности квалификации различных преступлений, совершенных в составе группы лиц по предварительному сговору, хотя ч. 2 ст. 35 УК РФ содержит понятие группы лиц по предварительному сговору, которое применимо для всех случаев его употребления в УК РФ. Кроме того, в Общей части УК РФ явно нецелесообразно закреплять определения терминов, которые имеют узкую направленность и касаются, например, одного состава преступления. Это не снимает вопроса о закреплении некоторых терминов в примечаниях к статьям, а также подтверждает то обстоятельство, что в ближайшее время роль разъяснений Верховного Суда РФ вряд ли станет менее значимой.

В специальной литературе можно встретить попытки описать правила законодательной техники для норм Общей и Особенной частей УК РФ [Абдулханьянов 2021: 82]. Однако часто они описывают скорее фактически сложившиеся традиции, а не положения, которые могут стать «флагманскими» для целей совершенствования уголовного закона.

Рассмотрим подробнее вопрос о правилах, которыми необходимо руководствоваться при конструировании глав и отдельных норм Особенной части УК РФ.

Объединение норм в систему сам УК РФ осуществляет по признакам объекта, что проявляется в структуре Особенной части, где все нормы представлены в рамках разделов и глав. Традиционным для Особенной части УК РФ является объединение норм в рамках главы по признаку видового объекта. Правильность определения места той или иной нормы зависит от правильности определения объекта, который ей охраняется.

Анализ особенной части УК РФ позволяет выдвинуть предположение о том, что, располагая статьи в рамках одной главы, законодатель исходил из общественной опасности деяния, ответственность за которое закреплена в этой статье. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в первой главе 16 УК РФ размещена ст. 105 УК РФ, в главе 17 УК РФ – ст. 126 УК РФ, в главе 24 УК РФ – ст. 205 УК РФ. Однако такая логика прослеживается не всегда. Так, глава 21 УК РФ

начинается со ст. 158 УК РФ, общественная опасность деяния, в ней закрепленного, никак не может быть определена как самая высокая среди всех преступлений против собственности. Главу 25 УК РФ начинает ст. 228 УК РФ, а общественная опасность деяния, ею закрепляемого, очевидно ниже, чем, например, того, признаки которого закрепляет ст. 228.1 УК РФ. А в главе 18 УК РФ из системы, построенной по мере убывания общественной опасности зафиксированных в ней преступлений, «выпадает» понуждение к действиям сексуального характера, являющееся преступлением небольшой тяжести, которое предусмотрено законодателем вслед за тяжкими и особо тяжкими преступлениями (ст. 131, 131), но предшествует преступлениям средней тяжести (ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135 УК РФ) [Коняхин 2012: 32-39]. Это позволяет сделать вывод о том, что уменьшение общественной опасности деяний не является обязательным или единственным критерием расположения статей в рамках главы УК РФ. Кроме того, не всегда возможно ранжировать деяния по увеличению или уменьшению степени их общественной опасности, так как общественная опасность сама по себе представляет оценочное понятие.

Критерием, который может быть использован для построения норм в рамках главы УК РФ, может быть принцип «от общего к частному». При таком подходе сначала располагаются нормы, которые закрепляют ответственность за деяния, описываемые наиболее общими признаками, а затем - нормы, которые закрепляют ответственность за деяния, имеющие, помимо общих признаков, еще и специальные, которые ограничивают круг применения нормы. В частности, это могут быть нормы, закрепляющие признаки составов преступлений, посягающих на дополнительный объект.

К правилам, которые необходимо учитывать при решении вопроса о содержании и структуре нормы, необходимо отнести следующие:

1) уголовно-правовая норма должна соответствовать Конституции РФ и не должна вступать в противоречие с иными отраслями права [Хутов 2015: 39-42];

2) каждый состав преступления должен быть сконструирован таким образом, чтобы быть содержательно отделенным от других составов преступлений [Шаргородский 1948: 101], но при этом быть частью единой системы уголовно-правовых норм;

3) одна норма должна охватывать деяния примерно одной степени общественной опасности;

4) норма должна содержать указание на все возможные способы совершения деяния (не обязательно казуистично, возможно – абстрактно);

5) в норме должны найти отражение признаки объективной и субъективной стороны, а также признаки субъекта, если они имеют отличия от признаков общего субъекта и потерпевшего, если он имеет признаки специального;

6) слова и словосочетания в тексте должны иметь однозначные связи между собой;

7) норма должна иметь краткий заголовок, позволяющий определить ее содержание и отграничить от других норм;

8) норма Особенной части УК РФ должна соотноситься с нормами Общей части УК РФ таким образом, чтобы обеспечивать возможность реализации всех институтов Общей части УК РФ;

9) все статьи Особенной части УК РФ, по возможности, должны использовать универсальные конструкции.

Говоря о последнем правиле, можно отметить, что законодатель в большинстве случаев придерживается конструкции статей, в которой первая часть устанавливает ответственность за основной состав преступления, а все последующие – за составы с квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками. Однако в ряде случаев допускается отступление от такого правила, например в ст. 134, 212 УК РФ. Вряд ли можно говорить о недопустимости таких конструкций, так как иногда может возникнуть соответствующая потребность. Для того, чтобы они не создавали проблем для практики, необходимо их конструировать таким образом, чтобы совокупность разных частей была допустима и обоснованна, либо из содержания нормы прямо следовала невозможность квалификации по совокупности разных частей. Иными словами, использование такой нетипичной конструкции не должно создавать проблемы правовой неопределенности.

Исследуя правила изложения норм права (языковые правила), в литературе можно встретить другой термин – лингвистические правила; чаще всего эти термины используются как синонимы [Каплун 2014: 277-279].

В литературе отмечается, что употребление терминов «язык права» или «язык уголовного права» достаточно условно, так как, с точки зрения стилистики русского языка, он не является самостоятельно функционирующим стилем [Кострова 2015: 98]. Однако это весьма спорное утверждение, так как можно выделить ряд особенностей, присущих только языку права и даже языку уголовного права, которые отличают его от любых других языковых стилей и не используются в других, кроме права, сферах. Например, широкое использование союзов «либо», «или», «а равно», детальное описание деяния с конкретизацией внутреннего отношения лица, его совершающего, к этому деянию.

Определим перечень лингвистических правил:

1) официальный стиль изложения, предполагающий точность, ясность, краткость, определенность, отсутствие экспрессивности, стандартизованность используемых терминов и оборотов [Ситникова 2017: 111];

2) единство терминологии – один термин должен употребляться в одном значении;

3) единство подхода к закреплению одного и того же признака в разных составах УК РФ;

3) если при описании признака состава преступления используется метод перечисления, то перечень должен быть, по возможности, закрытым. Если невозможно представить описываемый признак закрытым перечнем, то перечисленные варианты должны быть достаточными для того, чтобы правоприменитель в каждом конкретном случае мог определить тот или иной признак в качестве возможного продолжения этого перечня и, соответственно,

в качестве признака состава преступления;

4) использовать оценочные признаки следует при невозможности использования признака с конкретным содержанием;

5) при конструировании норм следует избегать общеупотребительной терминологии, а при использовании, например, медицинских терминов необходимо раскрыть содержание этих понятий, хотя при конструировании составов некоторых других преступлений (например экологических) исследователями допускается использование общеупотребительной терминологии и терминологии других отраслей знания [Тимошенко 2019: 236];

6) формулировать признаки состава преступления, используя в качестве общего правила конструкцию единственного числа, использование множественного числа допустимо только в случаях, обусловленных смысловым контекстом.

Примером нарушения последнего правила является конструкция состава, предусмотренного ст. 132 УК РФ, где в частях, предусматривающих ответственность за совершение этого преступления с квалифицирующими признаками, законодатель необоснованно использует множественное число, что создает ложное представление о том, что необходимо установить множественность действий для признания в действиях лица наличия признаков преступления: «те же деяния», «совершенные», «повлекшие» и т. д. При этом в ст. 131 (кроме ч. 5), 133 УК РФ используется форма единственного числа.

Следует отметить, что предложенные перечни правил весьма условны, они сформированы на основе теоретических исследований других авторов в этой области, а также собственных исследований в области квалификации половых преступлений, результатом которых стало выявление множества правоприменительных проблем, в основе которых лежит именно особенность конструкции нормы. К сожалению, анализ УК РФ позволяет заключить, что законодатель не всегда следует названным правилам. Практика знает не только множество случаев, когда один термин получает разное смысловое наполнение в разных случаях, но и когда используются разные подходы к закреплению одного и того же термина, что, конечно же, не способствует единообразию практики. Так, например, в одних случаях, закрепляя признак несовершеннолетнего возраста потерпевших в качестве квалифицирующего, законодатель указывает на обязательность заведомости, в других – не указывает [Рарог 2014: 70].

Таким образом, принятое решение о криминализации деяния может получить надлежащее воплощение при условии соблюдения ряда правил законодательной техники, которые позволяют закрепить в нормах УК РФ признаки составов преступлений. Сформулированы правила, относящиеся к структуре, содержанию глав УК РФ и их отдельных норм, и языковые правила.

Литература

- Абдулханьянов И. А. Правила юридической техники в уголовном праве / Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 79-84.
- Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования. М., 1999.
- Артамонов А. Н. О видах и формах нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2. С. 78-88.
- Болдырев С. Н., Болдырев О. Н. Правовая сущность способов юридической техники / Философия права. 2015. № 1. С. 54-56.
- Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М., 2000.
- Витвицкая С. С. К вопросу о законодательной технике в уголовном праве / Общественные науки. 2005. № 4. С. 95-98.
- Денисова А. В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации / Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 94-99.
- Каплун О. А. Сравнительная характеристика понятий «Лингвистическая компетенция» и «Языковая компетенция» и их структурных компонентов в методике преподавания русского и иностранного языков / Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4 (60). С. 277-279.
- Князьков А. А. О приемах законодательной техники в уголовном праве / Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. №2. С. 15-18.
- Коняхин В. П., Жук М. С. Система институтов особенной части российского уголовного права и возможные перспективы ее оптимизации / Уголовное право. 2012. № 1. С. 32-39.
- Кострова М. Б. Теоретическая модель языковой формы нового уголовного кодекса России / Lex Russica. 2015. № 12. С.78-102.
- Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах /под ред. Н. М. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 N 6-П «По делу о проверке конституционности ст. 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова» / СПС КонсультантПлюс.
- Пронина М. П. Метод юридической техники уголовного законодательства / Пробелы в российском

- законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 3. С. 57-61.
- Пронина М. П. Приемы конструирования норм уголовного законодательства / Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 7. С. 152-156.
- Рарог А. И. «Работа над ошибками» - обязанность законодателя / Государство и право. 2014. № 4. С. 65-73.
- Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права / Lex Russica. 2017. № 3 (124). С. 106-122.
- Соловьев О. Г. Место и значение приемов законодательной техники в процессе конструирования норм уголовного законодательства / Юридическая наука. 2015. № 3. С. 65-67.
- Соловьев О. Г. Правотворческие приемы конструирования уголовно-правовых норм: понятие, виды, значение / Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 7-9.
- Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... док. юрид. наук. М., 2019.
- Томин В. А. Юридическая техника: учебное пособие. СПб, 2018.
- Хутов К. М., Поликарпова И. В. Теоретические правила создания уголовно-правовых предписаний / Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 39-42.
- Черкаев А. В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
- Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М., 1948.

References

- Abdulkhannyanov, I. A. (2021). Rules of legal technique in criminal law. Bulletin of the Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4, 79-84 (in Russian).
- Alekseev, S. S. (1999). Law: ABC-theory-philosophy: experience of comprehensive research. Moscow (in Russian).
- Artamonov, A. N. (2021). On the types and forms of normative legal acts of the constituent entities of the Russian Federation. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law, 2, 78-88 (in Russian).
- Boldyrev, S.N., Boldyrev, O. N. (2015). Legal essence of methods of legal technology. Philosophy of Law, 1, 54-56 (in Russian).
- Cherekaev, A. V. (2004). Legal terminology in Russian public law: problems of application and improvement: dis. ...candidate of law sciences. Moscow (in Russian).
- Denisova, A. V. (2010). On the techniques of legislative technology used in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Society and Law, 2 (29), 94-99 (in Russian).
- General theory of state and law. Academic course in 2 volumes (1998).ed. N. M. Marchenko. T.2. Theory of law. Moscow,.
- Kaplun, O. A. (2014). Comparative characteristics of the concepts "Linguistic competence" and "Linguistic competence" and their structural components in the methodology of teaching Russian and foreign languages. Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and social sciences, 4 (60), 277-279 (in Russian).
- Khutov, K. M., Polikarpova, I. V. (2015). Theoretical rules for creating criminal law regulations. Current issues in the fight against crime, 2, 39-42 (in Russian).
- Knyazkov, A. A. (2015). On the techniques of legislative technology in criminal law. Current issues in the fight against crime, 2, 15-18 (in Russian).
- Konyakhin, V. P., Zhuk, M. S. (2012). The system of institutions of the special part of Russian criminal law and possible prospects for its optimization. Criminal law, 1, 32-39 (in Russian).
- Kostrova, M. B. (2015). Theoretical model of the linguistic form of the new criminal code of Russia. Lex Russica, 12, 78-102.
- Pronina, M. P. (2016). Method of legal technique of criminal legislation. Gaps in Russian legislation. Legal journal, 3, 57-61 (in Russian).
- Pronina, M. P. (2016). Techniques for constructing norms of criminal legislation. Gaps in Russian legislation. Legal journal, 7, 152-156 (in Russian).
- Rarog, A. I. (2014). "Working on mistakes" is the duty of the legislator. State and Law, 4, 65-73 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 25, 2001 N 6-P "In the case of verifying the constitutionality of Art. 265 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. A. Shevyakova". SPS ConsultantPlus (in Russian).
- Shargorodsky, M. D. (1948). Criminal law. Moscow (in Russian).
- Sitnikova, A. I. (2017). Legislative textual criticism of criminal law. Lex Russica, 3 (124), 106-122 (in Russian).
- Soloviev, O. G. (2015). Law-making techniques for constructing criminal law norms: concept, types, meaning. Current issues in the fight against crime, 1, 7-9 (in Russian).
- Soloviev, O. G. (2015). The place and significance of legislative techniques in the process of constructing norms of criminal legislation. Legal science, 3, 65-67 (in Russian).
- Timoshenko, Yu. A. (2019). Construction of criminal legal norms on liability for environmental crimes: problems of theory and practice: dis. ...doc. leg. sciences. Moscow (in Russian).
- Tomin, V. A. (2018). Legal technology: textbook. St. Petersburg (in Russian).
- Vengerov, A. B. (2000). Theory of state and law: a textbook for law schools. Moscow (in Russian).
- Vitvitskaya, S. S. (2005). On the issue of legislative technology in criminal law. Social sciences, 4, 95-98 (in Russian).

Citation:

Тыдыкова Н. В. О технике конструирования уголовного закона // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 43-49.

Tydykova N. V. (2023) On the Technique of Constructing Criminal Law. Legal Linguistics, 30, 43-49.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Сравнительно-правовые аспекты зарубежного законодательства по предупреждению повторных преступлений среди осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества

А. А. Дорожинский

*Главное управление МВД России по Алтайскому краю
пр. Ленина, 74, 656015, Барнаул, Россия. E-mail: dorozhinskii-1995@mail.ru*

Автор статьи анализирует зарубежное законодательство в области предупреждения повторных преступлений среди осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества. Активная политика масштабной гуманизации уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) России предопределяет актуальность и практическую значимость проводимого исследования в сфере изучения зарубежного опыта в борьбе с повторной преступностью среди осужденных. В статье анализируется эффективность применения различными зарубежными государствами некоторых мер предупреждения повторных преступлений среди осужденных, а также рассматриваются методы и способы борьбы с повторной преступностью среди указанной категории осужденных. Исследуется частая практика применения зарубежными странами института probation как эффективного инструмента борьбы с повторными преступлениями, совершаемыми осужденными. Probation некоторых зарубежных стран насчитывает многовековую историю развития и применения данного института. Кроме того, автор проводит экстраполяцию зарубежного законодательства по предупреждению повторных преступлений на существующие реалии отечественного законодательства в данной области. Отмечается, что имеющийся в зарубежных странах положительный опыт предупреждения повторных преступлений среди осужденных вовсе не означает, что мы должны слепо и бездумно заимствовать его и безотлагательно начать внедрять в нашу уникальную и самобытную УИС. Любое нововведение перед его интеграцией в существующую систему должно пройти обязательную апробацию для установления эффективности его использования на практике.

Ключевые слова: предупреждение повторных преступлений, зарубежный опыт, осужденные без изоляции от общества, probation.

Comparative Legal Aspects of Foreign Legislation against Return to Crime among Convicts Serving Sentences without Isolation from Society

A. A. Dorozhinsky

*Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory
74 Lenina St., 656015, Barnaul, Russia. E-mail: dorozhinskii-1995@mail.ru*

The author of the article analyzes foreign legislation in the field of preventing repeated crimes among convicts serving sentences without isolation from society. The active policy of large-scale humanization of the penal system (hereinafter referred to as the penal system) of Russia determines the relevance and practical significance of the ongoing research in the field of studying foreign experience in the fight against repeat crime among convicts. The article analyzes the effectiveness of the use by various foreign countries of certain measures to prevent repeated crimes among convicts, and also discusses methods and means of combating repeated crime among this category of convicts. The common overseas practice of using the institution of probation as an effective tool to combat repeated crimes committed by convicts is explored. The institute of probation in some foreign countries has a long history of development and application. In addition, the author extrapolates foreign legislation on the prevention of repeated crimes to the existing realities of domestic legislation in this area. It is noted that despite the positive experience in preventing repeated crimes among convicts in foreign countries, this does not mean

that we should blindly and thoughtlessly borrow it and immediately begin to implement it into our unique and distinctive penal system. Any innovation, before being integrated into an existing system, must undergo mandatory testing to establish the effectiveness of its use in practice.

Key words: prevention of return to crime, foreign experience, convicts without isolation from society, probation.

Ученые Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер отмечают, что обращение к криминологическим учениям и практике предупреждения преступности в зарубежных странах является неслучайным и обусловлено целым рядом причин. Криминологические теории исследования проблем, связанных с преступностью, возникали в странах Запада значительно раньше, чем в России, т. е. еще в первой половине XIX века. Криминология Запада имела более «счастливую» судьбу, чем отечественная, развитие которой было прервано в 30–50-х годах XX века в связи с тем, что существовавший в те годы политический режим власти объявил социалистическое общество антикриминогенным, а преступность – «родимым» пятном капитализма. Это обстоятельство привело к возрождению в конце 50-х годов отечественных криминологических исследований, что стало возможным во многом благодаря развивавшимся в те годы криминологическим теориям в США и странах Западной Европы [Прокументов, Шеслер 1997: 1].

Трудно не согласиться с мнением авторов о необходимости обращения к зарубежному опыту в борьбе с преступностью. В этой связи проведем анализ наиболее интересного и значимого для России опыта, отраженного в зарубежном законодательстве в сфере предупреждения повторных преступлений.

В соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» [Конституция 1993]. Дело в том, что 28 февраля 1996 года Российская Федерация вступила в Совет Европы. 30 марта 1998 года наша страна ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод [Федеральный закон 2023], что подчеркивало ее приверженность к идеалам и принципам гуманизма и демократизма, а также готовность привести отечественное законодательство в соответствие с нормами международного права.

Спустя 26 лет сотрудничества Российской Федерации с Советом Европы в июне 2022 года наша страна официально вышла из его состава, прекратив при этом участие в частичных и расширенных частичных соглашениях Совета Европы [Постановление Правительства РФ 2022]. Однако интерес в рамках проводимого исследования к другим зарубежным странам при анализе их национального законодательства в сфере предупреждения повторной преступности среди осужденных не пропал. По нашему мнению, образованная за десятки лет правовая связь в решении многих важных вопросов, в том числе связанных с нейтрализацией общего зла в лице совершаемых преступлений, невозможно разорвать в одночасье, как и нельзя выстроить эффективную отечественную систему предупреждения повторных преступлений без правовой рефлексии над зарубежным опытом в обозначенной сфере.

Анализируя законодательство различных зарубежных стран, в частности, входящих в Совет Европы, необходимо обратить внимание на то, что многие нормативные правовые акты носят как обязательный, так и рекомендательный характер в их применении на практике. Важная особенность заключается в том, что государства, которые приняли, а затем ратифицировали данные документы, подчеркивают свои интересы в достижении совместных действий и усилий в борьбе с преступностью.

На наш взгляд, разработка и принятие совместных международных нормативно-правовых актов, а также разработка единой или схожей правоприменительной практики в предупреждении повторной преступности – очень важный аспект, позволяющий осуществлять обмен бесценным опытом в борьбе с преступностью между различными зарубежными странами.

Первым нормативным правовым актом, на который хотелось бы обратить внимание, является Европейская конвенция о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями, которая была принята в 1964 году [Европейская конвенция 1964]. Многие европейские страны подписали данный документ, однако Российская Федерация осталась в стороне и не стала подписывать и ратифицировать указанную Конвенцию. Анализ содержания данной Конвенции позволяет сделать вывод о том, что основная цель данного документа – организация надлежащего надзора за поведением лиц, которым назначено судом условное осуждение, а также то, что указанная категория лиц получает социальную реабилитацию от соответствующих государственных органов, для того чтобы осужденные лица максимально благоприятно и эффективно прошли адаптацию и интегрировались в нормальную общественно-социальную жизнь государства, при этом минимизировав вероятность совершения ими повторных преступлений.

Необходимо отметить, что в отечественном законодательстве термин «социальная адаптация» находит свое отражение в статье 24 Федерального закона № 182-ФЗ от 23.06.2016 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [Федеральный закон 2016]. Согласно указанному закону, под социальной адаптацией понимается комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, содействия в реализации их конституционных прав и свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве. Данные меры социальной адаптации применяются к различной категории лиц, в том числе и к тем, кто представляет интерес в рамках нашего исследования.

Однако в отличие от зарубежных стран применение социальной адаптации в России имеет большие проблемы в ее реализации на практике ввиду несовершенства, а в отдельных случаях – и отсутствия социальных институтов, которые бы могли должным образом использовать меры социальной адаптации. Многие исследователи спустя

некоторое время после принятия вышеуказанного закона были вынуждены констатировать неэффективность его реализации на практике [Щербаков 2016: 170-174].

Следующим документом, подвергнутым нашему анализу, являются Рекомендации NR (92) 16 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам «О европейских правилах по общим санкциям и мерах» [Рекомендации 1992], принятые 19 октября 1992 года. Данные рекомендации включают широкий спектр общих вопросов, касающихся как непосредственно исполнения общественных санкций и мер, не связанных с лишением свободы лица, так и управленческого аспекта в плане использования определенных методов работы персонала по созданию условий применения общественных санкций и мер и в дальнейшем осуществления надзора за лицами, которым были назначены те или иные санкции и меры.

В 2000 году тем же Комитетом Министров были разработаны и приняты новые Рекомендации Rec (2000) 22 о совершенствовании применения Европейских правил в отношении общественных правил и мер [Рекомендации 2000]. Указанные Рекомендации закрепляют уточненный список наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В целом, если акцентировать внимание на общих наказаниях, не связанных с реальным лишением свободы, то в большинстве случаев они схожи с наказаниями, применяемыми в действующем отечественном законодательстве. Однако из имеющихся в Рекомендациях мер можно выделить такие, которых нет в российском законе. К ним можно отнести следующие:

- интенсивный надзор за отдельными категориями правонарушителей;
- пробация как самостоятельный вид наказания;
- возмещение ущерба потерпевшему или медиация между потерпевшим и правонарушителем.

На наш взгляд, перечисленные меры при некоторых условиях могли бы быть успешно интегрированы и реализованы в уголовно-исполнительной системе нашего государства.

В 2010 году Комитетом Министров Совета Европы были разработаны и подписаны Правила о пробации (Рекомендации CM/REC (2010)1 [Рекомендации 2010]. Отметим, что данные Правила носят также рекомендательный характер для служб пробации других стран. Главной целью Правил пробации является внедрение примерной модели организационной деятельности службы пробации и иных государственных органов стран Европы, а также рекомендации по поведению сотрудников службы пробации. Перед тем как раскрыть сущность института службы пробации иностранных государств, необходимо дать определение термину «пробация». Он является сугубо юридическим и широко применяется в уголовном праве зарубежных стран, дословно с латинского языка переводится как «испытание». В международной уголовно-исполнительной практике термин используется для обозначения деятельности службы пробации, которая занимается исполнением наказания, назначенного судом, не связанного с реальной изоляцией от общества.

Стоит отметить, что законодательные акты многих зарубежных государств по-своему интерпретируют юридическую природу и содержание пробации, однако правовой анализ данного института свидетельствует о его широком применении.

Одной из ведущих стран англосаксонской правовой системы, которая широко применяет институт пробации, является Великобритания, имеющая на сегодняшний день богатый опыт успешной реализации данного института в уголовно-исполнительной практике. Началом зарождения института пробации в Великобритании по праву можно считать случай, произошедший в 1876 году, когда гражданин Англии, печатник Фредерик Райнер, пожертвовал местному суду 5 шиллингов, чтобы помочь в работе с преступниками-алкоголиками. Двое судей признали проблему, на которую обратил их внимание Райнер: «Правонарушители все время кочевали со скамьи подсудимых в тюрьму и обратно без каких-либо признаков изменения своего поведения. Судьи согласились, что назрела необходимость что-то предпринять. Без каких-либо юридических санкций, не спрашивая одобрения Парламента, они «творчески» подошли к решению проблемы: стали выносить приговоры с отсрочкой на определенное время, в течение которого волонтер мог вмешаться в судьбу правонарушителя и помочь ему прервать порочный круг преступного образа жизни» [Дэйвис, Бернхардт 2012: 113].

По мере развития законодательства Великобритании по направлению работы с осужденными были приняты следующие нормативные акты: Закон «О пробации в отношении правонарушителей» (1907 г.); Правила о пробации (1965 г.); Закон «О полномочиях уголовных судов» (1973 г.); Закон «Об уголовной юстиции» (1991 г.). В настоящее время служба пробации Великобритании – это установленная законом служба уголовного правосудия, которая осуществляет надзор за правонарушителями, находящимися в группе повышенного риска, выпущенными на свободу.

В данных службах пробации насчитывается около 28 000 квалифицированных сотрудников. На сегодня в службах пробации Великобритании внедряются реформы, изложенные в целевой операционной модели [Целевая операционная модель службы пробации Великобритании]. Эти реформы обеспечат более прочную и стабильную систему пробации, которая сократит количество повторных преступлений, окажет поддержку жертвам преступлений и обеспечит безопасность общества, помогая правонарушителям вносить позитивные изменения в свою жизнь [Официальный сайт службы пробации Соединенного Королевства Великобритании].

Эффективность работы службы пробации Великобритании может проследить любой желающий в регулярных отчетах в виде бюллетеня изменений в службе пробации, в котором освещаются последние новости по всем программам изменения портфеля пробации – реформа, трудовые ресурсы, сокращение числа повторных правонарушений и электронный мониторинг [Бюллетень об изменениях в службе пробации Соединенного Королевства Великобритании 2023], что, на наш взгляд, является удобной формой освещения проделанной работы

с осужденными перед гражданами, которым важна общественная безопасность.

Продолжая анализировать опыт зарубежных стран в вопросе применения пробации, следует обратить внимание на ряд европейских государств. Так, богатый опыт в осуществлении деятельности службы пробации имеется в Королевстве Нидерланды. Данная служба входит в органы прокуратуры и занимается тем, что активно контролирует такую категорию лиц, как условно осужденные. Служба пробации в Нидерландах существует уже более 200 лет и отлично себя зарекомендовала как эффективный институт, занимающийся проблемой социализации условно осужденных лиц, исследует поведение личности осужденного, проводит с данной категорией лиц воспитательные работы, а при необходимости осуществляет психологическую коррекцию девиантного поведения осужденного.

В Дании функции пробации возложены на Государственную службу тюрем и надзора, подведомственную Министерству юстиции. В уголовном законодательстве Дании существует такое понятие, как «уголовный надзор». Функции по уголовному надзору за осужденными лицами, которым назначено наказание, не связанное с реальным лишением свободы, выполняет специальная Служба уголовного надзора, которая является структурным подразделением вышеуказанной службы. Стоит отметить, что Служба уголовного надзора состоит из высококвалифицированных специалистов в области социологии, психологии, педагогики, уголовного права и криминологии.

На наш взгляд, наличие специалистов, знающих криминологию, – это необходимый и неотъемлемый критерий предупреждения повторных преступлений, совершаемых лицами, за которыми надзирает указанная служба. В Дании службе пробации в их деятельности активно оказывают помощь волонтеры, в качестве которых, как правило, выступают студенты местных учебных заведений. Волонтер не связан трудовыми отношениями со службой пробации, однако выполняет такую же работу, что и инспектор, только в отношении меньшего числа осужденных лиц. В большинстве случаев волонтер получает заработную плату, покрывающую только его фактические расходы. Кроме функций надзора волонтеры также готовят исследовательские доклады личности осужденного в суд, которые направляются туда после того, как их завизирует инспектор службы пробации [Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации 2005: 181-197].

Не менее интересной является служба пробации Норвегии, образованная еще в середине XIX столетия, как самостоятельная служба оказания помощи осужденным и их семьям. По мере своего развития служба наделялась различным спектром функций, среди которых – «интеграция» осужденных в общество. В 80-е годы XX века служба стала неотъемлемой частью УИС Норвегии, а еще спустя два десятка лет, после принятия в 2002 году нового уголовно-исполнительного законодательства, вошла в состав региональных управлений Национальной службы исполнения наказаний.

Примечательно, что служба исполнения наказаний Норвегии состоит из трех уровней: Центральное управление в лице Федеральной службы исполнения наказаний, шести региональных администраций, в которые, собственно, и входят службы пробации, а также тюрьмы и уголовно-исполнительные инспекции. В организационно-управленческом плане УИС Норвегии очень схожа с УИС России, с одной лишь разницей, что существующие в Норвегии службы пробации исполняют наказания, в том числе и довольно специфичные, не свойственные отечественным УИИ, например:

– общественное наказание (назначается вместо заключения в тюрьму в случае, если возможный тюремный срок не превышает 1 года);

– программы для нетрезвых водителей.

Заслуживает внимания опыт реализации программ для нетрезвых водителей с целью предупреждения совершения осужденными преступлений, при этом находящимся за рулем транспортного средства в состоянии опьянения, так как данная проблема очень актуальна для российских реалий. Основной целью, которую преследует служба пробации Норвегии при реализации данной программы, является оказание помощи в осознании своего поведения и его последствий, а также предупреждение подобных действий в будущем. Программа рассчитана на 10 месяцев и включает в себя индивидуальные беседы, групповые занятия, лечение и контрольные мероприятия. Решение о включении в данную программу основывается на субсидиарном приговоре суда. Кроме того, служба пробации Норвегии широко использует в отношении осужденных следующие реабилитационные программы: «Альтернатива насилию», «Беседы об опьяняющих веществах», «Управляй своим гневом». Каждая из них реализуется с участием высококвалифицированных специалистов из разных областей знаний, обладающих богатым практическим опытом реабилитации таких лиц [Гримстад 2011: 13-19].

На наш взгляд, для России было бы актуальным рассмотрение опыта Норвегии в вопросе реализации на практике различных социальных программ, направленных на борьбу с пьяными водителями, так как количество лиц, совершивших повторное преступление в состоянии алкогольного опьянения, в нашей стране имеет очень большие показатели.

Интересный опыт использования пробации переживала Япония. Здесь пробация активно начала применяться в отношении осужденных еще в 70-х годах прошлого века. В силу культурной самобытности данной страны в пенитенциарной системе Японии очень широко и действенно применялся метод «найкан». Данный метод был направлен на коррекцию поведения осужденного через рефлексию совершенного осужденным преступления и самопознание. Применение метода «найкан» было абсолютно оправданным для Японии, где граждане с детства воспитывались в духе буддизма и синтоизма, главной ценностью которых является создание гармонии между человеком и внешним миром без насилия. Японцы верят, что если в отношении преступника использовать данный

метод, то человек может понять смысл жизни и встать на путь исправления [Иншаков 2003: 279-280]. Современный институт пробации Японии, дошедший до наших дней, имеет систему «защитного надзора», который применяется в отношении несовершеннолетних преступников, женщин, оказывающих интимные услуги, и лиц, условно-досрочно освобожденных. Указанной категории лиц может быть установлен надзор сроком от 1 года до 5 лет. Отличительной чертой пробации Японии является то, что в реализации ее деятельности активно принимает участие большое количество волонтеров, которые помогают действующим сотрудникам служб пробации в выполнении их служебных обязанностей по предупреждению совершения осужденными повторных преступлений [Уэда 1989: 154]. Как правило, в качестве волонтеров выступают студенты различных учебных заведений. На наш взгляд, если экстраполировать опыт Японии на сегодняшние реалии России, то для оказания помощи УИИ в вопросе предупреждения повторных преступлений среди осужденных и более пристального контроля за ними возможно привлекать существующих народных дружинников, наделив их необходимым набором полномочий в указанной сфере.

Очевидно, что в рамках нашего исследования невозможно проанализировать все зарубежное законодательство в области предупреждения повторных преступлений среди осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества, а также рассмотреть деятельность всех существующих служб пробации, относящихся к разным зарубежным странам, но даже на примере ранее рассмотренных нами государств можно сделать вывод о том, что зарекомендованная годами эффективность их деятельности не только имеет практическую значимость для уголовно-исполнительных систем этих стран, но и может быть полезна и нашему государству.

Однако любой процесс внедрения в российское законодательство зарубежного опыта необходимо производить крайне рассудительно и избирательно, ведь не все успешно используемое и работающее за рубежом можно безрассудно применить в нашем государстве, которое имеет свою уникальную и многовековую историю развития со своим общественным менталитетом и самобытной правовой культурой.

Литература

Бюллетень об изменениях в службе пробации Соединенного Королевства Великобритании. Выпуск 16, февраль 2023 года. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/strengthening-probation-building-confidence-monthly-bulletin/probation-service-change-bulletin-issue-16-february-2023>

Гримстад Н. Обзорная информация о службе пробации Норвегии / Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы-2011: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 06-07 октября 2011 года. Том 1. Воронеж, 2011. С. 13-19.

Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 года (Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ). / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Дэйвис К., Бернхардт Э. Работа с правонарушителями в обществе / сост. Общественная правозащитная организация «Гражданский контроль». СПб., 2012.

Европейская конвенция о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями (ETS № 51). (Заключена в г. Страсбурге 30.11.1964). Документ вступил в силу 22 августа 1975 года. Россия не участвует / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Иншаков С. М. Зарубежная криминология: учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М., 2003.

Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), а также с изменениями, принятыми в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (опубликовано 6 октября 2022 г., № 0001202210060013).

Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). Серия «Права человека». СПб., 2005. С. 181-197.

Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ: принят Гос. Думой 10 июня 2016 / Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ст. 3851.

О Европейских правилах по общим санкциям и мерам: Рекомендация № R (92) 16 Комитета министров Совета Европы от 19.10.1992 / Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998 / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О Европейских правилах пробации. Рекомендация N Rec (2010)1. Комитета министров Совета Европы. (Принята 20.01.2010 на 1075-м заседании заместителей министров) / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О повышении эффективности применения Европейских пенитенциарных правил при общественных санкциях и мерах: Рекомендация Rec (2000) 22 Комитета Министров Совета Европы (принята 29.11.2000 на 731-ой встрече постоянных представителей министров). URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016804e8c38>.

О прекращении участия Российской Федерации в частичных и расширенных частичных соглашениях Совета Европы: Постановление Правительства РФ от 28.06.2022 № 1155 / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Официальный сайт службы пробации Соединенного Королевства Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/probation-service/about>

Прокументов Л.В., Шеслер А.В. Криминология в США и странах Западной Европы: учебное пособие. Томск, 1997.

Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989.

Целевая операционная модель службы пробации Великобритании (Англия и Уэльс). URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1061048/MOJ7350_HMPPS_Probation_Reform_Programme_TOM_Accessible_English.pdf

Щербаков А. Д. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: критическая заметка / Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 11. С. 170-174.

References

About European probation rules. Recommendation N Rec (2010)1. Committee of Ministers of the Council of Europe [Electronic resource]. (Adopted on January 20, 2010 at the 1075th meeting of deputy ministers). Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (in Russian).

Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020), as well as with amendments adopted in accordance with the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated October 4, 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ. Official Internet portal of legal information. Available from: www.pravo.gov.ru (published October 6, 2022, No. 0001202210060013) (in Russian).

Davis, K., Bernhardt, E. (2012). Working with offenders in society / comp. Public human rights organization «Civil Control». St. Petersburg (in Russian).

European Convention on the Supervision of Probationally Sentenced or Conditionally Released Offenders (ETS No. 51). (Concluded in Strasbourg on November 30, 1964). The document came into force on August 22, 1975. Russia does not participate. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (in Russian).

Grimstad, N. (2011). Review information about the Norwegian probation service. Technology and safety of objects of the penal system - 2011: collection of materials of the International scientific and practical conference, Voronezh, October 06-07, 2011. Volume 1. Voronezh, 13-19 (in Russian).

Inshakov, S. M. (2003). Foreign criminology: textbook. manual for universities. 2nd ed. Moscow (in Russian).

Newsletter on changes to the United Kingdom Probation Service. Issue 16, February 2023. Available from: <https://www.gov.uk/government/publications/strengthening-probation-building-confidence-monthly-bulletin/probation-service-change-bulletin-issue-16-february-2023> (in Russian).

On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation: Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ: adopted by the State. Duma June 10, 2016. Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. No. 26. Art. 3851 (in Russian).

On the European rules on general sanctions and measures: Recommendation No. R (92) 16 of the Committee of Ministers of the Council of Europe dated 10/19/1992. Collection of documents of the Council of Europe in the field of protecting human rights and combating crime. Moscow, 1998. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (in Russian).

On increasing the effectiveness of the application of the European Penal Rules in public sanctions and measures: Recommendation Rec (2000) 22 of the Committee of Ministers of the Council of Europe (adopted on 29.11.2000 at the 731st meeting of the permanent representatives of ministers). Available from: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016804e8c38> (in Russian).

Official website of the United Kingdom Probation Service. Available from: <https://www.gov.uk/government/organisations/probation-service/about>

On the termination of the participation of the Russian Federation in partial and extended partial agreements of the Council of Europe: Decree of the Government of the Russian Federation of June 28, 2022 No. 1155. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (in Russian).

Prozumentov, L.V., Shesler, A. V. (1997). Criminology in the USA and Western Europe: a textbook. Tomsk (in Russian).

Review of the legislation of the Scandinavian and Baltic countries on the probation service (criminal supervision). Series "Human Rights". St. Petersburg, 2005, 181-197 (in Russian).

Shcherbakov, A. D. (2016) Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ «On the fundamentals of the crime prevention system in the Russian Federation»: a critical note. Socio-economic phenomena and processes, 11, 11, 170-174 (in Russian)

Target operating model for the UK probation service (England and Wales). Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1061048/MOJ7350_HMPPS_Probation_Reform_Programme_TOM_Accessible_English.pdf (in Russian).

The document ceased to apply to Russia on March 16, 2022 (Federal Law No. 43-FZ dated February 28, 2023). Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (in Russian).

Ueda, K. (1989). Crime and criminology in modern Japan. Moscow (in Russian).

Citation:

Дорожинский А.А. Сравнительно-правовые аспекты зарубежного законодательства по предупреждению повторных преступлений среди осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 50-56.

Dorozhinsky A.A. (2023) Comparative Legal Aspects of Foreign Legislation against Return to Crime among Convicts Serving Sentences without Isolation from Society. *Legal Linguistics*, 30, 50-56.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Риторические приемы усиления доверия аудитории к оратору (на примере речей судебных прений с участием присяжных)

С. В. Оленев¹, В. А. Лунгрин²

¹Северо-Восточный нефтяной университет

ул. Сюефу, 99, 163318, Дацин, Кумай. E-mail: olenestan@yandex.ru

²Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: nika.lungrin@gmail.com

В статье рассмотрено доверие как коммуникативная категория, описывающая отношения между оратором и аудиторией, а также исследованы приемы усиления доверия аудитории к оратору, используемые судебными ораторами при выступлении перед присяжными заседателями. Авторы исходят из идеи о том, что наличие/отсутствие доверия (как однонаправленного, так и взаимного) между оратором и аудиторией является одним из факторов эффективности речевого воздействия, оказываемого на аудиторию. Обсуждение роли доверия в коммуникации опирается на классическую риторику и на идеи современных гуманитарных наук: правоведения, политологии, социальной психологии, социологии, психологии межличностного общения, экономики, медиалингвистики. В результате анализа классических и современных речей в суде присяжных предложена система из шести риторических приемов, усиливающих доверие аудитории к оратору: 1) демонстрация уверенности в себе и в своей позиции, вербализация отсутствия сомнений, наличия четкой позиции, решимости и твердости действий; 2) демонстрация компетентности, высокого уровня знаний и профессионализма; 3) демонстрация уважительного отношения к присяжным, акцент на значимости их роли в судебном процессе, в том числе при помощи похвалы и комплиментов; 4) демонстрация заинтересованности в исходе дела, в судьбе участников судебного заседания, в том числе при помощи выражения неравнодушия и сострадания к потерпевшей стороне; 5) вербализация чувства ответственности за развитие общества, размышление о том, как содеянное отразится на будущем социума; 6) обращение к этическим и/или религиозным ценностям, представлениям и императивам.

Ключевые слова: судебная риторика, риторические приемы, речевое воздействие, доверие, суд присяжных.

Rhetorical Techniques to Increase Audience Confidence in the Speaker (Based on the Speeches of the Pleadings in Jury Trial)

S. V. Olenev¹, V. A. Lungrin²

¹Northeast Petroleum University

99 Xuefu St., Daqing, China. E-mail: olenestan@yandex.ru

²Kemerovo State University

6 Krasnaya St., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: nika.lungrin@gmail.com

The research has examined trust as a communicative category describing the relationship between the speaker and the audience, and explored techniques to enhance audience confidence in the speaker used by court speakers when speaking to jurors. The authors proceed from the idea that the presence/absence of trust (both unidirectional and mutual) between the speaker and the audience is one of the factors in the effectiveness of the speech impact exerted on the audience. The discussion of the role of trust in communication relies on classical rhetoric and on the ideas of modern humanities: law, political science, social psychology, sociology, psychology of interpersonal communication, economics, media linguistics. As a result of the analysis of classical and modern speeches in the jury court, a system of six rhetorical techniques was proposed to strengthen the audience's confidence in the speaker: 1) demonstration of self-confidence and position, verbalization of lack of doubt, presence of a clear position, determination and firmness of action; 2) demonstration of competence, high level of knowledge and professionalism; 3) demonstration of respect for the jury, emphasis on the significance of their role in the

trial, including through praise and compliments; 4) demonstration of interest for the outcome of the case, for the fate of the participants in the court session, including demonstration of sympathy and compassion for the plaintiff; 5) verbalization of a sense of responsibility for the development of society, reflection on how the deed will affect the future of society; 6) appeal to ethical and/or religious values, ideas and imperatives.

Key words: judicial rhetoric, rhetorical techniques, speech influence, trust, jury trial.

Вопрос взаимосвязи языка и сознания традиционно является одним из ключевых при разработке проблем, лежащих в сфере пересечения интересов философии, психологии и лингвистики. О связи речи и сознания говорил еще В. фон Гумбольдт, одним из первых обосновавший психо-социальную основу существования, функционирования и развития языка. Согласно В. фон Гумбольдту, «сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 2000: 128]. При этом человек способен не только создавать мысль и воспроизводить ее посредством речи, используя язык, но и наоборот: сознание способно принимать идеологические формы, выраженные словом, которое в свою очередь способно обеспечивать достижение различных идеологических целей: религиозной, эстетической, научной [Волошинов 1930: 15].

Согласно современным представлениям психолингвистики и нейролингвистики, процесс понимания речи «состоит из этапа восприятия готовой системы языковых кодов, имеющих определенное фонематическое, лексико-морфологическое и логико-грамматическое строение, этапа расшифровки этих кодов, этапа понимания общей мысли высказывания и, наконец, выделения основного подтекста, или смысла, который лежит за развернутым речевым сообщением» [Лурия 1979: 166]. Таким образом, адресант сообщения способен управлять процессом понимания адресата посредством выбора тех или иных знаков. Другими словами, языковые выражения адресанта, при условии, что слушающий корректно интерпретировал полученную языковую форму, способны влиять на восприятие и впечатление адресата, его психическое переживание и формирование новых структур сознания или трансформацию уже существующих. Кроме того, партнер по коммуникации распознает языковые знаки, использованные адресантом в ходе взаимодействия, что порождает ответную реакцию: положительное, отрицательное, нейтральное отношение, согласие или несогласие, отвержение или одобрение предлагаемых идей, присоединение, сочувствие или отвращение.

Теме взаимосвязи языка и сознания посвящены работы многих лингвистов и психологов. Так, в диссертации [Портнов 1998] рассмотрены различные аспекты проблемы взаимоотношения языка и сознания в отечественной философской литературе; в диссертации [Любимова 2006] проанализировано воздействие средств массовой информации на общественное сознание, прагматическое использование и модифицирование языка как инструмента социального влияния; в монографии [Шелестюк 2014] обсуждается онтологическая природа речевого воздействия и многочисленные факторы его функционирования. Также в связи с проблематикой доверия и речевого воздействия важно отметить работы [Стернин 2001; Лобанова 2010; Власова 2013; Копнина 2017] и др.

Одним из факторов эффективности речевого воздействия, оказываемого на аудиторию, является наличие/отсутствие доверия (как однонаправленного, так и взаимного) между оратором и аудиторией. Значимость доверия как элемента коммуникативного процесса осознают и современные исследователи коммуникации, в том числе и в юридической сфере (см. об этом далее).

Исходя из сказанного, можно заключить, что актуальность предпринятого исследования обусловлена вниманием современной коммуникативной лингвистики и, в частности, риторики, к феномену доверия между коммуникантами и необходимостью изучения речевых и невербальных средств формирования доверия. Эмпирические данные, полученные в ходе исследования, позволяют составить методические рекомендации для современных судебных ораторов. Научная новизна и практическая ценность работы связаны с развитием суда присяжных (ораторы сталкиваются с проблемой публичных выступлений особого рода, нацеленных на непрофессиональную аудиторию присяжных заседателей) и заключаются в рассмотрении классических и современных судебных речей сквозь призму коммуникативной категории доверия, рассматриваемой в качестве одной из значимых доминант речемыслительной деятельности судебного оратора.

Объектом исследования являются судебные речи ораторов XIX и XX веков, произнесенные в суде присяжных; предметом – риторические приемы речевого воздействия, позволяющие оратору вызвать и усилить доверие аудитории к своей личности. Цель исследования – выявить, описать и оценить приемы речевого воздействия, ориентированные на усиление доверия аудитории к оратору. Материалом послужили шесть речей судебных ораторов, собранные методом случайной выборки.

Доверие как коммуникативная категория

Формирование отношения аудитории к личности оратора напрямую зависит от его вербального и невербального поведения. Речевая деятельность судебного ратора позволяет влиять на сознание коллегии присяжных заседателей: настраивать слушателей на восприятие информации, склонять на свою сторону, вызывать доверие к своей личности. Все это помогает воздействовать на уровень убежденности аудитории.

Доверие к оратору играет очень важную роль в процессе коммуникации, поскольку именно оно, по сути, лежит в основе активного формирования убеждений аудитории: «Наличие доверия обеспечивает не только эффективность

общения, но и превращает безличный акт коммуникации в субъект-субъектное отношение, раскрывающее природу общения как социо-культурной коммуникации» [Овчарова 2015: 27].

В современном словаре значение слова «доверие» толкуется следующим образом: «**ДОВЕРИЕ**, -я; *ср. (чье)* Отношение к кому-л., основанное на убежденности в его честности, добросовестности. *Заслужить д. Завоевать д. Питать д. Оказать д. Терять д. Лишить доверия. Не внушать доверия. Пользоваться полным доверием. Войти (вкрасться, втереться) к кому-л. в доверие* (хитростью заслужить такое отношение). \diamond Выразить доверие (правительству, кабинету и т. п.). *Офиц.* Одобрить деятельность правительства, кабинета и т. п.» [Большой толковый словарь... 2000: 265]. Даже словарное определение позволяет понять, что для успешной коммуникации оратору необходимо зарекомендовать себя человеком компетентным, ответственным, добросовестным и честным, что позволит вызвать доверие к своей личности.

П. Штомпка выделяет следующие уровни доверия: реляционный, психологический, культурный [Штомпка 2012: 38]. «В первом случае оказание доверия базируется на оценке информации о том, в какой мере участники отношения заслуживают доверия (эпистемологическая основа). В то же время это психологическое качество, и корни доверчивости/подозрительности индивида следует искать в личном опыте, связанном с социализацией, предыдущими отношениями в семье и в различных группах. Здесь основу доверия составляет индивидуальная, биографическая генеалогия. Третий, культурный уровень, также подразумевает генеалогическую основу, но уже другого масштаба – коллективный, исторический опыт общества» [Фреик 2002: 35].

«Коммуникативная сущность доверия может послужить основанием его изучения во всех сферах жизнедеятельности и областях научного знания» [Шилина, Вартанов 2019: 21], поэтому доверие рассматривается в качестве основы как межличностных, так и институциональных отношений; оно изучается применительно к задачам различных сфер человеческой деятельности и коммуникации: политики [Морозов, Черницына 2014], СМИ [Симонов 2021], экономики [Шилина, Вартанов 2019], юриспруденции [Репьев 2022], социальной психологии [Гуриева Борисова, 2014], психологии межличностных отношений [Синельникова 2010] и т. д. «В каждом из научных направлений предпринимаются многочисленные попытки найти механизм формирования и трансформации доверительных отношений в обществе, поиск инструментов, способных оказывать значимое влияние на поддержание доверия» [Гуриева, Борисова 2014: 127].

В. Ю. Столяр справедливо отмечает: «Доверие – это универсалия социальных отношений и поведения, императив современного социокультурного существования. Оно задается ценностными ориентациями к синергии культур, глобализации, диалогу, сотрудничеству. В классической социологии доверию отводится роль предпосылки социального порядка и его основы» [Столяр 2008: 177].

На основополагающую роль доверия в работе государственно-правовых институтов и, шире, в реализации любых правоотношений указывает А. Г. Репьев. При этом доверие, рассматриваемое в качестве значимого элемента или фактора государственно-правовой системы общества, следует понимать как «убежденность в исполнении возлагаемых на кого-либо ожиданий» [Репьев 2022: 17]. Субъектом доверия в данном случае выступают граждане, проживающие на территории государства, которое является, в свою очередь, объектом доверительных отношений, формируемых во многом через СМИ. Именно эта сфера является одним из средств передачи информации: с помощью печатных изданий, радио, телевидения и иных медиа общество получает сообщения о переменах, событиях и т. д. Однако неизбежно возникает и проблема доверия/недоверия общества к СМИ, которая отражена в использовании понятий «медиадоверие», «медиадоверность», «доверие СМИ» [Касюк 2022: 134]. Данная проблема исследуется в рамках медиапсихологии, изучающей субъектные и объектные ипостаси личности как участника массовой коммуникации. С позиции медиапсихологии, доверие – это «особая этическая категория со свойственными ей аксиологическими аспектами» [Симонов 2021: 182].

В общей психологии «доверие» понимается как базисное чувство, определяющее развитие отношений к себе и другим в будущем [Эриксон 1996], при этом специфические отрасли психологии направлены на изучение доверия в рамках узкоспециализированного предмета исследования. Так, в педагогической психологии доверие рассматривается «как инструмент воспитания и важное качество личности педагога» [Гуриева 2014: 129]; в экзистенциально-гуманистической психологии – как основа самораскрытия и самосознания, предполагающего доверие к себе.

При рассмотрении феномена доверия отдельный интерес представляет сфера политики и, соответственно, политологический подход к доверию. «В политологической теории категорию доверия анализируют, основываясь на институциональном, политико-культурном подходе» [Шилина, Вартанов 2019: 22]. С точки зрения политологии, «доверие – это уверенность большей или, по крайней мере, значительной части общества в добросовестности, порядочности, искренности политиков, правильности проводимой ими политики» [Касюк 2022: 136]. Несомненно, что основой названной уверенности выступают не только поступки политических субъектов, как индивидуальных, так и коллективных (например, партий, общественных объединений и т. д.), но и речевые средства создания образа того или иного политика или политической партии.

Особую значимость при исследовании сущности и способов формирования доверия в коммуникации имеет риторика как, пожалуй, наиболее древняя из наук, проявляющих интерес к феномену доверия. Риторика закономерно рассматривает доверие в качестве значимой психологической предпосылки речевого воздействия, в частности, убеждения. О важности доверия к оратору достаточно подробно писал еще Аристотель, указывая, что доверие или недоверие к оратору обусловлено его характером и поведением, а также его эмоциональным воздействием в конкретной ситуации речевого воздействия (здесь и сейчас), особенно если аудитория не имеет

представления о репутации оратора – его поступках, предшествующих высказываниях и складе характера. Г. И. Рузавин указывает, что в современном мире с его новыми средствами передачи информации ситуация усложняется: «Хотя оратор, писатель, публицист, политик или иной источник информации могут совершенствовать свои сообщения, более тщательно обосновать и подтвердить свои выводы, чтобы лучше убедить аудиторию, тем не менее право последней оценки остается за аудиторией. Это вполне согласуется с аристотелевским подходом к пониманию доверия, которое основано на том, что говорит и как поступает человек в данной конкретной ситуации» [Рузавин 1997: 150].

Проведенный С. Касталдо метаанализ десятков научных определений доверия позволил выявить концептуальное ядро этого понятия и значимые признаки ситуации, для описания которой актуально использование категории доверия: «во-первых, доверие непосредственным образом связано с ожиданиями, убеждениями, волеизъявлением или установкой; во-вторых, доверие проявляется по отношению к разным объектам; таковыми могут выступать другие индивиды, группы, организации, социальные институты; в-третьих, доверие часто определяется через действие или поведение, тем самым подчеркивается деятельностный аспект доверия, а именно действие субъекта как способа проявления доверия; в-четвертых, определение доверия включают результаты и следствия оказания доверия; предполагается, что действия контрагента могут быть предсказаны и позитивно оценены субъектом доверия; в-пятых, толкование доверия включает рискованность ситуации принятия решения» [Леонова 2015: 34].

Таким образом, в любой сфере коммуникации субъектом доверительных отношений выступает человек, доверяющий объекту, которым может являться как отдельное лицо – доверяемый, так и целая сфера общения со специфическим набором коммуникативных целей и средств их достижения: политика, СМИ, реклама, менеджмент, религия и т. д.

П. Штомпка полагает, что доверие возникает в процессе коммуникации за счет сходства между адресантом и адресатом: общие взгляды и интересы позволяют коммуникантам видеть надежность в другом, так как «мы охотнее доверяем похожим на нас и совершенно не доверяем отличающимся от нас, особенно тогда, когда существующие о них мнения отличаются от нашего» [Штомпка 2012: 254].

«Доверие является движущей силой любой коммуникации. Поэтому первоочередная задача коммуникатора заключается в завоевании доверия. Без создания доверия у аудитории коммуникация не может быть эффективной» [Касюк 2022: 135]. Несомненно, что и в юридической коммуникации доверие к судебному оратору является важным фактором убедительности речи, который формируется в ходе декодирования информации адресантом, т. е. присяжными заседателями или судебной коллегией. Поэтому обвинитель и адвокат соблюдают ряд правил, позволяющих оптимизировать данный компонент коммуникативной ситуации.

Аристотель о правилах составления судебной речи писал так: «Судебное дело есть также решение, – в виду этого необходимо не только заботиться о том, чтобы речь была доказательной и возбуждающей доверие, но также и показать себя человеком известного склада и настроить известным образом судью, потому что для убедительности речи весьма важно (особенно в речах совещательных, а затем и в судебных), чтобы оратор показался человеком известного склада и чтобы [слушатели] поняли, что он к ним относится известным образом, а также, чтобы и они были к нему расположены известным образом» [Аристотель 1978: 103]. Отсутствие доверия к судебному оратору приводит, по меньшей мере, к снижению внимания со стороны аудитории: слушатели перестают воспринимать речь, когда относятся к оппоненту с осторожностью или с предубеждением. Убедить такую аудиторию крайне сложно, и, какие бы весомые аргументы не приводил оратор, для аудитории они не будут авторитетны.

Таким образом, судебному оратору необходимо завоевать доверие присяжных заседателей. Основой для этого может стать соблюдение правил, сформулированных в прикладных пособиях по эффективной речевой коммуникации: «1. Продемонстрируйте уровень своей подготовки. Как выступающий с информационной речью, вы должны хорошо владеть информацией по теме и излагать ее внятно, без запинок и неточностей. 2. Дайте слушателям почувствовать свою заинтересованность в их благополучии. Вы должны показать людям, что вы заботитесь о них. 3. Говорите с энтузиазмом. Ваше выступление должно отражать ваш собственный интерес к предмету, о котором вы рассказываете» [Вердербер, Вердербер 2003: 273]. Речь судебного оратора – это практически единственное средство воздействия на сознание аудитории, а значит, целесообразно подобранные речевые приемы позволят адвокату и прокурору добиться поставленной цели воздействия.

Риторические приемы, вызывающие доверие

Анализ шести речей судебных ораторов разных исторических эпох позволил выявить риторические приемы, используемые ораторами и позволяющие вызвать доверие присяжных.

Например, А. Ф. Кони в начале известной речи по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем демонстрирует свою позицию и стремится найти союзников в лице присяжных, называя их судьями, тем самым показывая свое доверие, а также делая акцент на значимости коллегии: «Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду, но не ошибусь также, прибавив, что это не должно останавливать вас, судей, в строго беспристрастном и особенно внимательном отношении к каждой подробности в нем» [Риторика 2002: 295]. Повышение статуса присяжных позволяет оратору проявить уважение к аудитории и вызвать ответное одобрительное отношение слушающих к своей личности, тем самым найти союзников в лице коллегии, поскольку положительно настроенная аудитория склонна доверять оратору. Прием похвалы, акцент на значимости коллегии присяжных, а также проявление доверия со стороны оратора позволят создать ответный положительный настрой аудитории в отношении говорящего.

Далее А. Ф. Кони демонстрирует собственную убежденность в представленных доказательствах: *«Итак, относительно того, что показания Суриной дано без принуждения, не может быть сомнения»* [Риторика 2002: 297]. Такая уверенность оратора позволяет вызвать доверие аудитории к показаниям главного свидетеля обвинения за счет активной трансляции уверенности: *«не может быть сомнения»*. Проявление уверенности в своих убеждениях внушает доверие аудитории: непрофессиональные слушатели легче согласятся с профессионалом, если он не показывает сомнений в собственной позиции.

В обвинительной речи по делу об убийстве Рыжова А. Ф. Кони вызывает доверие к себе, показывая аудитории, что уверен в своей точке зрения, и появление обстоятельств, которые могли бы вызвать сомнения в виновности Шляхина, не играет существенной роли и не изменит исхода дела: *«Таким путем по каждому делу возникают около настоящих, первичных его обстоятельств побочные обстоятельства, так сказать, наслоения, которыми иногда заслоняются простые и ясные его очертания»* [Кони 2022: 344]. Подчеркивая типичность ситуации, оратор показывает аудитории, что хорошо разбирается в своей деятельности и имеет большой профессиональный опыт, что, безусловно, формирует доверительное отношение слушателей к личности прокурора, поскольку аудитория легче доверится профессионалу, чья компетенция не вызывает сомнений.

Прием обращения к судьбам участников процесса демонстрирует заинтересованность обвинителя в вынесении безошибочного приговора и достижении справедливости: *«Я предвижу то время, когда несчастные, осиротевшие дети Рыжова подрастут, когда их безвременное сиротство скажется на них особенно тяжело, когда не будет отца, который мог бы руководить и воспитывать их, а будет лишь слабая, больная и убитая горем мать; тогда они пожелают подробно узнать, что случилось с их отцом, и им скажут, что он пал от руки человека, которому делал добро, что он пал, защищая честь и счастье чужой дочери»* [Кони 2022: 345]. Здесь оратор говорит о детях потерпевшего, заглядывая в будущее и обрисовывая последствия деяний подсудимого. Такая социальная проблема влияет на сознание не только женщин, но и мужчин. Позиция обвинителя, демонстрирующая равнодушие в отношении социума, вызывает доверие к оратору, преподнося его как человека морального и ответственного. Присяжные заседатели, являясь непрофессиональной аудиторией, рассматривают преступление с точки зрения здравого смысла и нравственности, а не права, поэтому социальный аспект преступления имеет ведущий характер в оценке присяжных.

Обвинитель М. Ф. Громницкий по делу об убийстве Попова и Нордман не случайно называет историю подсудимого выдуманной и фантастической. Таким способом он выражает свою точку зрения благодаря оценке слов подсудимого, чем стремится вызвать у аудитории недоверие к личности обвиняемого, а также к тем показаниям, которые тот приводит в свое оправдание (*«Не подлежит сомнению, что он вынужден к этому показанию силой собранных против него улик»* [Ивакина 2007: 158]). Такое уверенное выражение позиции обвинения позволяет прокурору вызвать доверие присяжных к своей личности и обрести в их лице союзников.

П. Н. Обнинский в обвинительной речи по делу Качки старается вызвать доверие к своей личности, обращаясь к справедливости: *«Я ищу только справедливости и только с этой целью ставлю себе вопрос»* [Ивакина 2007: 187], что показывает чувство ответственности оратора за интересы общества.

Адвокат П. А. Александров в знаменитой речи в защиту Веры Засулич вызывает доверие аудитории к своим словам за счет отождествления с подзащитной: *«Я говорю ее мыслями, я говорю почти ее словами»* [Ивакина 2007: 149]. Так адвокат демонстрирует свою честность перед аудиторией.

Вступление в обвинительной речи по делу Н. А. Кулаева выполняет функцию формирования доверия к позиции говорящего. Здесь прокурор стремится найти союзников в лице присяжных. Он характеризует случившееся в Беслане, нацеливая слушателей на принятие позиции обвинения, и обращает внимание на тот факт, что религиозная и национальная составляющая не имеют значения для данного дела: *«Глубоко заблуждаются те, кто в данном судебном процессе увидел элементы преследования по политическим, религиозным или национальным мотивам. Судят не за убеждения, а за конкретные уголовно-наказуемые деяния, доказанные в ходе следствия и нашедшие свое подтверждение в судебном заседании по данному делу»* [Риторика 2006: 285]. Этот акцент показывает аудитории, что действия подсудимого оцениваются стороной обвинения объективно, что вызывает доверие к риторике со стороны адресата.

В. В. Панфилов также обращается к теме Бога в речи в защиту С. по делу о наркотиках, указывая на ответственность, которая ложится на плечи присяжных: *«В каждой религии говорится, что власть на земле, она от Бога. Одна из ветвей такой власти – власть судебная. И частичка этой божественной власти, предоставляющей право судить, сегодня в каждом из Вас! Это большая честь, высокое доверие и огромная ответственность!»* [Крапивкина 2019: 62]. Адвокат не случайно затрагивает тему религии, ведь многие люди являются верующими и относятся к преступлению как к ошибке, а не как к преступлению закона. Такой прием позволяет оратору вызвать доверие аудитории.

Заключение

Таким образом, человеческое сознание способно формировать мысли, передавать их адресату и, наоборот, получать информацию путем декодирования знаков, как вербальных, так и невербальных. Получая информацию, сознание адресата анализирует, оценивает ее, формирует ответ. Чтобы слушатель принял то или иное решение, оратору необходимо осуществлять выбор знаков, исходя из собственных целей. Так, адвокаты и прокуроры склоняют

коллегию присяжных заседателей на свою сторону, вызывая у них доверие к своей личности посредством специальных риторических приемов.

В ходе исследования удалось выявить ряд приемов, позволяющих судебным ораторам вызывать доверие коллегии присяжных к себе:

1. Демонстрация уверенности в себе и в своей позиции, а также вербализация отсутствия сомнений, наличия четкой позиции, решимости и твердости действий располагают аудиторию к оратору. Неуверенная в себе личность не сможет привлечь внимание, даже если говорит о важных вещах. С таким оратором не захотят согласиться. Если в ходе судебного заседания обнаруживаются новые обстоятельства дела, то обвинитель или адвокат должны иметь смелость, чтобы изменить свою позицию и, возможно, признать поражение. Такое поведение вызовет уважение аудитории, что скажется на дальнейшей профессиональной деятельности оратора.

2. Демонстрация компетентности. непрофессиональная аудитория больше доверяет человеку, который демонстрирует высокий уровень знаний и профессионализм. Из этого следует, что оратору необходимо не только тщательно готовиться к выступлению, но и делать очевидным собственный профессионализм.

3. Демонстрация уважительного отношения к присяжным, акцент на значимости их роли в судебном процессе. При этом немалую роль в завоевании доверия играют похвала и комплименты, провоцирующие «зеркальное» поведение: именно они формируют положительное отношение к оратору.

4. Демонстрация заинтересованности в исходе дела, в судьбе участников судебного заседания. Оратор, показывающий небезразличие к участникам дела, проявляющий неравнодушие и сострадание к потерпевшему, способен зарекомендовать себя ответственным человеком, достойным доверия.

5. Вербализация чувства ответственности за развитие общества. Помимо судеб участников судебного разбирательства общество часто волнует социально-бытовая сторона преступления: как содеянное отразится на будущем социума. Заинтересованный оратор вызывает одобрение коллегии присяжных, такому представителю власти слушатели доверяют.

6. Обращение к этическим и/или религиозным ценностям, представлениям и императивам, актуальным в связи с рассмотрением того или иного дела.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что повышение уровня доверия аудитории, осуществляемое с помощью специальных риторических приемов, увеличивает шансы на убеждение коллегии присяжных в отстаиваемой позиции.

Литература

Аристотель. Риторика / пер. с др.-гр. Н. Платоновой. М., 1978.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.

Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. СПб., 2003.

Власова И. В. Коммуникация в современных исследованиях: конфликт, доверие, безопасное взаимодействие / Информационная – коммуникация – общество. 2013. № 1. С. 36–39.

Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Ленинград, 1930.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; общ. ред. Г. В. Рамишвили. М., 2000.

Гуриева С. Д., Борисова М. М. Доверие как социально-психологическое явление / Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. - 2014. - № 4. - С. 126–128.

Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). М., 2007.

Кони А. Ф. Лучшие речи. М., 2022.

Крапивкина А. А. О роли фактора адресата в судебной коммуникации / Вестник Томского государственного университета. - 2019. - № 448. - С. 59–64.

Касюк А. Я. Феномен доверия как условие эффективной коммуникации / Управление коммуникациями: сб. ст. I междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Н. Чумикова, Э. Э. Шульца. М., 2022. С. 132–139.

Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. М., 2017.

Леонова И. Ю. Доверие: понятие, виды и функции / Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». - 2015. - № 2. - С. 34–41.

Лобанова Н. И. Язык и сознание: проблема взаимосвязи (опыт анализа философии языка В. фон Гумбольдта) / Известия РГПУ им. А. И. Герцена. - 2010. - № 123. - С. 82–88.

Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.

Любимова А. А. Языковые аспекты воздействия на общественное сознание: на сопоставительном материале средств массовой информации конца XX – начала XXI вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Морозов Н. А., Черницына Е. Н. Политическое доверие как феномен социальной интеракции / Известия Алтайского государственного университета. - 2014. - № 4 (84). - С. 285–289.

Овчарова Т. Н. Доверие в социокультурной коммуникации / Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. - 2015. - № 2. - С. 25–30.

Портнов А. Н. Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX–XX веков: методологический анализ основных направлений исследования. Дис. ... д-ра. филол. наук. Иваново, 1998.

- Рельев А. Г. Доверие как основа культуры правовой коммуникации / Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2022. - № 2 (145). - С. 15–25.
- Риторика: учебно-методический комплекс для студентов гуманитарных факультетов / Араева Л. А., Катышев П. А. и др.; под ред. П. А. Катышева. Кемерово, 2002.
- Риторика: учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов / Араева Л. А., Катышев П. А. и др.; под ред. П. А. Катышева. Кемерово, 2006.
- Рузавин Г. И. Методологические проблемы аргументации. М., 1997.
- Симонов П. Ю. Отношения субъектов коммуникации: степень доверия к источнику информации / Коммуникология. - 2021. - № 3. - Т.9. - С. 181–190.
- Синельникова Е. С. Понимание и доверие как условия успешной внутрисемейной коммуникации / Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. - 2010. - Т. 190. - С. 236–239.
- Стернин И. А. Введение в речевое воздействие: учебное пособие. Воронеж, 2001.
- Столяр В. Ю. Социально-философский и междисциплинарный дискурс о доверии / Известия РГПУ им. А. И. Герцена. - 2008. - № 77. - С. 176–182.
- Фреик Н. В. Петр Штомпка. Доверие: социологическая теория / Социологическое обозрение. - 2002. - № 3. - Т. 2. - С. 30–41.
- Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. М., 2014.
- Шилина М. Г., Вартанов С. А. Доверие как категория теории коммуникации в парадигме цифровой экономики (к постановке научной проблемы) / МедиаАльманах. - 2019. - № 1. - С. 20–38.
- Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с польского Н. В. Морозовой. М., 2012.
- Эрикссон Э. Детство и общество. СПб., 1996.

References

- A large explanatory dictionary of the Russian language / S. A. Kuznetsov (ed.) (2000). St. Petersburg (in Russian).
- Aristotle (1978). Rhetoric. Translated from ancient Greek by N. Platonova. Moscow (in Russian).
- Erickson, E. (1996). Childhood and Society. Saint Petersburg (in Russian).
- Freik, N. V. Peter Shtompka. Trust: a sociological theory. The Sociological Review, 2002, 3, 2, 30–41 (in Russian).
- Gurieva, S. D., Borisova, M. M. (2014). Trust as a socio-psychological phenomenon. Bulletin of St. Petersburg University. Sociology, 4, 126–128 (in Russian).
- Humboldt, V. von. (2000). Selected works on linguistics. Translated from German; G. V. Ramishvili (general ed.). Moscow (in Russian).
- Ivakina, N. N. (2007). Fundamentals of judicial eloquence (rhetoric for lawyers). Moscow (in Russian).
- Kasyuk, A. Ya. (2022). The phenomenon of trust as a condition for effective communication. In: Communication management: collection of articles of the I International Scientific and Practical Conference. A. N. Chumikov (ed.), E. E. Shultz (ed.). Moscow, 132–139 (in Russian).
- Koni, A. F. (2022). The best speeches. Moscow (in Russian).
- Kopnina, G. A. (2017) Speech manipulation: textbook. Moscow (in Russian).
- Krapivkina, A. A. (2019). On the role of the addressee factor in judicial communication. Bulletin of Tomsk State University, 448, 59–64 (in Russian).
- Leonova, I. Y. (2015). Trust: concept, types and functions]. Bulletin of the Udmurt University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2, 34–41.
- Lobanova, N. I. (2010). Language and consciousness: the problem of interrelation (the experience of analyzing the philosophy of language by V. von Humboldt). Proceedings of RSPU named after A. I. Herzen, 123, 82–88 (in Russian).
- Luria, A. R. (1979) Language and consciousness. Moscow (in Russian).
- Lyubimova, A. A. (2006). Linguistic aspects of the impact on public consciousness: on the comparative material of the mass media of the late XX – early XXI centuries. Cand. philol. sci. diss. Moscow (in Russian).
- Morozov, N. A., Chernitsyna, E. N. (2014). Political trust as a phenomenon of social interaction. Proceedings of the Altai State University, 4 (84), 285–289 (in Russian).
- Ovcharova, T. N. (2015). Trust in socio-cultural communication. Bulletin of the R. E. Alekseev NSTU. Series: Management in Social systems. Communication technologies, 2, 25–30 (in Russian).
- Portnov, A. N. (1998). The relationship of language and consciousness in philosophy of the XIX–XX centuries: methodological analysis of the main research directions. Doct. philos. sci. diss. Ivanovo (in Russian).
- Repyev, A. G. (2022). Trust as the basis of the culture of legal communication. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2 (145), 15–25 (in Russian).
- Rhetoric: a textbook for students of humanities faculties. (2002). Araeva L. A., Katyshev P. A. (ed.), et al. Kemerovo (in Russian).
- Rhetoric: a textbook for students of humanities faculties. (2006). Araeva L. A., Katyshev P. A. (ed.), et al. Kemerovo (in Russian).
- Ruzavin, G. I. (1997). Methodological problems of argumentation. Moscow (in Russian).
- Shelestyuk, E. V. (2014). Speech influence: ontology and methodology of research: monograph. Moscow (in Russian).
- Shilina, M. G., Vartanov, S. A. (2019). Trust as a category of the theory of communication in the paradigm of the digital economy (to the formulation of a scientific problem). Media Almanac, 1, 20–38 (in Russian).
- Shtompka, P. (2012). Trust is the basis of society. Translated from Polish by N. V. Morozova. Moscow (in Russian).

- Simonov, P. Yu. (2021). Relations of subjects of communication: the degree of trust in the source of information. *Communicology*, 3, 9, 181–190 (in Russian).
- Sinelnikova, E. S. (2010). Understanding and trust as conditions for successful intra-family communication. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*, 190, 236–239 (in Russian).
- Sternin, I. A. (2001) Introduction to speech influence: textbook. Voronezh (in Russian).
- Stolyar, V. Yu. (2008). Socio-philosophical and interdisciplinary discourse on trust. *Proceedings of RSPU named after A. I. Herzen*, 77, 176–182 (in Russian).
- Verderber, R., Verderber, K. (2003). *Psychology of communication*. Saint Petersburg (in Russian).
- Vlasova, I. V. (2013). Communication in modern research: conflict, trust, safe interaction. *Information – communication – society*, 1, 36–39 (in Russian).
- Voloshinov, V. N. (1930). *Marxism and philosophy of language. The main problems of the sociological method in the science of language*. Leningrad (in Russian).
-

Citation:

Оленев С.В., Лунгрин В.А. Риторические приемы усиления доверия аудитории к оратору (на примере речей судебных прений с участием присяжных) // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 57-64.

Olenev S.V., Lungrin V.A. (2023) Rhetorical Techniques to Increase Audience Confidence in the Speaker (Based on the Speeches of the Pleadings in Jury Trial). *Legal Linguistics*, 30, 57-64.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О некоторых проблемах, связанных с производством комплексной психолого-лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности

К. И. Бринев¹, М. Г. Куликова²

¹Хэнаньский университет

ул. Реньмин, 58, Кайфын, Китай. E-mail: brinevk@yandex.ru

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, стр. 13, 119991, Москва, Россия. E-mail: m.kulikova@sudexpra.ru

В статье обсуждаются вопросы, касающиеся участия психолога в проведении комплексных психолого-лингвистических экспертиз текстов. Исследуется теория лингвистического и психологического содержания правовых понятий в свете традиционного понимания экспертной деятельности. Устанавливается, что экспертные исследования, основанные на такой теории, представляют собой принятие юридических решений, а не установление фактов с применением специальных познаний. Рассматриваются основные проблемы, которые возникают при производстве психолого-лингвистической экспертизы в части выявления цели речевого произведения и результата речевого воздействия. Авторы ставят под сомнение обоснованность существующих подходов по выявлению психологических компонентов текста (психологическая направленность, социальные установки автора и социальные установки, формируемые у адресата). Ставится вопрос о соотношении психологической направленности текста с умыслом и иллокутивной целью, а также о соотношении социальных установок, формируемых у адресата, с перлокутивной целью и фактическим результатом речевого воздействия. Обоснования требуют, с точки зрения авторов, как сам факт существования таких психологических компонентов текста, так и возможность их извлечения из текста психологическими методами. В статье рассматриваются примеры эффективного взаимодействия психолога и лингвиста при проведении комплексной экспертизы.

Ключевые слова: комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, пределы компетенции экспертов.

On Some Issues of Comprehensive Psychological and Linguistic Expertise of Speech Products

K. I. Brinev¹, M. G. Kulikova²

¹Henan University

Renmin Avenue, 58, Kaifeng, China. E-mail: brinevk@yandex.ru

²Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory St., bldg. 13A, Moscow, Russia. E-mail: m.kulikova@sudexpra.ru

The article has discussed the issues relating to the involvement of a psychologist in conducting comprehensive psychological and linguistic investigations of texts. The theory of the linguistic and psychological content of legal concepts has been examined in the light of the traditional understanding of expert work. It has been argued that expert studies based on such a theory constitute legal decision-making rather than fact-finding through the use of specialized knowledge. The main problems that arise in the psychological and linguistic expertise in terms of identifying the purpose of the speech product and the outcome of the speech impact have been considered. The authors have questioned the validity of existing approaches to identifying the psychological components of the text (psychological orientation, social attitudes of the author and social attitudes formed in the addressee). The question has been raised as to the correlation between the psychological line of text and the intention and illocutionary purpose, as well as the correlation between the social attitudes formed in the addressee and the perlocutionary purpose and the actual result of the speech effect. According to the authors, both the fact of the existence of such psychological components of the text and the possibility of extracting them from the text by psychological

methods require justification. The examples of effective interaction between a psychologist and a linguist in comprehensive expertise have been discussed in the article.

Key words: comprehensive psychological and linguistic expertise, scope of experts' competence.

Настоящая статья является продолжением обсуждения проблем, которые связаны с производством судебной психолого-лингвистической экспертизы, начатого нами в [Бринев 2012]. Практика назначения комплексных психолого-лингвистических экспертиз в последние годы получила распространение. Если изначально вопрос об участии психолога ставился применительно к статьям, связанным с экстремизмом и терроризмом (ст. 280, ст. 205.2, ст. 282 УК РФ), то в настоящее время спектр уголовных преступлений и гражданских деликтов, при расследовании (рассмотрении) которых назначается психолого-лингвистическая экспертиза, значительно расширился. Так, например, некоторые исследователи включают в этот перечень дела о преступлениях коррупционной направленности, о склонении и побуждении к самоубийству, об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, о защите чести, достоинства и деловой репутации, рекламе и пропаганде наркотиков и др. Судебно-экспертная практика свидетельствует о наличии неразрешенных теоретических и практических вопросов, которые препятствуют эффективному взаимодействию лингвистов и психологов. В частности, возникают вопросы об избыточности психологических задач в рамках комплексных экспертиз (в том смысле, что психолог в своей части описывает те же факты, что и лингвист); о противоречивости психологических и лингвистических описаний одних и тех же фактов; не разрешен вопрос о методах и способах извлечения психологической информации из текста; сохраняет актуальность вопрос о выходе за пределы компетенции и вынесении экспертами правовых оценок и т. д.

Постановка вопросов, предложенных в данной работе, необходима, по нашему мнению, прежде всего для улучшения психолого-лингвистической экспертизы, в частности для улучшения взаимопонимания психолога и лингвиста при производстве экспертизы и для формирования четкого представления о том, какие задачи способен решать и какие результаты способен получить каждый из специалистов, участвующих в проведении экспертизы. Это необходимо обсуждать еще и потому, что при отсутствии такого взаимопонимания всегда остается возможность выхода за пределы своей компетенции либо в смежную область знания, либо в юридическую сферу.

Концепция подхода. В статье развивается традиционный взгляд на экспертную деятельность как деятельность, которая направлена на установление фактов, при этом таких фактов, которые, во-первых, не могут быть установлены без привлечения лица, обладающего специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, а во-вторых, являются юридически значимыми. Согласно этой концепции, факты существуют независимо от права и любой правовой нормы. Правовые нормы представляют собой утверждения о линиях поведения относительно фактов: некоторые из фактов нормами запрещаются, некоторые разрешаются, а некоторые являются для норм безразличными. Другими словами, факты существуют реально и закономерности в области фактов также существуют реально, и первые, и вторые существовали бы, даже если бы по каким-то причинам никогда не существовало права. Отрасли науки описывают факты и закономерности, именно поэтому назначаются судебные экспертизы: предполагается, что без привлечения знаний из научных отраслей невозможно установить требуемый факт. Это означает, что такие явления, как коммуникативные намерения иллокутивного или перлокутивного порядка, перлокутивные эффекты, значения, референция, психологические состояния и т. д. существуют сами по себе и независимы от права, они, по нашему мнению, существовали и задолго до появления права в любом приемлемом юридическом значении слова «право»¹.

В ряде известных нам работ по психологической экспертизе [Кукушкина и др. 2022; Кукушкина и др. 2011; Леонтьев 2019; Секераж 2021] постулируется идея о психологическом содержании юридических понятий (таких как «возбуждение ненависти и вражды», «унижение достоинства человека», «угроза», «побуждение» и др.), что, с точки зрения исследователей, является основанием для привлечения психолога к проведению экспертизы продуктов речевой деятельности и информационных материалов. Тот факт, что в тексте правовой нормы используются такие же (или похожие) термины, как в психологии, дает основание авторам говорить о наличии психологической стороны того явления, которое описано в правовой норме. При этом указывается, что правовое понятие отличается от научного. В работах некоторых исследователей идея о психологическом содержании юридических понятий трансформируется в концепцию «экстремистских» значений, которые описаны в правовой норме, запрещены для распространения и содержат, наряду с лингвистическими, психологические признаки.

В свете описанного нами традиционного подхода к пониманию экспертной деятельности очевидно, что экспертиза не назначается для толкования норм права² при помощи терминов каких-либо дисциплин (лингвистики или психологии), также она не назначается и для перетолкования «правовых понятий», которые, по мнению исследователей, несут психологический или лингвистический смысл. Например, целью почерковедческой экспертизы не является перетолкование юридического понятия «подделка документа» через термин «измененный почерк». Изменение почерка – это объективный факт, а не понятие права или почерковедческой экспертизы, он может быть установлен (или в силу каких-то причин не установлен), и, будучи установленным, данный факт получает юридическую оценку.

¹ Подробнее о дуализме фактов и решений и проблеме их смешения см. [Бринев 2012; Бринев 2017].

² Напомним, что толкование норм права является частью юридической деятельности, а не лингвистики.

Из сказанного выше следует, что в языке и речи не существует таких вещей, как, например, экстремистские значения (независимо от того, берем ли мы это словосочетание в кавычки или нет), не существует и таких вещей, как признаки пропаганды, признаки оскорбления, лингвистические признаки унижения³ и т. п. Методики, построенные на идее существования таких явлений, свидетельствуют лишь о том, что экспертные исследования проводятся из-под юридической оценки и представляют собой не описание фактов, а вынесение юридических решений, то есть, по сути, такие экспертные исследования не основаны на применении специальных познаний, а являются вынесением вердикта⁴ по поводу фактов.

Рассмотрим основные проблемы, которые возникают при производстве психолого-лингвистической экспертизы, относительно параметра цели речевого произведения, а также параметра результата речевого произведения.

Коммуникативное намерение (цель). В теоретических и методических разработках по психолого-лингвистической экспертизе предмет психологического исследования сводится к определению направленности текста (смысловой [Ратинов и др. 2005] или социально-психологической [Кукушкина и др. 2022; Кукушкина и др. 2011; Секераж 2021]). Необходимость определения направленности текста выводится из правовой формулировки «действия, направленные на...» (ст. 282 УК РФ) [Кукушкина и др. 2022: 18-19].

Лингвистическая экспертиза (в рамках которой устанавливается коммуникативная цель высказывания в случаях, когда это необходимо) отказалась от ответов на вопрос о направленности текста или речевого произведения. Это возникло из понимания нетождественности умысла правонарушения и коммуникативных целей (а также сопровождающих эти цели условий искренности употребления речевых актов). Направленность как умысел и направленность как целевой компонент текста не равны между собой. Текстовые целевые факты являются значимыми для оценки умысла, но они не тождественны последнему.

Умысел не может быть реконструирован из текста или отдельного речевого произведения, так как его наличие/отсутствие является юридической оценкой всей совокупности фактов по конкретному делу. Даже если предположить такую ситуацию, что во всех спорных текстах, которые рассматриваются в судебном разбирательстве, автор всегда в начале текста прямо формулировал бы так называемую направленность этого текста⁵, то такая формулировка являлась бы не более чем выражением русского языка с иллокутивной целью репрезентатива и условиями искренности «убежден, что Р», и не являлась бы направленностью в смысле умысла, потому что всегда остается вероятность того, что текст написан, например, под дулом пистолета. Нужно также напомнить, что признание вины в праве не является каким-то привилегированным доказательством по делу (самооговоры все-таки существуют), оно оценивается в сопоставлении с другими фактами. Поэтому даже в самых «ясных» случаях, когда исполняется, например, такое речевое действие, как оскорбление, из него не вытекает наличие направленности в смысле умысла (последний еще предстоит доказать или опровергнуть), но присутствует направленность только в коммуникативном смысле: говорящий знает, что Р оскорбительно, и употребляет Р (иногда также можно установить лингвистическими методами, что говорящий ведет себя так, как если бы он хотел оскорбить слушающего).

Таким образом, лингвистическая экспертиза весьма закономерно исключила вопрос о направленности речевого произведения, так как он не может быть решен на основе специальных познаний в области лингвистики, являясь предметом сугубо юридической оценки (в лингвистическом аспекте представляя собой вердикт в остиновском понимании вердиктов), тогда как в психологической части исследования этот вопрос считается разрешимым и значимым. Если считать этот подход обоснованным, тогда у нас имеется третий вид направленности⁶ в каком-то исключительно психологическом смысле, причем этот третий вид направленности может быть извлечен из текста психологическими методами.

Проиллюстрируем это конкретным примером. В иллокутивном отношении речевой акт вопроса согласуется с условием искренности 'говорящий хочет знать ответ на вопрос'. Безусловно, что вопросы иногда употребляются с неискренними установками. Из самого речевого акта невозможно установить, искренен ли был говорящий, когда задавал вопрос, поэтому лингвист вынужден констатировать, что вопрос задается, как если бы говорящий хотел знать на него ответ. Согласно концепции психологической направленности текста в такой ситуации существует возможность установить реальную направленность этого вопроса при помощи психологических методов. Если такие методы действительно существуют, то и направленность в таком (третьем) смысле также существует. Однако это вызывает некоторые сомнения. Вполне вероятно, что психолог может установить, был ли конкретный вопрос искренним или нет, но предполагаем, что он не может этого установить по самому вопросу (по спорному тексту), для того чтобы это сделать ему, как, впрочем, и лингвисту, потребуется исследовать массив текстов, на основе которых можно будет установить противоречивость иллокуций и сделать вывод о неискренности исходного вопроса.

Здесь стоит отметить также, что обозначенная нами проблема не разрешается и путем анализа таких «психологических компонентов текста», как «социальные установки автора». На наш взгляд, очевидно, что одно и то же речевое действие может соответствовать разным социальным установкам, а имеющиеся в тексте денотативный,

³ Вряд ли в токсикологических исследованиях существуют утверждения, согласно которым мышьяк является химическим признаком лишения жизни, и вряд ли перед искомым экспертом ставится вопрос: «Содержатся ли в трупе химические признаки лишения жизни?». Тогда как вопросы вида: «Содержатся ли в высказывании лингвистические признаки унижения?» считаются вполне приемлемыми в лингвистической экспертизе.

⁴ Слово «вердикт» в данном случае мы употребляем, вкладывая в него остиновское понимание вердиктивных высказываний.

⁵ Например, в листовках перед основным текстом имелось бы такое высказывание: «Текстом, который последует далее, я хочу разжечь религиозную рознь».

⁶ Первый, как мы уже отметили, – это умысел, второй – коммуникативная цель.

оценочный и иллюкутивный компоненты не равнозначны когнитивному, аффективному и поведенческому компоненту установки. Например, наличие в тексте выраженной негативной оценки объекта не является достаточным основанием утверждать, что у автора текста имеется устойчивое сформировавшееся негативное отношение к данному объекту. Высказывание, содержащее призывы к действиям, направленным против представителей той или иной нации, может произноситься субъектом, не имеющим враждебной установки, а руководствующимся мотивом получения политической или материальной выгоды от конфликта, который он провоцирует, или мотивом личной неприязни. Из сказанного следует, что попытка выявить проявленные в тексте социальные установки сводится к установлению фактов внутриспсихической деятельности человека через текст (что противоречит концепции особого объекта исследования в психологической экспертизе информационных материалов⁷) и к определению мотивов действия, а не описанию самого речевого или коммуникативного действия⁸.

Таким образом, наличие некоей направленности в тексте, которая была бы противопоставлена умыслу (юридический аспект) и коммуникативной цели и условиям искренности (лингвистический аспект) требует своего обоснования, в противном случае мы будем вынуждены признать, что психологическая часть исследования взяла на себя юридическую квалификацию фактов, от которой ранее весьма обоснованно отказалась лингвистика. Отметим также, что категория направленности в работах по психологической экспертизе информационных материалов понимается весьма специфическим образом, что дает возможность сделать предположение об отсутствии представления у психологов о возможности смешения юридических и иных аспектов проблемы. Так, например, предлагается проведение психологической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ) с целью установления наличия или отсутствия направленности публикации на формирование у адресата негативного образа лица. Постановка такой задачи косвенно свидетельствует о том, что в психологической экспертизе отсутствуют представления о составе правонарушения и его элементах, а вследствие этого отсутствует и представление о необходимости разграничения юридических и иных аспектов так называемой направленности: в рамках ст. 152 ГК РФ вопрос о направленности публикации не имеет никакого значения. Порочащие сведения в форме утверждения о фактах подлежат опровержению, независимо от направленности текста (даже в случае, если текст направлен на восстановление справедливости в обществе или на любые другие благие цели, при этом неважно, считал ли говорящий сообщаемые сведения истинными или знал, что они ложные).

Результат речевого произведения (перлокутивный эффект). В лингвистической теории установлено, что коммуникативная цель высказывания сопряжена с формированием определенных линий поведения как адресанта, так и адресата. Так, перлокутивная цель речевого акта включает обязательства, которые берет на себя говорящий, произнося то или иное речевое произведение, а также определенную реакцию адресата на сказанное. Речевой акт вопроса, к примеру, в перлокутивном аспекте содержит предполагаемую реакцию адресата в виде ответа на вопрос и принятое адресантом обязательство выслушать этот ответ, а речевой акт угрозы сопряжен с обязательством говорящего выполнить названные действия и реакцией адресата в виде изменения его эмоционального состояния (возникновение эмоции страха) и/или поведения (совершение побуждаемого действия). Из этого, однако, не следует, что фактический результат коммуникации будет таким же: так, спрашивающий вполне может по какой-либо причине прервать коммуникацию или изменить ее ход, не выслушав ответа, а адресат волен отвечать на вопрос, игнорировать его или поступить любым иным способом.

Вполне очевидно, что фактическое воздействие на адресата не может быть установлено на основании анализа текста. Кроме того, фактическое воздействие не является юридически значимым фактом при расследовании правонарушений с формальным составом (психолого-лингвистическая экспертиза текста назначается, как правило, именно по таким делам). При психологическом исследовании информационных материалов предполагается выявление такого компонента направленности, как «социальные установки, целенаправленно формируемые автором у адресата». Если допустить обоснованность такого подхода, то мы вновь имеем дело с некими фактами психологического характера, которые не тождественны перлокутивной цели и фактическому результату коммуникации и могут быть извлечены из текста психологическими методами. Если под таким психологическим компонентом понимается выраженный в тексте предполагаемый результат (социальная установка адресата), а социальная установка при этом представляет собой устойчивую систему убеждений, аффективных реакций, оценок, эмоций, поведенческих тенденций и т. д.⁹, то возникает закономерный вопрос, может ли формирование такой установки быть закодировано в семантике одного высказывания или текста. Анализ экспертной практики [Сборник примеров заключений... 2020] показывает, что при решении данной задачи эксперт-психолог часто дублирует

⁷ При проведении экспертизы информационных материалов, по мнению авторов такой концепции, исследуется само событие (речевое или коммуникативное действие) и оценке подлежат особенности материала, а не психологические качества и состояния автора, что противопоставлено традиционной психологической экспертизе, где предметом исследования являются особенности психической деятельности подэкспертного лица, а текстовые и иные информационные материалы могут использоваться в качестве источников информации об этих особенностях [Секераж 2019: 38].

⁸ Полагаем, что информация об имеющихся у автора социальных установках имеет значение для установления субъективной стороны состава преступления. Например, наличие враждебной, «ксенофобской» социальной установки по отношению к той или иной группе лиц (описанной, например, в [Кроз, Ратинова 2005]) значимо для определения мотива расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, который являетсяотягчающим обстоятельством, в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, а также входит в субъективную сторону состава некоторых преступлений (например, ст. 280 и 282, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ и др.). Однако такая юридически значимая информация не выводится из текста, продукты речевой деятельности в такой ситуации являются одним из источников информации, а не объектом исследования.

⁹ См., например [Кукушкина и др. 2011: 167].

информацию, содержащуюся в лингвистической части исследования. Например, вывод о наличии социально-психологической направленности текста на формирование готовности адресата к совершению действия присутствует в тех случаях, когда лингвист выявил наличие побуждений в тексте. Оба эксперта описывают речевое поведение говорящего: «формирование готовности к совершению действия» тождественно «побуждению», данные слова описывают один и тот же факт и психологическое описание в таком случае не привносит ничего нового и, вероятно, является избыточным.

Между тем, совершенно очевидно, что имеют место случаи, когда определение результатов речевого воздействия значимо для расследования преступления и может быть осуществлено с использованием специальных познаний в области психологии. Продемонстрируем это на примере нескольких экспертных ситуаций.

В ст. 110 УК РФ («Доведение лица до самоубийства») в качестве способов совершения преступного деяния указаны такие действия, как угрозы и систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего (которое может быть осуществлено, например, при помощи оскорблений [Комментарий к Уголовному кодексу 2023: 198]). Предположим такую ситуацию, когда совершению самоубийства (или попытке его совершения) предшествовала коммуникация между обвиняемым и потерпевшим, которая зафиксирована и может быть подвергнута экспертному анализу. В данном случае возможно проведение исследования одного и того же массива коммуникативных актов как экспертом-психологом, так и лингвистом, при этом эксперты будут рассматривать данный объект в разных аспектах. Психолог устанавливает психическое состояние потерпевшего и наличие/отсутствие причинно-следственной связи между речевыми действиями обвиняемого (угрозами, оскорблениями) и психическим состоянием потерпевшего. Исследуемые коммуникативные акты в этом случае служат одним из источников информации (наряду с иными источниками) об эмоциональном и психическом состоянии потерпевшего, а также о реакциях потерпевшего на речевые действия обвиняемого. Лингвист, в свою очередь, может определить, являются ли речевые действия обвиняемого угрозами, оскорблениями (коммуникативный акт в этом случае является непосредственным объектом лингвистического исследования).

В ст. 107 УК РФ («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») в качестве одного из обстоятельств, вызывающих состояния аффекта и провоцирующих поведение обвиняемого, названо тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего. В случае, когда совершению убийства предшествовала коммуникация между потерпевшим и обвиняемым, которая зафиксирована и может быть подвергнута экспертному анализу, также имеет место психологический и лингвистический предмет исследования. Психолог устанавливает эмоциональное состояние обвиняемого в момент совершения преступления и наличие причинно-следственной связи между этим эмоциональным состоянием и действиями потерпевшего (коммуникативный акт является лишь одним из источников информации об объекте исследования – эмоциональном, психическом состоянии и реакциях участников коммуникации); лингвист же определяет (если окажется, что его участие все-таки необходимо), являются ли речевые действия обвиняемого оскорблениями. При этом оценка степени тяжести оскорбления, спровоцировавшего аффективное состояние – прерогатива органов следствия и суда [Комментарий к Уголовному кодексу 2023: 195]. Хотя субъективные факторы, значимые для оценки степени тяжести вреда, на наш взгляд, могут быть также установлены с использованием специальных познаний в области психологии (например, путем очного освидетельствования подэкспертного и определения степени, глубины и длительности изменений психической деятельности, возникших в результате речевых или иных действий потерпевшего).

Аналогичным образом обстоит дело при рассмотрении гражданских дел по ст. 152 ГК РФ («Защита чести, достоинства и деловой репутации») и ст. 151 ГК РФ («Компенсация морального вреда»). В случае, когда моральный вред нанесен путем распространения порочащих сведений, целесообразно проведение комплексной психолого-лингвистической экспертизы, в ходе которой лингвист устанавливает юридически значимые признаки речевого произведения (наличие или отсутствие негативной информации об истце, выраженной в форме утверждения о фактах), а психолог устанавливает факт причинения морального вреда (определяет наличие или отсутствие изменений в психической деятельности истца, их степень, глубину и длительность, а также наличие или отсутствие причинно-следственной связи между данными изменениями и действиями ответчика).

В заключение отметим, что круг вопросов, касающихся участия психолога в проведении экспертизы текста, не ограничивается предложенными в данной работе. К примеру, неразрешенным и требующим обсуждения, на наш взгляд, является также вопрос о методах психологической экспертизы текста. Предлагаемые методы (мотивационно-целевой анализ текста, контент-анализ, интент-анализ, психологический критериально-ориентированный анализ текста) используются в социологии, психологии и других науках для выявления и описания социально-психологических закономерностей, связанных с осуществлением коммуникативного взаимодействия (через анализ массива текстов исследователь получает данные об индивидуальных особенностях психической деятельности автора или о социальных нормах и ценностях). Закономерен вопрос об обоснованности и оправданности использования таких методов для решения диагностических задач по выявлению свойств конкретного текста, то есть задачи, которая предметно отличается от описанных социально-психологических исследований¹⁰.

¹⁰ Например, диагностика интолерантности в СМИ [Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ 2012] предполагает установление социального состояния (ценностей), выраженного в СМИ, а не исследование содержания и коммуникативных целей в конкретном тексте. Следует при этом отметить, такого рода научные исследования, безусловно, могут быть полезны для проведения экспертизы. Так, в теоретических исследованиях могут быть установлены эмпирические закономерности эффективности тех или иных речевых приемов воздействия, которые в последующем будут использоваться при проведении анализа конкретных текстов.

Литература

- Бринев К. И. Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «Социальная группа» / Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № (2). – С. 117-123.
- Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография. М., 2017.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. М., 2023.
- Кроз М. В., Ратинова Н. А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М., 2005.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2022.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
- Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под ред. А. С. Маркосян, Д. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина. М., 2019.
- Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 2005.
- Сборник примеров заключений эксперта по результатам судебной психологической экспертизы информационных материалов и психолого-лингвистической экспертизы: практическое пособие для экспертов / под ред. Т.Н. Секераж, В.О. Кузнецова. М., 2020.
- Секераж Т. Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности / Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – № 14(1). – С. 35-43.
- Секераж Т. Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: монография. М., 2021.
- Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики. М., 2004.

References

- Brinev, K. I. (2012). Methodological Problems of Linguistic Expertise: Definition of the Essence of Extremism / Definition of the Social Group Concept. Bulletin of Kemerovo State University, 2, 117-123 (in Russian).
- Brinev, K. I. (2017). Forensic Linguistic Expertise: Methodology and Techniques: Monograph. Moscow (in Russian).
- Collection of Examples of Expert Conclusions on the Results of Forensic Psychological Expertise of Information Materials and Psychological-Linguistic Expertise: Practical Manual for Experts (2020). T.N. Sekerazh, V.O. Kuznetsov (Ed.). Moscow (in Russian).
- Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (2023). G.A. Esakov (Ed.). Moscow (in Russian).
- Hidden Emotional Content of Media Texts and Methods of its Objective Diagnostics (2004). Moscow (in Russian).
- Kroz, M. V., Ratinova, N. A. (2005). Socio-Psychological and Legal Aspects of Xenophobia. Moscow (in Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2011). Theoretical and Methodological Foundations of Forensic Psychological and Linguistic Expertise of Texts in Cases Related to Countering Extremism. Moscow (in Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2022). Methodology of Conducting Complex Forensic Psychological and Linguistic Expertise in Cases Related to Countering Extremism and Terrorism. Moscow (in Russian).
- Leontiev, A. A. (2019). Applied Psycholinguistics of Speech Communication and Mass Communication. Moscow (in Russian).
- Ratinov, A. R., Kroz, M. V., Ratinova, N. A. (2005). Liability for Incitement to Hostility and Hatred. Psychological and Legal Characteristics. Moscow (in Russian).
- Sekerazh, T. N. (2019). Psychological Study of Information Materials: Formation of a New Type of Forensic Psychological Expertise and a New Expert Specialty. Theory and Practice of Forensic Expertise, 14 (1), 35-43.
- Sekerazh, T. N. (2021). Forensic Psychological Expertise of Information Materials: Theory and Practice: Monograph. Moscow (in Russian).

Citation:

- Бринев К.И., Куликова М.Г. О некоторых проблемах, связанных с производством комплексной психолого-лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 65-70.
- Brinev K.I., Kulikova M.G. (2023) On Some Issues of Comprehensive Psychological and Linguistic Expertise of Speech Products. Legal Linguistics, 30, 65-70.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Порноместь: к проблеме лингвистического анализа материалов порнографического содержания

О. В. Зайцева¹, П. А. Катышев²

¹Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ул. Садовая-Кудринская, 9, 123001, Москва, Россия. E-mail: deyaldelwer@mail.ru

²Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ул. Академика Волгина, 6, 117485, Москва, Россия. E-mail: katpa@rambler.ru

Статья посвящена проблеме экспертного анализа информации порнографического характера, представляющей ситуацию порномести (несогласованное размещение материалов сексуального содержания в публичном пространстве). В работе представлен перечень социальных практик, относящихся к порномести; устанавливаются участники коммуникативного акта: актер, адресаты – запечатленное лицо, референтная группа, сторонний участник; определяется интенциональная составляющая коммуникативной деятельности актера; дается перечень коммуникативных целей актера в условиях множественной адресности. Раскрываются особенности реконтекстуализации порнографического материала; при этом обращается внимание на слабую зависимость порнографического дискурса от экстралингвистического фона. Отмечается, что в ситуации порномести информация порнографического характера подвергается реконтекстуализации, что при поверхностном анализе затрудняет установление лингвистических (семиотических) признаков информации порнографического характера. Утверждается, что в условиях переноса порнографического текста в конфликтогенный контекст, порнографические смыслы сохраняются. При этом актуализация табуированного аспекта сексуального взаимодействия лежит в основе трансформации эмотивного потенциала и определяет характер отношений между участниками коммуникативной ситуации. Авторы приходят к выводу, что для установления лингвистических признаков информации порнографического характера необходима деконтекстуализация представленного на исследование текста. Анализ контекста распространения необходим для установления экстралингвистического фона коммуникативной деятельности актера.

Ключевые слова: порнографический нарратив, контекст, реконтекстуализация, интенциональность, дискурс-анализ.

Revenge Porn: On the Problem of Linguistic Analysis of Pornographic Content

O. V. Zaytseva¹, P. A. Katyshev²

¹Kutafin Moscow State Law University

9 Sadovaya-Kudrinskaya st., 123001, Moscow, Russia. E-mail: deyaldelwer@mail.ru

²Pushkin State Russian Language Institute

6 Academician Volgin st., 117485, Moscow, Russia. E-mail: katpa@rambler.ru

The paper discusses the problem of forensic analysis of pornographic information in revenge porn situation (non-consensual public placement of materials of sexual explicit content). The paper presents a list of social practices related to revenge porn, specifies the participants of the communicative act (actor, addressee- person caught on camera, addressee-reference group, addressee-third-party participant), determines the intentional component of the actor's communicative activity, gives a list of the actor's communicative goals in conditions of multiple addressee-targeting . The features of the recontextualization of pornographic material are revealed. A weak dependence of pornographic discourse on extralinguistic background is established. It is noted that in the situation of revenge porn sexual explicit information is subjected to recontextualization, which makes it difficult to establish linguistic (semiotic) signs of pornographic information in forensic analysis. It is established that under the conditions of the transfer of a sexual explicit text into a conflict-triggering context, pornographic meanings are preserved. At the same time, the actualization of the taboo aspect of sexual interaction underlies the transformation of the emotive potential and determines the nature of the relationship between the participants in the communicative situation. The

authors conclude that in order to establish the linguistic features of sexual explicit information, it is necessary to decontextualize the text submitted for forensic research. Analysis of the distribution context is necessary to establish the extralinguistic background of the actor's communication activity.

Key words: pornography narrative, context, re-contextualization, intentionality, discourse-analysis.

Актуальность.

Под порноместью понимается распространение в противоправных целях изображений/сообщений сексуального характера без согласия изображенного на них лица. Порноместь является одной из форм онлайн-насилия, что и обусловило интерес исследователей к данному явлению в правоприменительном аспекте [Голованова 2018; Юрченко 2018; Голованова 2019; Ильницкий 2021]. Наиболее детально порноместь описывается в англоязычных работах. В частности, затрагиваются сопряженные с ней репутационные риски, возникающие перед потерпевшими вследствие распространения материалов сексуального характера [Langlois & Slane 2017; Haynes 2018; Mckinlay & Lavis 2020; Pavón-Benítez, Romo-Avilés & Tarancón Gómez 2021; Serpe & Brown 2021].

В странах англосаксонской правовой семьи (таких как Канада, Великобритания, США), с господствующим в них прецедентным правом, порноместь криминализована – для защиты интересов потерпевших предусмотрены отдельные законы на федеральном уровне или на уровне штата (как, например, в США). В ряде законодательств романо-германской правовой семьи также стали появляться законы против порномести. Так, в Испании уголовная ответственность наступает по ст. 197 Ley Organica 10/1995; в Германии – по ст. 201a УК (Verletzung des höchstpersönlichen Lebensbereichs und von Persönlichkeitsrechten durch Bildaufnahmen [Нарушение неприкосновенности частной жизни и личных прав через распространение снимков]); во Франции – согласно закону № 2016–1321 от 7.10.2016 République numérique [LOI № 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique].

В уголовном законодательстве Российской Федерации квалификация порномести находится на стыке статей: ответственность за порноместь наступает по ст. 137 [Нарушение неприкосновенности частной жизни] и ст. 242 УК РФ [Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов], в связи с чем следствие при назначении лингвистической экспертизы ставит вопрос о наличии в материалах лингвистических признаков информации порнографического характера. Несмотря на отсутствие в российском законодательстве закрепленного определения «порнографии / порнографических материалов», из совокупности комментариев к ст. 242, 242.1, п. 8 ст. 2 ФЗ от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и сведений из обвинительных приговоров (решение Калининского районного суда города Чебоксары от 12.04.2016 по делу N 2-1607/2016~М-1001/2016; Решение Апастовского районного суда Республики Татарстан от 19.02.2015 по делу N 2-132/2015~М-59/2015; приговор Ленинского районного суда города Пензы от 03.08.2015 по делу N 1-69/2015) следует, что содержательная сторона порнографии предполагает натуралистичное (детализованное) изображение/описание половых органов, полового акта / его имитации или иных форм сексуального взаимодействия / их имитации. Прагматический (мотивационный) аспект порнографических материалов связан с его использованием/распространением в сексуальных целях.

В содержательном аспекте порноместь в большинстве случаев соответствует критериям информации порнографического характера, однако прагматика порномести на первый взгляд отлична от привычных форм порнографического дискурса, в связи с чем эксперт-лингвист сталкивается с проблемой оценки материалов. Как социальный феномен и дискурсивная практика порноместь остается не изученной ни в русскоязычном пространстве, ни в работах исследователей, обобщающих судебную практику, сложившуюся на Западе. Таким образом, цель данной статьи – описание и анализ данного явления и разработка экспертных рекомендаций для анализа порномести.

Параметризация интерперсонального аспекта порномести

В широком смысле к порномести можно отнести три типа практик, связанных с несогласованным распространением компрометирующего материала:

(1) публикации компрометирующих материалов без информирования об этом жертвы. Распространение контента может осуществляться без цели причинения запечатленному лицу репутационного ущерба. Контент размещается на тематических сайтах или в тематических изданиях либо пересылается в межличностной беседе актора с представителями своей референтной группы как целенаправленно, так и случайно. В данном типе порномести запечатленное лицо не выступает в качестве адресата, о размещении компрометирующего контента узнает случайно от сторонних участников или ближайшего окружения. Содержащаяся информация о запечатленном лице не детализирована и в подавляющем большинстве случаев не позволяет адресату установить с ним контакт (пример: Wood v. Hustler Magazine, Inc., 736 F.2d 1084, 1093, Ashby v. Hustler Magazine, Inc., 802 F.2d 856);

(2) публикация компрометирующих материалов и сведений о запечатленном лице в результате кражи персональных данных. Распространение контента и сведений осуществляется с целью причинения запечатленному лицу репутационного ущерба. Обнародование компрометирующего материала и сведений о запечатленном лице происходит в результате отказа выполнять требования злоумышленника (речевой жанр «секстортинг»), т. е. является формой наказания (пример: United States v. Moore, 2:13-cr-00917, District Court, C.D. California);

(3) публикация компрометирующих материалов и сведений о запечатленном лице бывшим партнером. Обнародование компрометирующего материала и сведений о запечатленном лице происходит в результате межличностного конфликта запечатленного лица и актора, т. е. является реактивным поведением последнего

(пример: *Police v Joshua Ashby*; *Police v Ravshan Usmanov* [2011] NSWLC 40; *United States v. Moore*, 2:13-cr-00917, District Court, C.D. California).

Тем самым, модель дискурсивного жанра порномести предполагает наличие:

- актора (агенса коммуникативного акта, «говорящего»), адресата – запечатленного лица, адресатов – сторонних участников (ближайшее окружение, или так называемая референтная группа, и сторонних наблюдателей);
- материалов сексуального содержания, расцениваемых актором как компрометирующие;
- сопроводительной информации, содержащей сведения о личности изображенного лица (внешности, имени) и его контактной информации – указание его адреса (либо адреса родственников), номера телефона, социальных сетей или имейла и пр.

В случае порномести акцент преимущественно делается на факте проявления запечатленным лицом сексуальности и характеристики его личности. Состояние сексуального возбуждения в публичном дискурсе рассматривается постыдным социальным качеством и подвергается стигматизации [Goffman 1970; Гергилов 2017]. Мужская/женская гендерная идентичность подчинена значительному количеству социальных норм, нарушение которых ставит под сомнение всю идентичность индивида в целом [Гергилов 2017]. Через обнародование интимных снимков актер закрепляет запечатленное лицо в статусе аутсайдера, помещает его в условия изоляции через информирование общественности (как референтной группы, так и социума в целом) о социально нежелательных качествах запечатленного лица – сексуальной доступности, склонности к промискуитету и также (в некоторых случаях) готовности вступать в сексуальную связь с представителями стигматизируемых социальных/национальных/религиозных групп. Тем самым обнародование компрометирующих материалов, как предполагается, создает дистанцию между запечатленным лицом и обществом.

Актер прогнозирует ролевое поведение адресатов и выстраивает коммуникативную деятельность с учетом позиций каждой из сторон. Несмотря на то, что порноместь актуализирует выражение негативной оценки действий и поведения запечатленного лица, данный коммуникативный жанр можно рассматривать как одну из диспозитивных форм побуждения (об особенностях диспозитивных форм побуждения см. [Волкова 2011; Мартемьянова 2013]). Размещая в публичном пространстве компрометирующие материалы и персональную информацию запечатленного лица, актер целенаправленно оказывает идейно-психологическое воздействие на адресата и подталкивает его к определенной социальной активности. За счет публикации компрометирующего материала и персональной информации запечатленного лица реализуются следующие коммуникативные цели актора:

1) в отношении адресата – запечатленного лица:

- информирование о наличии у актора компрометирующих материалов с участием запечатленного лица;
- информирование о распространении (в некоторых случаях возможности распространения) компрометирующих материалов;

2) в отношении адресатов – сторонних участников:

(а) референтной группы (родителей, родственников, партнеров, друзей и знакомых):

- информирование о социально неодобряемом поведении запечатленного лица;
- побуждение к выражению неодобрительного отношения к поведению запечатленного лица (а также к дистанцированию от запечатленного лица или отказу от поддержания каких-либо отношений с ним);

(б) сторонних участников коммуникативного акта:

- побуждение к установлению контакта с запечатленным лицом / его референтной группой (если были указаны контакты кого-то из ближайшего окружения) (1) для выражения негативного отношения к поведению запечатленного лица; (2) для информирования запечатленного лица / его референтной группы о состоянии сексуального возбуждения, возникшего в результате ознакомления с материалом сексуального содержания с участием запечатленного лица;

- побуждение к удовлетворению половой потребности (за счет ознакомления адресата с материалом сексуального содержания с участием запечатленного лица).

Особенности реконтекстуализации порнографического материала: рекомендации к лингвистическому анализу

Порнографический дискурс предполагает единство внутреннего содержания контента и его прагматической направленности; алгоритм разбора, учитывающий это единство, отражен в экспертных методиках (И. Г. Корнилова) и работах теоретической направленности (А. Н. Баранов, В. В. Нагаев). Так, **с точки зрения семантики**, важна (1) тематическая соотнесенность информации с сексуальной сферой (**признак 1**), (2) непристойный характер информации (**признак 2**), связанный в рамках публичного и официального дискурса с табуированными темами, (3) соответствие критерию натуралистичности (**признак 3**) за счет детализованной демонстрации половых органов, полового акта и/или его имитации, иных форм сексуальной активности и/или их имитации; **с точки зрения прагматики** – (4) в реализации коммуникативной цели, связанной с информированием адресата о состоянии сексуального возбуждения у запечатленного лица и побуждения адресата к ознакомлению с материалами с целью удовлетворения сексуальной потребности (**признак 4**) (более подробно см. [Нагаев 2009; Баранов 2018; Корнилова 2019]).

Имея дело с классическим порнографическим текстом (вне зависимости от формы репрезентации – вербальной, визуальной, комбинированной), эксперт-лингвист не испытывает сложностей в интерпретации заложенных в нем

смыслов. Любой эпизод взаимодействия индивидуумов зависит от экстралингвистического фона, к которому можно отнести как коммуникативную ситуацию, так и социокультурный контекст [Чернявская 2023]. В рамках порнографического дискурса на содержание и формы его выражения накладываются ограничения. У участников коммуникации и сторонних наблюдателей сформировано представление о том, какое поведение следует определять как непристойное и относящееся к категории высокой степени эксплицированности сексуальных смыслов. Тем самым порнографический текст (в силу социокультурной традиции) представляет собой самодостаточное произведение. Коммуникативная цель его создания и размещения определяется за счет декодирования заложенных в нем значений. Вербальные и невербальные средства выражения смыслов в рамках порнографического дискурса характеризуются эксплицитностью, что отражено на интенциональном уровне – практически любая манипуляция индивида со своим телом с целью удовлетворения сексуальных потребностей либо описание таковой предполагают однозначную интерпретацию материала – пример лингвистического (семиотического) анализа представлен в QR-code 1. Информация о размещении/распространении, об участниках коммуникации и их характеристиках является факультативной. Она расширяет экстралингвистический контекст, но не играет ключевой роли при определении прагматического аспекта порнографического текста.

QR-code 1: Пример лингвистического (семиотического) анализа материалов, содержащих признаки информации порнографического содержания

На первый взгляд в ситуации порноности табуированные смыслы претерпевают изменения. Создается впечатление, что ключевые трансформации происходят в плоскости прагматики: материалы помещаются в конфликтный контекст, что исключает возможность их размещения в сексуальных целях – происходит изменение его прагматического значения. И хотя распространяемая информация все еще соотносима с сексуальной тематикой и соответствует критериям непристойности и натуралистичности, при поверхностном анализе эксперт-лингвист может вынести отрицательный вывод о наличии в материале лингвистических (семиотических) признаков информации порнографического характера – пример такого ошибочного лингвистического (семиотического) анализа представлен в QR-code 2.

QR-code 2: Пример ошибочного лингвистического (семиотического) анализа материалов в рамках речевого жанра «порноность»

В случае с порноностью информация порнографического характера подвергается реконтекстуализации. Под реконтекстуализацией понимается процесс извлечения текста или его фрагмента из исходного контекста («source context») и размещение его в целевом контексте («destination context») [Chilton & Schäfner 2002: 17; Connolly 2014]. Предполагается, что при реконтекстуализации происходит подавление части смыслового потенциала за счет абстрагирования от исходного экстралингвистического фона в целях реконтекстуализирующего актора [Bernstein 1996: 24, 53; Chouliaraki & Fairclough 1999: 126]. Изменение контекста неизбежно влечет за собой ресемантизацию (процесс трансформации значения при помещении текста в целевой контекст). Однако степень трансформации значения – приобретение текстом дополнительных семантических приращений или утрата им исходных смыслов – зависит от того, (1) какой смысловой материал должен быть перемещен из исходного контекста (принцип «отбора» – «selection»/ «selective appropriation»), (2) в какой контекст он помещается (принцип «расположения» – «arrangement»/«relocation»), (3) какое значение намеревается актуализировать актор (принцип «актуализации» – «foregrounding»/«refocusing») и какая модальность с учетом нового социокультурного фактора должна быть

инкорпорирована (принцип «социальной реорганизации» – «social repositioning»/«abstraction») [Bezemer & Kress 2008; Bernstein 1996; Fryer 2016].

При помещении порнографического текста в конфликтогенный контекст происходит переосмысление социальной практики. Текст не только несет в себе табуированные смыслы, но и представляет собой социальное действие, в котором реализуются интенции коммуникантов. Закодированные смыслы представляют значимость для актора ввиду того, что их перемещение из сферы личного в сферу публичного способно нанести репутационный ущерб запечатленному лицу. В целевом контексте не только сохраняется порнографическое значение, но и актуализируется его табуированный аспект, что приводит к видоизменению эмотивного потенциала (выражение состояния сексуального возбуждения в исходном контексте преобразуется в источник негативных эмоций у адресатов) и определяет характер отношений между участниками коммуникативной ситуации.

Таким образом, при исследовании материалов, помещенных актором в ситуацию порномести, сначала требуется проведение анализа текста изолированно от контекста распространения. Деконтекстуализация материала в данном случае является необходимым этапом экспертного исследования и направлена на выявление свойств обнародованного текста, представляющих личный интерес для актора в силу появляющихся репутационных рисков для запечатленного лица. Последующий анализ контекста распространения скорее будет указывать на дополнительные смыслы, которые возникли в результате реконтекстуализации материалов, направлены на раскрытие характера отношений между участниками коммуникации и необходимы для установления всего спектра коммуникативных целей актора в условии множественной адресности – пример лингвистического (семиотического) анализа представлен в QR-code 3.

QR-code 3: Пример корректного лингвистического (семиотического) анализа материалов в рамках речевого жанра «порноместь»

Выводы

В ситуации порномести эксплуатируется табуированный аспект порнографических смыслов. В процессе переноса порнографического текста из исходного контекста (сферы межличностных или аутоличностных отношений) в целевой (например, в сферу массовой коммуникации) заложенные в нем смыслы не претерпевают трансформации (хотя и приобретают дополнительные семантические приращения), так как перенос порнографического содержания входит в целеустановку актора. В связи с этим при производстве лингвистической экспертизы / лингвистического исследования необходимо учитывать, что анализ текста на предмет содержания признаков информации порнографического характера должен сначала проводиться изолированно от контекста распространения. Конфликтогенный контекст, в который помещены порнографические смыслы, является вторичным по отношению к транслируемым значениям и содержит сведения о характере взаимодействия его участников, что является релевантным для установления всего спектра коммуникативных целей актора.

Понимание особенностей реконтекстуализации в рамках порнографического дискурса необходимо для комплексной оценки специфичных социальных практик и минимизации рисков экспертной ошибки. Вышеизложенные рекомендации можно также применять при исследовании схожих форм порнографической коммуникации, например порношантажа (секстортинг), кибербуллинга, скрытой рекламы сексуальных услуг, ситуации размещения порнографических материалов в треш-пабликах с целью привлечения внимания подписчиков.

Литература

- Bernstein B. *Pedagogy, Symbolic Control and Identity: Theory, Research, Critique*. London, 1996.
- Bezemer J. and Kress G. *Writing in multimodal texts: a social semiotic account of designs for learning / Written Communication*. – 2008. – 25(2) – Pp. 166-195.
- Boyd M. S., Monicelli C. *Genre In/Exclusion and Recontextualization: Interpreting at the Italian Ministry of Defense / Interpreting across Genres: Multiple Research Perspectives*, Trieste. – 2012. – Pp. 184-200.
- Chilton P. and Schäffner Ch. *Politics as Text and Talk: Analytic Approaches to Political Discourse*. Amsterdam and Philadelphia, 2002.
- Chouliaraki L. & Fairclough N. *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh, 1999.
- Connolly J.H. *Recontextualisation, resemiotisation and their analysis in terms of an FDG-based framework / The interaction between context and grammar in Functional Discourse Grammar. Pragmatics*. – 2014. – 24:2. – Pp. 377-397.
- Fryer D. L. *Cut and paste: recontextualizing meaning-material in a digital context. / Systemic Functional Linguistics in the Digital Age*. Sheffield. – 2016. – Pp. 151-165.

- Goffman E. Stigma. Über Techniken der Bewältigung beschädigter Identität, Frankfurt/Main.
- Haynes J. Judicial approaches to combating "revenge porn": a multi-jurisdictional perspective / Commonwealth Law Bulletin. – 2018. – 44(3). – Pp. 400–428. doi:10.1080/03050718.2019.1635034
- Mckinlay T. & Lavis T. Why did she send it in the first place? Victim blame in the context of "revenge porn." / Psychiatry, Psychology and Law. – 2020 – Pp. 1–11. doi:10.1080/13218719.2020.1734977
- Pavón-Benítez L., Romo-Avilés N., & Tarancón G. "In my village everything is known": sexting and revenge porn in young people from rural Spain / Feminist Media Studies. – 2021 – Pp. 1–17. doi:10.1080/14680777.2021.1935290
- Langlois G., & Slane A. Economies of reputation: the case of revenge porn / Communication and Critical/Cultural Studies. – 2017. – 14(2). – Pp. 120–138. doi:10.1080/14791420.2016.1273534
- Serpe C. & Brown C. The Objectification and Blame of Sexually Diverse Women who are Revenge Porn Victims / Journal of Gay & Lesbian Social Services. – 2021. – Pp. 1–23. doi:10.1080/10538720.2021.1911901
- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2018.
- Волкова А. Е. Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности / Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2011. – №4. – С. 134–141.
- Гергилов Р. Е. Стыд: социологическая перспектива / Мониторинг. – 2017. – №2 (138). – С. 115–127.
- Голованова Н. А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение / Журнал российского права. – 2018. – №8 (260). – С. 113–123.
- Голованова Н. А. Новые формы онлайн-преступности за рубежом / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – №3. – С. 42–57.
- Ильницкий А. С. Криминологические риски интимной коммуникации в сети интернет / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №9. – С. 106–109.
- Корнилова И. Г. Теоретические и практические основы формирования экспертной методики исследования информации порнографического характера. Махачкала, 2019.
- Мартемьянова С. С. Интерпретация медиатекста как инструмент имплицитного убеждения / Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №3. – С. 73–77
- Нагаев В. В. Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертизы. Монография. М., 2009.
- Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе / Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – №4. – С. 83–93.
- Юрченко И. А. Сталкер как субъект уголовной ответственности / Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – №12 (52). – С. 53–61.

References

- Baranov, A. N. (2008). Linguistic examination of the text. Theoretical foundations and practice. Moscow (in Russian).
- Bernstein, B. (1996). Pedagogy, Symbolic Control and Identity: Theory, Research, Critique. London.
- Bezemer, J. and Kress, G. (2008). Writing in multimodal texts: a social semiotic account of designs for learning. Written Communication, 25(2), 166-195.
- Boyd, M. S., Monicelli, C. (2012). Genre In/Exclusion and Recontextualization: Interpreting at the Italian Ministry of Defense", in: Cynthia J. Kellett Bidoli (a cura di), "Interpreting across Genres: Multiple Research Perspectives", Trieste, 184-200.
- Chernyavskaya, V. E. (2017). Context operationalization in discursive analysis / Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology, 4, 83–93 (in Russian).
- Chilton, P. and Schäffner, Ch. (2002). Politics as Text and Talk: Analytic Approaches to Political Discourse. Amsterdam and Philadelphia.
- Chouliaraki, L. & Fairclough, N. (1999). Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh.
- Connolly, J. H. (2014). Recontextualisation, resemiotisation and their analysis in terms of an FDG-based framework. The interaction between context and grammar in Functional Discourse Grammar. Pragmatics, 24:2, 377–397.
- Fryer, D. L. (2016). Cut and paste: recontextualizing meaningmaterial in a digital context. Systemic Functional Linguistics in the Digital Age, 151-165.
- Gergilov, R. E. (2017). Shame: a sociological perspective. Monitoring, 2 (138), 115–127 (in Russian).
- Goffman, E. (1970). Stigma. Über Techniken der Bewältigung beschädigter Identität, Frankfurt/Main.
- Golovanova, N. A. (2018). Problems of combating bullying: a legislative solution. Journal of Russian Law, 8 (260), 113–123 (in Russian).
- Golovanova, N. A. (2019). New forms of online crime abroad. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, 3, 42–57 (in Russian).
- Haynes, J. (2018). Judicial approaches to combating "revenge porn": a multi-jurisdictional perspective. Commonwealth Law Bulletin, 44(3), 400–428. doi:10.1080/03050718.2019.1635034
- Il'nitsky, A. S. (2021). Criminological risks of intimate communication on the Internet. Humanitarian, socio-economic and social sciences, 9, 106–109 (in Russian).
- Kornilova, I. G. (2019). Theoretical and practical foundations for the formation of an expert methodology for the study of information of a pornographic nature. Makhachkala (in Russian).

-
- Langlois, G., & Slane, A. (2017). Economies of reputation: the case of revenge porn. *Communication and Critical/Cultural Studies*, 14(2), 120–138. doi:10.1080/14791420.2016.1273534
- Martemyanova, S. S. (2013). Interpretation of media text as a tool for implicit persuasion. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*, 3, 73–77 (in Russian).
- Mckinlay, T., & Lavis, T. (2020). Why did she send it in the first place? Victim blame in the context of “revenge porn.” *Psychiatry, Psychology and Law*, 1–11. doi:10.1080/13218719.2020.1734977
- Nagaev, V. V. (2009). *Erotica and pornography. Criteria for differences. Problems of legal assessment and expertise. Monograph. Moscow* (in Russian).
- Pavón-Benítez, L., Romo-Avilés, N., & Tarancón Gómez, P. (2021). “In my village everything is known”: sexting and revenge porn in young people from rural Spain. *Feminist Media Studies*, 1–17. doi:10.1080/14680777.2021.1935290
- Serpe, C. & Brown, C. (2021). The Objectification and Blame of Sexually Diverse Women who are Revenge Porn Victims. *Journal of Gay & Lesbian Social Services*, 1–23. doi:10.1080/10538720.2021.1911901
- Volkova, A. E. (2011). Ways of expressing indirect motivation in statements of varying degrees of categoricalness / *Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin*, 4, 134-141 (in Russian).
- Yurchenko, I. A. (2018). Stalker as a subject of criminal liability / *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin*, 12 (52), 53–61 (in Russian).
-

Citation:

Зайцева О.В., Катышев П.А. Порноместь: к проблеме лингвистического анализа материалов порнографического содержания // *Юрислингвистика*. – 2023. – 30. – С. 71-77.

Zaytseva O.V., Katyshev P.A. (2023) Revenge Porn: On the Problem of Linguistic Analysis of Pornographic Content. *Legal Linguistics*, 30, 71-77.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проблемы использования специальных знаний при производстве лингвистических экспертиз

А. О. Манькова

*Лаборатория лингвистических и фоноскопических экспертиз LITERA.EXPERT
ул. Советская, 1а, 238580, Янтарный, Калининградская область, Россия. E-mail:
a.o.mankova@gmail.com*

В статье описаны проблемы использования специальных знаний при производстве лингвистических экспертиз в разрезе процессуального аспекта судебно-экспертной деятельности, а также уровня профессиональной компетенции сведущего лица. Отмечено, что в рамках судебного процесса возможность применения специальных знаний у негосударственных экспертов находится в зависимости от того, кто является инициатором проведения исследования: суд, сторона обвинения или сторона защиты. Рассмотрено понятие «эксперт» в значениях «процессуальный статус», «квалификация по диплому об образовании» и «должность в экспертном учреждении». Приведены случаи из практики автора, раскрывающие примеры ошибок, связанных с некорректным установлением объекта исследования и соблюдением границ экспертной специальности.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, специальные знания, процессуальный статус, состязательность сторон, экспертные ошибки, негосударственный эксперт.

Using Expertise in Performing Linguistic Examination

A. O. Mankova

*Linguistic and Phonoscopic Examination Laboratory LITERA.EXPERT
1a Sovyetskaya St., 238580, Yantarny, Kaliningrad Oblast, Russia. E-mail: a.o.mankova@gmail.com*

The article describes the usage of expertise in performing linguistic examination in regards to the procedural aspect of forensic practice, as well as the level of expert's professional competence. The possibility for non-state experts to apply their specialized knowledge during a trial is noted to depend on who initiates the examination – the court, the prosecution or the defence. The notions of “an expert” in the sense of “standing in the proceedings”, “qualifications as per graduation certificate” and “official capacity at an expert institution” are analysed. The author provides cases from personal practice which expose errors related to competent establishment of an object of examination and to remaining within the boundaries of expert speciality.

Key words: linguistic examination, expertise, standing, adversary system, expert error, private expert.

Проблемы использования специальных знаний во многом сопряжены с процессуальным аспектом экспертной деятельности. Прежде всего, это касается статуса лица, проводящего исследование. Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности» (далее – ГСЭД) закреплено, что эксперт может быть государственным или негосударственным. В первом случае, находясь на службе в каком-либо ведомстве, он имеет процессуальный статус, уровень его компетенции подтверждается руководителем экспертного учреждения, проводимое им исследование является доказательством, оформляется заключением эксперта и обязательно для приобщения к материалам уголовного дела.

Деятельность негосударственного эксперта также регламентируется положениями ГСЭД. Однако возможность приобретения им процессуального статуса зависит от того, кто выступает инициатором проведения исследования. Обращение со стороны адвоката, в отличие от суда или стороны обвинения, не наделяет сведущее лицо процессуальным статусом, результат его дальнейшей работы не имеет априорного доказательственного значения, а вопрос о приобщении к материалам дела на практике решается по усмотрению суда. При этом уровень квалификации эксперта и объем его специальных знаний остаются неизменными вне зависимости от того, кто назначил проведение исследования.

Согласно квалификационным требованиям, изложенным в статье 13 ГСЭД, государственному эксперту достаточно иметь высшее и дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности. В законе отсутствует указание на необходимость соответствия между специальностью по диплому и родом проведенной экспертизы. Часто это приводит к тому, что лингвистические экспертизы выполняют, например, дипломированные специалисты в области физики. Формально нарушением это не является. Однако и в профессиональной среде, и в судебном процессе такое положение дел может восприниматься критически. Одновременно с этим эксперты, ведущие частную практику, нередко по собственной инициативе в дополнение к университетскому обучению систематически проходят курсы повышения квалификации, становятся членами авторитетных профессиональных сообществ и получают ученую степень.

Таким образом, проблема использования специальных знаний в рамках судебно-экспертной деятельности состоит, прежде всего, в неочевидной возможности их применения, поскольку правом предупреждать об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и разъяснять эксперту его права и обязанности обладают суд, представители следственных органов и руководитель экспертного учреждения; адвокат же таким правом не наделен. Это обстоятельство, с точки зрения судебного процесса, определяет, кто из обладателей специальных знаний является экспертом, а кто нет.

Путаница возникает также в связи со смешением понятий процессуального статуса, должности и полученной профессии. Например, выпускники юридических вузов, прошедшие подготовку по экспертному профилю, могут иметь диплом о высшем образовании по специальности «Речеведческие экспертизы». При этом в рамках судебного процесса наличие профильного образования не наделяет его обладателя должным статусом. Подобная ситуация наблюдается и с лицами, занимающими должность эксперта в негосударственных экспертных учреждениях. Приказ руководителя организации о приеме на работу также не означает получение сотрудником процессуального статуса.

Такое положение дел актуализирует попытки негосударственных экспертов определить свое место в уголовно-процессуальной системе. Среди них, например, добровольная сертификация – процедура, прохождение которой позволяет получить сертификат соответствия требованиям стандарта при осуществлении судебно-экспертной деятельности. Обладатель этого документа может подписывать подготовленное им заключение как «сертифицированный эксперт», а само заключение именовать актом лингвистического исследования. Подобные меры формально позволяют частным экспертам оставаться в правовом поле, но к системному решению проблемы не приводят.

Рассуждения о специальных знаниях и проблемах, возникающих при их использовании, требует, прежде всего, дефинирования этого понятия. Остановимся на определении, предложенном Е. И. Галяшиной. Специальными знаниями ученый называет «систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки, техники, искусства, ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства» [Галяшина 2022: 194]. Применительно к судебной лингвистике предложенная дефиниция может быть конкретизирована: важно наличие не только диплома о высшем филологическом или лингвистическом (не обязательно – экспертном) образовании, но и умение применить профессиональные знания для решения задач в рамках судебного процесса. Иными словами, как таковой анализ текста, без учета юридических обстоятельств конкретной ситуации, в рамках экспертной деятельности значения не имеет.

В этой связи существенными представляются сведения, указанные в постановлении о назначении экспертизы. Прежде всего это касается вида экспертизы, заданных вопросов и обозначенных объектов исследования. При кажущейся очевидности навык эксперта вычленять из постановления эту информацию позволяет на практике избежать серьезных ошибок.

Инициаторы, как правило, рассуждают в рамках правовых понятий, что неизбежно отражается в формулировках вопросов, поставленных на исследование. Однако эксперту важно понимать и выдерживать свой процессуальный статус, а также не нарушать пределы своей компетенции. Приведем примеры некорректных для лингвистического исследования вопросов:

- является ли текст клеветой;
- содержатся ли в тексте признаки экстремизма;
- имеются ли высказывания, подтверждающие осведомленность Иванова о незаконности выполнения строительно-монтажных работ?

Недопустимость формулировок в приведенных первых двух примерах состоит в использовании правовых понятий. В приведенной редакции вопросов эксперту фактически предлагается квалифицировать речевое деяние как преступление. В третьем вопросе смоделирована ситуация, при которой следователь поручает эксперту, во-первых, установить соответствие представленных сведений действительности, во-вторых, определить совершение описанных действий как незаконное. Норма, запрещающая оценивать деяния с точки зрения правоприменения, содержится п. 4 Постановления Пленума Верховного суда №28 от 21.12.2010 года «О судебной экспертизе по уголовным делам»: «Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда, как не входящих в его компетенцию, не допускается».

Случается, что формулировки вопросов не соотносятся с родом назначенной экспертизы. Наиболее частые случаи связаны со смешением лингвистики и психологии. Приведем пример такого вопроса:

- имеются ли высказывания, направленные на убеждение собеседника в обоснованности увеличения цены?

Вопросы, связанные с направленностью, формированием мнения, восприятием того или иного текста, требуют специальных знаний в области психологии. В последнее время наблюдается активное вхождение в экспертную практику психолого-лингвистических исследований. Это стимулирует действующих экспертов-лингвистов получать образование психолога, чтобы иметь возможность проведения комплексных экспертиз. Формально ГСЭД не запрещает выполнять комплексную экспертизу одним экспертом при наличии у него образования по соответствующим специальностям. Однако если в постановлении назначено проведение лингвистической, а не психолого-лингвистической экспертизы, вопросы направленности или восприятия лингвистом решаться не могут. Описанный случай формально не будет нарушать положение указанного выше Постановления Пленума ВС о том, что «вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний» [Постановления Пленума ВС №28 от 21.12.2010 года «О судебной экспертизе по уголовным делам», п. 4]. Однако, как видим, ошибка может содержаться не столько в формулировке вопроса, сколько в соответствии заявленному роду экспертизы.

Решением подобных проблем может стать налаживание взаимодействия эксперта со следователями и адвокатами. Практика предварительного консультирования позволяет оценить текст, подлежащий исследованию, на пригодность, корректно сформулировать вопросы и сэкономить время. Ознакомление заинтересованных лиц с постановлением о назначении экспертизы, ожидание в очереди среди уже находящихся в производстве экспертной лаборатории материалов, собственно проведение исследования может занимать месяцы. При условии неопытности инициатора или отсутствия его взаимодействия с экспертом происходит неизбежное затягивание процесса в целом и более длительное нахождение обвиняемого под стражей в частности.

Корректное установление объекта исследования является еще одним важнейшим навыком эксперта, позволяющим минимизировать проблемы использования специальных знаний. Нередко при назначении лингвистической экспертизы следователи предоставляют фонограмму, записанную на материальном носителе, и протокол осмотра вещественного доказательства, в котором приводится стенограмма разговора. Таким образом эксперт получает в распоряжение устный (аудиозапись) и письменный (стенограмма) тексты. Объектом исследования является тот из них, который непосредственно фиксирует коммуникативное событие. Стенограмма в этом случае выступает как вспомогательный элемент, являющийся результатом соблюдения процессуального порядка и в некоторых случаях позволяющий эксперту предварительно оценить текст.

Вторичность стенограммы для экспертного исследования состоит в том, что составляющее ее лицо (сотрудник оперативно-следственных органов), как правило, не обладает специфическим слуховым опытом. Речь идет не только об остроте восприятия и умении сегментировать речевой поток в условиях низкого качества фонограммы, но и о корректной фиксации условий акустической обстановки, десемантизированной лексики, особенностей произношения слов, индивидуальной паузации, имеющей значение для решения экспертной задачи. Кроме этого, следователи нередко пренебрегают фрагментами диалога, которые, по их мнению, не имеют отношения к расследованию уголовного дела, а для эксперта они могут стать источником важной идентифицирующей или ситуалогической информации.

Собственноручно составленный экспертом протокол дословного содержания устного текста, с одной стороны, обеспечивает ему уверенность в правильной передаче необходимых признаков, которые лягут в основу исследования, с другой стороны – реализацию нормы ГСЭД о независимости эксперта.

На необходимость составления протокола дословного содержания фонограммы указывают разные методики, рекомендующие порядок действий при работе со звукозаписями. Например, разработанная в МВД РФ типовая экспертная методика «Техническое исследование фонограмм» рекомендует «использовать текст установленного дословного содержания при исследовании устного текста во всех аспектах при производстве судебной лингвистической экспертизы» [Хуртилов и др. 2010: 480]. В книге «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму», изданной в Минюсте РФ, рекомендуется «выполнить расшифровку записи с помощью экспертоучастия фонографиста; выполнить расшифровку записи самому эксперту-лингвисту в том случае, если он аттестован по специальности 7.1 «Исследование голоса и звучащей речи»» [Кукушкина и др. 2011: 204].

Приведем пример экспертных ошибок, которые стали возможны в результате невнимательного ознакомления с постановлением о назначении экспертизы и несоставления экспертом-лингвистом протокола дословного содержания текста. Описанный случай взят из практики автора в ходе проведения научно-методического рецензирования на основании адвокатского запроса.

Согласно постановлению, на исследование был поставлен вопрос о наличии определенных высказываний в «разговоре, содержащемся в аудиофайле». В распоряжение эксперта были переданы копия оптического диска и справка о результате оперативно-розыскного мероприятия со стенограммой телефонного разговора. При ознакомлении с материалами эксперт ограничился описанием бумажного конверта и внешнего вида диска, но не привел описание объекта исследования. В заключении не было отражено содержание полученного диска: отсутствовали сведения о том, были ли на этом диске зафиксированы какие-либо файлы, а также количество этих файлов, наименования, формат, размер, длительность, текстовые границы и хэш-суммы.

Несмотря на прямое указание в постановлении исследовать аудиофайлы, в заключении сообщалось, что лингвистическому анализу подвергался текст стенограммы, который «соответствует содержанию диска». Однако протоколы дословного содержания звучащей речи в экспертизе отсутствовали, поэтому установить, каким именно образом эксперт пришел к выводу о соответствии аудиозаписи и стенограммы, невозможно.

Кроме того, эксперт указал, что «при необходимости» откорректировал ошибки в стенограмме. Согласно ст. 16 ФЗ ГСЭД, эксперт обязан обеспечить сохранность предоставленных объектов исследования. Положением той же статьи закреплено, что эксперт не вправе существенно изменять свойства объекта исследования без разрешения лица, назначившего экспертизу. В постановлении о назначении экспертизы такого разрешения зафиксировано не было, а содержание заключения не позволило установить существенность изменений, которым эксперт подверг письменный текст.

Ознакомление с текстом стенограммы без соотнесения ее содержания с аудиозаписью показало дублирование двух листов, что свидетельствовало о наличии признаков некорректного составления документа. Этого обстоятельства уже было достаточно для того, чтобы эксперт подверг текст стенограммы сомнению и собственноручно составил протокол дословного содержания устной речи.

Описанный случай демонстрирует пример грубой ошибки, когда эксперт фактически совершил подмену объекта исследования, во-первых, проигнорировав содержание вопроса и исследовав стенограмму вместо аудиозаписи, а во-вторых, подвергнув письменный текст изменениям. Проблема использования специальных знаний в этой части состоит в том, что эксперт, несмотря на умение проводить глубокий лингвистический анализ, допустил коренную ошибку перед началом исследования и предоставил тем самым участникам судебного процесса повод сомневаться в результатах экспертизы.

Задачей экспертной деятельности, согласно ст. 2 ГСЭД, является оказание содействия в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию посредством решения вопросов, требующих специальных знаний. Исходя из материалов, имеющихся в уголовном деле, может быть назначен тот или иной род экспертизы для доказательства вины или невиновности человека. Приведем пример из экспертной практики автора, когда лингвистическое исследование, проведенное по инициативе адвоката, выступило противовесом в ряду множества судебных экспертиз, назначенных следователем.

В ходе расследования уголовного дела по статье о незаконном производстве наркотических средств было проведено прослушивание телефонных переговоров с последующим обыском квартиры. В результате следственных действий у подозреваемого изъяты оборудование (канистры, плиту, колбы, порошок, посуду) и листы с рукописным текстом, содержащим инструкцию по производству предположительно наркотического вещества. По инициативе следователя были проведены химическая, дактилоскопическая, почерковедческая и фоноскопическая экспертизы.

Химическая экспертиза позволила установить, что вещество, имеющееся на поверхности изъятого оборудования, является наркотическим. В ходе проведения дактилоскопической экспертизы изъятые отпечатки следов пальцев рук были признаны принадлежащими одному из фигурантов. При помощи исследования рукописного текста было определено, что инструкция написана почерком обвиняемого. В рамках фоноскопической экспертизы было проведено техническое исследование фонограммы и идентификация по голосу и речи. В результате признаков монтажа обнаружено не было, а сравнение аудиозаписи и образцов голоса показало совпадение всех признаков на каждом речевом уровне.

Лингвистическое исследование в материалах дела появилось в результате ходатайства адвоката. Экспертному анализу подверглась аудиозапись, полученная в ходе прослушивания телефонных переговоров и ранее уже бывшая объектом исследования фоноскопической экспертизы. Перед лингвистом стояла задача проанализировать устный текст на наличие признаков маскировки содержательных элементов и сведений о процессе изготовления наркотического средства.

Анализ текста показал, что разговор представляет собой опосредованный диалог двух лиц с мужским типом голоса. Обращаясь друг к другу на «ты», коммуниканты не называли имен, прозвищ, топонимов и временных маркеров. Темой разговора являлось обсуждение последовательности действий одного из собеседников по изготовлению неназванного вещества.

Пропуск слов, использование местоимений в отношении обсуждаемого вещества и отсутствие прямых номинаций свидетельствовало об осведомленности собеседников относительно предмета речи. Логические связи между предложениями и их частями в тексте были сохранены, а эмоциональная реакция соответствовала логике и тематике разговора. Корректные ответные реплики, малая длительность, одобрение одним собеседником действий другого, большая осведомленность одного из коммуникантов демонстрировали, что для понимания друг друга более детальное обсуждение являлось избыточным и в маскировке предмета речи у собеседников не было необходимости.

Установить, идет ли речь именно об изготовлении наркотического средства, оказалось невозможным, поскольку прямое упоминание номинаций «наркотическое средство» («наркотик»), а также указания на какой-либо объект с признаками, свойственными наркотикам (вещество, которое парализует нервную систему, вызывает возбуждение, непреодолимое влечение и приводит к тяжелым нарушениям в организме [Ефремова Т. 1. 2000: 955-956]), отсутствовали.

Выстраивание обсуждаемых действий по изготовлению неназванного вещества в хронологическом порядке показало, что в момент разговора процесс изготовления находился на промежуточной стадии. На предшествующих этапах, которые происходили до начала разговора, с веществом произошла некоторая реакция, в результате которой оно подверглось изменениям. Будущими действиями коммуниканты называли долитие к веществу воды и выливание чего-то жидкого в некоторую емкость. В результате действий с веществом происходило затвердение, изменение концентрации, появление новых слоев, отделение одного вещества от другого. В результате проведенного лингвистического исследования был сделан вывод о том, что признаки маскировки и номинации, указывающие на

наркотическое средство, в устном тексте отсутствуют, а описанные процессы и действия не могут быть однозначно соотнесены с производством именно наркотического вещества.

Описанный случай позволил посмотреть на проблему использования специальных знаний под дополнительным углом. С одной стороны, экспертиза может служить источником укрепления позиции. С другой стороны, при наличии в материалах дела экспертиз разной родовой принадлежности (например фоноскопической, почерковедческой, химической и дактилоскопической), доказывающих виновность, проведение другого вида исследования (например лингвистического) может служить противовесом, в результате чего у адвоката появляется дополнительный аргумент в защиту обвиняемого.

Таким образом, успешное применение специальных знаний во многом зависит от процессуального аспекта деятельности. В случае назначения исследования стороной защиты, несмотря на высокий уровень подготовки сведущего лица, задача экспертной деятельности на практике реализуется не в полной мере – адвокаты не уполномочены разъяснять эксперту его права и обязанности, что нередко приводит к нарушению декларируемого в судопроизводстве принципа состязательности сторон.

Кроме процессуального аспекта, проблема использования специальных знаний соотносится и с уровнем профессиональной компетенции самого эксперта. Внимательное ознакомление с постановлением о назначении экспертизы, решение вопросов в рамках своей специальности и корректное установление объекта исследования позволят подобрать эффективные методы исследования, избежать грубых ошибок при проведении анализа и формулировании выводов, а значит – дать обоснованное и объективное заключение.

Литература

Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза. М., 2022.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2 т. М., 2000.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2010 года №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Федеральный закон от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Хуртилов В. О., Назарова Т. В., Манянин П. А., Серебряков И. А., Лебедев К. А. Техническое исследование фонограмм / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1. М., 2010.

References

Federal Law from 18.12.2001 №174-FL (rev. from 28.04.2023) "The Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (in Russian).

Federal Law from 31.05.2001 №73-FL (rev. from 01.07.2021) "On State Forensic Expert Practice in the Russian Federation" (in Russian).

Galyashina, E. I. (2022). Forensic Linguistic Examination. Moscow (in Russian).

Khurtilov, V. O., Nazarova, T. V., Manyanin, P. A., Serebryakov, I. A. Lebedev, K. A. (2010). Technical Examination of Phonograms. Model Expert Techniques of Examining Physical Evidence. Part 1. Moscow (in Russian).

Kukushkina, O. V., Safonova, U. A., Sekerazh, T. N. (2011). The Theoretical and Methodical Basics of Forensic Psychological and Linguistic Examination in Cases Related to Countering Extremism. Moscow (in Russian).

Ruling of Supreme Court of Russian Federation from 21 December 2010 №28 "On Forensic Examination in Criminal Cases" (in Russian).

Yefremova, T. F. (2000). A New Dictionary of the Russian Language. Definitions and Guidance. In 2 vol. Moscow (in Russian).

Citation:

Манькова А.О. Проблемы использования специальных знаний при производстве лингвистических экспертиз // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 78-82.

Mankova A.O. (2023) Using Expertise in Performing Linguistic Examination. Legal Linguistics, 30, 78-82.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Идентификационные признаки в судебной экспертизе заимствования текста

Е. В. Новожилова

*Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, 125997, Москва, Россия. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru*

В статье в рамках теории криминалистической идентификации, с опорой на труды известного ученого-криминалиста проф. В. Я. Колдина (1925–2020) рассматриваются признаки, с которыми судебный эксперт работает, обнаруживая текстовые заимствования (копипасту и плагиат).

Предлагается оптимальная классификация идентификационных признаков: шесть групп – посимвольное совпадение текста, опечатки, пунктуационные ошибки, грамматические ошибки, речевые и логические ошибки, иные особенности речи. Автор предлагает использовать термин «эрративный метод» в экспертизе заимствований. Идентификационные признаки рассматриваются с точки зрения их пригодности для исследования – специфичности, выраженности и устойчивости.

При этом подчеркиваются отличия экспертизы текстовых заимствований от традиционной судебной автороведческой экспертизы: разные идентифицируемые объекты (соответственно текст и человек), разные свойства этих объектов и, следовательно, разные признаки. Автор анализирует классификации идентификационных признаков из важнейших научных и методических пособий по судебному автороведению (на русском языке), сопоставляет эти классификации с приводимой в статье и делает вывод о принципиальных различиях комплексов признаков.

В статье резюмируется, что предложенный комплекс признаков обеспечивает значительную идентификационную избыточность материала – по контрасту и с традиционным автороведением, и вообще с большинством судебных экспертиз. Эта избыточность позволяет эксперту-речеведу сделать надежный вывод о неслучайности совпадения признаков, то есть о тождестве заимствованного текста.

Ключевые слова: судебное речеведение, судебное автороведение, криминалистическая идентификация, признак, ошибка.

Identification Features in Forensic Examination of Text Borrowing

E. V. Novozhilova

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru*

In the article, within the framework of the theory of criminalistic identification, based on works of the well-known criminalist scientist Prof. Valentin Koldin (1925–2020), we consider the features that a forensic expert works with when detecting textual borrowings (copy-paste and plagiarism).

An optimal classification of identification features put into six groups is proposed: text coincidence at character level, misprints, punctuation errors, grammatical errors, speech and logical errors, and other speech features. The author suggests using the term "errative method" in the examination of borrowings and considers identification features in terms of their suitability for research – specificity, manifestation, and stability.

At the same time, the differences between the examination of text borrowings and the traditional forensic authorship examination are emphasized: different identifiable objects (text and person, respectively), different properties of these objects, and, consequently, different features. The author analyzes the classifications of identification features represented in the most important scientific and methodological manuals on forensic authorship examination (in Russian), compares these classifications with the one given in the article, and concludes about the fundamental differences of the feature complexes.

The article concludes that the proposed set of features provides a significant identification redundancy of the material – in contrast to both traditional authorship examination and, in general, to the majority of forensic enquiries. This redundancy allows the expert to make a reliable conclusion about the non-randomness of the coincidence of features, that is, about the identity of the borrowed text.

Key words: forensic speech examination, forensic authorship examination, criminalistic identification, feature, error.

В судебно-экспертных задачах на заимствование текста (плагиат, копипаста) решается вопрос, являются ли речевые произведения независимо созданными или же они были скопированы одно с другого. Эти задачи предполагают работу с письменной речью *per se* и, на наш взгляд, практически не требуют исследования внетекстовой реальности – языковой личности автора, его речевых навыков и т. п.

Хотя многие филологи и решают подобные задачи через языковую личность (подробнее см., например: [Абрамкина 2017], [Абрамкина 2019]) – с таким подходом трудно согласиться. Во-первых, здесь человек (автор) не является идентифицируемым объектом, а значит, его личность и свойства не имеют значения. Идентифицируемый объект здесь – текст, который заимствуется, а свойства – это вся полнота его речевого выражения. В рамках экспертизы заимствований должно устанавливаться не тождество лица, а лишь тождество заимствованного текста (из чего с неизбежностью будет следовать тождество его авторского состава): здесь процедура идентификации короче, чем в традиционном автороведении. Во-вторых, языковая личность автора не всегда проявляется на письме достаточно ясно, а в случае коллективного авторства определить идиостиль каждого из писавших документ невозможно – при этом копипасту, то есть тождество текста в ряду документов, по-прежнему легко обнаружить. Такие задачи целесообразно решать через признаки самого текста.

Письменный текст на естественном языке похож на папиллярный узор – в том смысле, что каждый независимо возникший текстовый объект уникален. В криминалистике и судебной экспертизе уникальность – это неповторимая совокупность признаков, называемых идентификационными. Идентификационные признаки – «воспринимаемая непосредственно и представленная в форме сигналов любой физической природы информация о свойствах идентифицируемого объекта, которая может быть использована для отождествления» [Колдин 2003: 26]. Неуникальность же означает, что такой совокупности нет – либо возникло случайное совпадение, либо перед нами один и тот же объект в двух разных проявлениях.

Текст многомерен, и эксперту-речеведу необходимо учитывать его признаки, содержащиеся в разных информационных полях. И важнейшее информационное поле – это сам текст как ограниченная последовательность символов и пробелов. В данном случае, несмотря на то что текст – это знаки и значения, эксперт должен рассматривать последовательность не как знаковую, а как ряд физических сигналов (сигнальная форма выражения идентификационной информации) [Колдин 2003: 28, 34]. Этому информационному полю соответствует важнейший признак – *посимвольное совпадение* текста или фрагмента текста.

Все прочие признаки требуют учета значений.

Промежуточное положение между посимвольным совпадением и остальными признаками занимают *опечатки* (*описки*). Здесь эксперт работает с тем же информационным полем – текстом как последовательностью сигналов, – но для того чтобы обнаружить признак, требуются специальные филологические знания и анализ знаков и значений: необходимо отличить опечатку от правильного написания, с одной стороны, и от ошибки правописания – с другой.

Опечатка – это непреднамеренная ошибка при письме, печатании, компьютерном наборе текста. Ее результат – пропуск буквы, лишняя буква, отсутствие или кратное увеличение пробела между словами, лишний пробел между словом и знаком препинания, пропуск, искажение, удвоение слова и т. п. Однотипные опечатки на протяжении текста свидетельствуют о том, что автор ошибся при использовании функции автозамены. Разновидностью опечатки является так называемая *глазная ошибка*, зрительно похожая на верное написание («гнедой конб»).

Прочие признаки связаны с традиционными для судебного речеведения информационными полями и с морфемным, лексическим и синтаксическим уровнями языка. Поиск здесь сводится к так называемому эрративному подходу, в основе которого – различие нормы и отклонения в речи. Вслед за С. И. Крассой [Красса 2023: 107–108] назовем этот поиск методом эрративного анализа – или можно назвать еще короче, эрративным методом.

Норма, нормативное правописание – это то, к чему пишущий и сознательно, и неосознанно стремится. Такое стремление формируют три обстоятельства:

1. Языковая норма (лингвистическое понятие) – «совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом» [ЛЭС 1990: 337]. Это и сами языковые средства, и рамки их употребления, и тенденции их отбора и изменения. Языковой норме свойственна историческая устойчивость, благодаря которой создается национальный литературный язык; т. е. это максимально широкое и мощное явление.

2. Добросовестность при общении. Прежде всего это принцип кооперации Г. Грайса – один из его постулатов требует для успешного общения выражаться ясно, избегать непонятных и неоднозначных высказываний [Грайс 1985: 223]. Наряду с этим люди стремятся соблюдать речевой этикет.

3. Обучение правописанию. В частности, каждый носитель языка добровольно (или не вполне добровольно) проходил такое обучение в средней школе – и получил информацию о норме как знания или как речевые автоматизмы.

Однако абсолютная норма представляет собой недостижимый идеал, и любой реальный текст будет отклоняться от нее. Эти отклонения бесконечно разнообразны, и не имеет значения, являются ли они систематическими или несистематическими (errors vs mistakes) [Corder 1967: 166–167]. Их возникновение в речи практически не зависит от воли автора и не регулируется им: в отличие от нормы к отклонениям не стремятся, они почти всегда возникают вопреки желаниям пишущего, поэтому имеют высокую информационную значимость и могут использоваться в качестве идентификационных признаков при решении вопроса о тождестве текста.

Помимо опечаток такими признаками являются:

- пунктуационные ошибки;
- грамматические ошибки;
- речевые ошибки;
- логические ошибки;
- иные особенности речи.

Это простейшая и наиболее удобная классификация, основанная на отраслевом делении теоретической лингвистики. Кроме того, это вариант общепринятой практической классификации ошибок: аналогичные группы выделяют, в частности, учителя русского языка при проверке и оценке заданий на школьном выпускном экзамене – ЕГЭ.

Пунктуационные ошибки возникают при неправильном употреблении знаков препинания, используемых в русском языке, – знаков завершения (точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие), разделения (запятая, двоеточие, точка с запятой, тире) или выделения (запятая, кавычки, скобки, тире). Знаки препинания выполняют в письменной речи две функции. Смыслоразличительная функция помогает верно передать суть, придать однозначный смысл высказыванию: без знака препинания фраза осталась бы непонятной (ср. известное «Казнить нельзя помиловать»). Интонационно-экспрессивная функция – пунктуация в конце предложения обозначает цель высказывания (сообщение, вопрос или побуждение к действию) и интонацию речи, в середине предложения расставляет интонационные и эмоциональные акценты (восхищение, недовольство, радость, удивление и др.). В русском языке употребление знаков препинания в смыслоразличительной функции жестко регламентировано, и отклонения от нормы считаются ошибками, а употребление в интонационно-экспрессивной функции не подчиняется строгим правилам.

Грамматические ошибки появляются из-за невладения правилами правописания. Это ошибки в структуре языковой единицы (слова, словосочетания или предложения), то есть нарушения словообразовательных, морфологических или синтаксических норм – например ошибочное словообразование («подчерк»), нарушения норм согласования или управления слов («группа увлекались», «все удивились его красотой»), ошибки в построении сложного предложения («Книга научила меня ценить дружбу, которую я прочитал еще в детстве») и т. п.

Речевые ошибки возникают при неправильном использовании лексических ресурсов русского языка (неправильном словоупотреблении), когда автор не полностью понимает то или иное слово, выражение. Нарушения лексических норм – употребление слова в несвойственном ему значении («благодаря пожару лес сгорел»), плеоназм («мертвый труп»), неразличение паронимов («были приняты эффективные меры») и мн. др.

В ту же группу следует поместить и *логические ошибки*, поскольку очень часто такая ошибка одновременно оказывается и речевой (ср. тот же пример «благодаря пожару лес сгорел», многие случаи плеоназма и т. д.). К этой категории относятся подмена тезиса, круговое рассуждение, ложная аналогия, доказательство через то же самое и др.

Последняя группа – *иные особенности речи*, все то, что не является нормой, однако и к ошибкам с точки зрения русского языка их не отнести: например, окказионализмы, фактические ошибки, различные графические особенности, такие как написание отдельных слов КАПСЛОКОМ, и др. Иные особенности речи могут создаваться намеренно, но цель пишущего (за исключением нарочитого искажения слов – «падонкаффского языка») обычно состоит не в том, чтобы отклониться от нормы.

Деление на шесть групп (посимвольное совпадение, опечатки, пунктуационные ошибки, грамматические ошибки, речевые и логические ошибки, иные особенности речи) – это специальная классификация идентификационных признаков письменной речи для нужд экспертизы заимствований. Такая прикладная классификация может и должна отличаться от научной [Колдин 2003: 258, 264] [Вул 1977: 27]. Названные нами признаки являются частными, то есть не относятся к речевому объекту в целом, и не зависят друг от друга: даже если очевидно, что текст написан весьма неграмотным человеком, невозможно предсказать последовательность его ошибок.

Идентификационный признак пригоден для использования в судебной экспертизе, если он специфичен (редок, оригинален), выражен и устойчив.

Для оценки специфичности нам необходимо пересмотреть традиционный лингвистический взгляд на ошибки. Принято считать, что в идиостиле автора систематические ошибки (обусловленные знанием/незнанием языка, уровнем языковой компетенции) закономерны, а несистематические, такие как опечатки и описки, случайны. Однако не в идиостиле в целом, а в каждом конкретном месте конкретного текста крайне трудно выявить непосредственную причину возникновения отклонения. Это связано еще и с тем, что само слово-«субстрат» ошибки появляется в тексте не закономерно. В целом условия формирования и распределения ошибок в единичном объекте нужно признать случайными. Для оценки специфичности здесь нужны количественные методы [Колдин 2003: 175, 274]. И в отсутствие точных данных о встречаемости тех или иных отклонений можно воспользоваться очень упрощенным, но математически корректным рассуждением, что частота слова-«субстрата» с ошибкой всегда меньше, чем частота того же слова без ошибки (ибо при большем значении это уже не ошибка, а узус). Если слова как признаки

высокоспецифичны – значит, ошибки тем более.

Здесь нужно уточнить, что однотипные ошибки (например, «он дерётся» / «пакет рвётся») учитываются в экспертизе заимствований как разные ошибки, а не как одна и та же.

Выраженность ошибок несомненна для профессионального филолога – причем чем грубее ошибка или описка, тем она выраженной. И наоборот, любая нормативная речь оказывается в этом отношении «стертой».

Устойчивость признаков гарантирует материальный носитель. При копировании файлов с электронного на электронный носитель сохраняется тождество и речевого объекта в целом, и его содержимого (текста), но при конвертации или при копировании на неэлектронный носитель они могут видоизмениться и утратить часть признаков. Поэтому стоит обращаться с доказательствами – речевыми объектами так же, как и с вещественными доказательствами. Устойчивость идентификационных признаков письменной речи такова, что редактирование, правка влияет на них незначительно: к утрате приводит только масштабный рерайт. Объект, происхождение которого связано с иным объектом (скопированный текст), даже после правки наследует признаки исходного; объект, представляющий собой частичную переработку, воспроизводит их в той степени, в которой переработка его не затронула.

Еще одно качество признака – его вариационность, то есть способность отражаться в следах по-разному. Здесь экспертам-речеведам повезло, поскольку при копировании текста вручную вариационность признаков минимальна, а при заимствовании способом *copy-paste* она вообще отсутствует.

В традиционном автороведении используются иные перечни признаков. Иначе и быть не может, поскольку здесь другой идентифицируемый объект – человек, свойства которого – языковые и мыслительные навыки. А значит, и признаки, которые ищет эксперт, несут иную информацию.

В 1970-е гг. С. М. Вул, обобщая современные ему наработки криминалистов, предложил деление на общие и частные и, с другой стороны, на признаки языковых и интеллектуальных навыков [Вул 1973: 14–19]. Под общими признаками языковых навыков он понимал степень их развития, «показатель того, в какой мере данное лицо владеет определенными нормами литературного языка», под частными – устойчивые нарушения, предпочтение определенных языковых средств и устойчивое их соотношение в типичных ситуациях общения. Частные признаки составили пять групп: признаки орфографических, пунктуационных, лексико-фразеологических, синтаксических и стилистических навыков. (Позже автор уточнил, что следует объединить в группу признаки не одних только синтаксических, а всех грамматических навыков [Вул 2019: 213].) Признаки интеллектуальных навыков ученому не удалось систематизировать полностью, и он описал только их формально-логическую часть: общие признаки формально-логических навыков – это тоже степень развития, общая способность к выражению мыслей в логической форме, а частные признаки – устойчивые логические ошибки, повторяющиеся нарушения определенных правил логики, предпочтительное использование тех или иных логических элементов и структур, смысловые акцентуации и исправления.

В методическом пособии 2007 г. С. М. Вул более подробно говорит о признаках интеллектуальных навыков письменной речи, выделяя навыки восприятия действительности, переработки информации, навыки акцентуации, аргументации и оценки [Вул 2007: 16–17]. Здесь же он предлагает систематизировать письменно-речевые ошибки, однако без связи с признаками. Все ошибки, по Вулу, делятся на смысловые (фактические и, как их называет автор, «лингвострановедческие», то есть ошибки иностранцев), логические и собственно языковые или речевые. Последнюю категорию можно систематизировать по уровням языка – либо по типу того правила, которое не соблюдается: нарушение системы («так нельзя говорить»), нормы («так не принято говорить по-русски (хотя и можно)») или узуса («так не следует говорить в данной ситуации письменного общения») [Вул 2007: 19].

А. Ю. Комиссаров также различает общие и частные признаки – но и те и другие относит к языковым навыкам и делит частные на пять групп: признаки синтаксических, лексико-фразеологических, стилистических, формально-логических и интеллектуальных навыков [Комиссаров 2000: 23–24].

Методическое пособие ЭКЦ МВД предлагает классификационную рамку, похожую на классификацию Вула, однако вместо языковых и интеллектуальных здесь уже четыре типа признаков: смысловые, текстологические (имеются в виду структурные), языковые и психолингвистические; последние «отражают особенности психики и мышления автора» [Рубцова и др. 2007: 13], а на самом деле касаются субъективно-модальных характеристик речи, некоторых содержательных особенностей и выражения эмоций. Языковые признаки делятся на орфографические, пунктуационные, лексические, фразеологические, стилистические и синтаксические, а в дальнейших практических указаниях продолжается их дробление. Чтобы повысить возможности индивидуализации, эксперты МВД предлагают комплексировать признаки на трех уровнях: набора норм (НН), набора свойств норм (НС) и набора языковых средств выражения свойств норм (НСВ).

В целом методическая мысль традиционного автороведения движется в сторону признаков, недоступных непосредственному наблюдению, и нечетко разграниченных групп признаков.

Экспертиза заимствований отличается от него тем, что в ней:

- учитываются признаки не навыков, а текста;
- используются главным образом частные языковые признаки (общие чаще всего бесполезны);
- неприменима корреляция между признаками как отдельный признак языкового навыка (поскольку не важны навыки);
- как уже говорилось выше, однотипные ошибки не объединяются при подсчете, а считаются отдельно;

- повторяющиеся одинаковые ошибки тоже считаются отдельно, здесь неприменима повторяемость как показатель устойчивости и невариационности признака (устойчивость и вариационность обусловлены иными обстоятельствами).

Итак, встречаемость ошибки как признака – количественно меньше, чем частота того же слова-«субстрата» без ошибки. Данные по словам можно получить из Частотного словаря русского языка [Ляшевская, Шаров 2009] – частоты наиболее употребительных служебных слов не превышают нескольких процентов («и» – 3,6%, «в» – 3,1%), знаменательных еще меньше («быть» – 1,2%, «год» – 0,4%, «новый» – 0,1%), а в среднем частота слова составляет тысячные доли процента. Поскольку общая частота взаимно независимых признаков определяется по теореме умножения вероятностей, то при простом подсчете становится понятно: комбинации ошибок образуют чрезвычайно редкие совокупности, а значит, обладают высочайшей идентификационной значимостью. При решении экспертной задачи на заимствование речевед почти всегда сталкивается с огромной идентификационной избыточностью материала – по контрасту и с традиционным автороведением, и вообще с большинством судебных экспертиз. Эта избыточность позволяет сделать надежный вывод о неслучайности совпадения признаков, то есть о тождестве заимствованного текста.

Автор выражает благодарность Татьяне Владимировне Бердниковой, к. филол. н., эксперту ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, за помощь в подборе библиографии для этой статьи.

Литература

- Абрамкина Е. Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа / Вестник Томского государственного университета. - 2017. - № 415. - С. 158-163.
- Абрамкина Е. Е. Идентификационные признаки протокола допроса и методика автороведческого анализа / Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2019. - Т. 17. - № 3. - С. 97-108.
- Вул С. М. Криминалистическое исследование признаков письменной речи. Киев, 1973.
- Вул С. М. О классификации идентификационных признаков письменной речи в судебно-автороведческой экспертизе / Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2019. - № 5. - С. 213-217.
- Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: Методические основы. Харьков, 2007.
- Вул С. М. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования признаков письменной речи. М., 1977.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217-237.
- Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2003.
- Комиссаров А. Ю. Криминалистическое исследование письменной речи. М., 2000.
- Красса С. И. Методика определения меры сходства между объектами речеведческих экспертиз / Юрислингвистика. - 2023. - № 27 (38). - С. 106-110.
- Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики. 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?>
- Рубцова И. И., Ермолова Е. И., Безрукова А. И. и др. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации. М., 2007.
- Corder S. P. The significance of learner's errors / International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. - 1967. - Т. 5 (4). - С. 161-170.

References

- Abramkina, E. E. (2017). The authorship examination of the interrogation protocol: basic special aspects and methods of analysis. Bulletin of Tomsk State University, 415, 158-163 (in Russian).
- Abramkina, E. E. (2019). Identification features of the interrogation protocol and the methodology of the authorship analysis. Bulletin of Novosibirsk State University, Linguistics and Intercultural Communication Series, 17, 3, 97-108 (in Russian).
- Corder, S. P. (1967). The significance of learner's errors. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, 5, 4, 161-170 (in English).
- Grice, H. P. (1985). Logic and conversation. New in foreign linguistics, 16, 217-237 (in Russian).
- Koldin, V. Ya. (2003). Judicial identification. Moscow (in Russian).
- Komissarov, A. Yu. (2000). Forensic examination of written speech. Moscow (in Russian).
- Krassa, S. I. (2023). Methodology for determining the measure of similarity between the objects of speech examinations. Legal Linguistics, 27(38), 106-110 (in Russian).
- Linguistic Encyclopedic Dictionary (1990) / Ed. by V. N. Yartseva. Moscow (in Russian).
- Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2009). New frequency dictionary of Russian vocabulary. Available from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (in Russian).

-
- Rubtsova, I. I., Ermolova, E. I., Bezrukova, A.I. et al. (2007). A comprehensive methodology for the production of forensic authorship examinations: Guidelines. Moscow (in Russian).
- Vul, S. M. (1973). Forensic examination of features of written speech. Kiev (in Russian).
- Vul, S. M. (1977). Theoretical and methodological issues of forensic examination of features of written speech. Moscow (in Russian).
- Vul, S. M. (2007). Forensic authorship identification expertise: Methodological foundations. Kharkov (in Russian).
- Vul, S. M. (2019). On the classification of the identification features of written speech in the forensic authorship examination. Bulletin of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 5, 213-217 (in Russian).
-

Citation:

Новожилова Е.В. Идентификационные признаки в судебной экспертизе заимствования текста // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 83-88.

Novozhilova E.V. (2023) Identification Features in Forensic Examination of Text Borrowing. Legal Linguistics, 30, 83–88.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Учет фактора невежества в лингвокриминальных текстах

А. В. Флоря

*Россий Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета
пр. Мира, 15а, 462404, Орск, Россия. E-mail: alcestofilint@mail.ru*

Статья посвящена проблеме невежества и возникающего вследствие этого непонимания в текстах, являющихся объектами юрислингвистической экспертизы. Авторы лингвокриминальных текстов могут использовать устойчивые речевые формулировки, ставшие мемами, но бывает трудно определить, являются ли они настоящими цитатами. Непонимание слов и фразеологизмов часто объясняется тем, что говорящие сильно оторвались от советской действительности, в том числе советских культурных реалий. Советским людям они были понятны если не из собственного опыта, то из произведений литературы и искусства (спектаклей или фильмов). Автор может осознавать цитату, но не знать ее происхождения и реального значения. В таких случаях необходим тщательный контекстуальный анализ высказывания. Кроме того, эксперт должен учитывать лингвистические факторы: во-первых, воспроизводится некая цитата в стандартизированной или в свободной форме, во-вторых, жестко или свободно данная фраза задается по правилам синтаксиса. Семантика отдельных слов может быть понята только после обращения к словарям, но не может быть уверенности, что так поступал автор текста. Многие слова полисемантичны, и не всегда их подлинный смысл проявляется в контексте.

Ключевые слова: юрислингвистика, этнофолизм, оскорбление, лозунг.

Considering the Factor of Ignorance in Linguo-Criminal Texts

A. V. Florya

*Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch of) Orenburg State University
15 a Mira St., 462404, Orsk, Orenburg region, Russia. E-mail: alcestofilint@mail.ru*

The article considers the problem of ignorance and resulting misunderstanding in texts that are the objects of forensic linguistic expertise. The authors of linguo-criminal texts may use set phrases that have become memes, but it can be difficult to determine whether they are real citations. Misunderstanding of words and phraseological units is often explained by the fact that the speakers are detached from Soviet reality, including Soviet cultural realia. Soviet people understood them, either from their own experience or from works of literature and art (performances or films). The author may be aware of a quote, but not know its origin and real meaning. In such cases, careful contextual analysis of the utterance is necessary. In addition, the expert must take into account linguistic factors: firstly, a certain quotation is reproduced in a standardized or free form, and secondly, this phrase is rigidly or freely specified according to the rules of syntax. The semantics of some words can be understood only after reference to dictionaries, but there can be no certainty that the author of the text meant this. Many words are polysemantic, and their true meaning is not always shown in the context.

Key words: forensic linguistics, ethnophaulism, abuse, slogan.

В собственной юрислингвистической практике и при изучении чужих экспертиз мы сталкивались с одной серьезной проблемой. В целом ряде случаев трудно бывает определить, насколько осознанно употреблены устойчивые речевые формулы, ставшие мемами. Неясно, являются ли они цитатами, а если являются, то верно ли их понимают авторы текстов, а также знают ли их источник.

Невежество людей, пишущих в интернете, – явление обычное. Следует учитывать фактор, на который, по нашим наблюдениям, эксперты не всегда обращают должное внимание. Эксперты – обычно люди старшего поколения, ориентированные на тезаурус обыкновенного, достаточно просвещенного советского человека. Если эти люди знали определенные слова и выражения не по собственному опыту, то из популярных фильмов или спектаклей, в основном

телевизионных. Но советской культуре сейчас фактически отведено маргинальное положение, постсоветские поколения де-факто почти не интересуются историей, литературой и искусством. Эксперты не всегда осознают, что авторы спорных текстов не знают многих вещей, которые предыдущие поколения считали элементарными и общеизвестными.

Чаще всего мы имеем дело именно с невежеством в точном смысле этого слова. Термины «незнание» или «неосведомленность» зачастую не подходят. Афористичное разграничение этих понятий дает профессор Данкевич в романе Д. Гранина «Иду на грозу»: «Незнание и невежество – вещи разные. Незнание начинается после науки, невежество – до нее».

Наша собственная языковая интуиция не соглашается с таким пониманием этих слов. Мы трактуем их в прямо противоположном ключе. Незнание означает объективное отсутствие знания, которое еще не добыто наукой. Наука чего-то еще не изучила и не открыла. Зато о невежестве говорят тогда, когда знание уже установлено, однако не известно кому-то. Таким образом, скорее незнание существует до науки, а невежество начинается после нее.

Невежество обладает еще одной сущностной характеристикой, которую К. Маркс даже называет демонической силой [Маркс 1955: 112]. Развивая эту тему, Ю. А. Жданов утверждает: «Невежество не просто незнание, это агрессивное самоутверждение своего незнания (...)» [Жданов 2009: 52].

Кроме того, слова «незнание» и «неосведомленность» означают, что человеку не известны отдельные факты, детали и т. п., но он может без труда восполнить эти пробелы. А для невежества в актуальном для нас смысле характерны две черты: во-первых, незнание целых пластов действительности – обычно это относится к культуре, т. е. это понятие системное; во-вторых, для людей старших поколений эти культурные знания были общеизвестны.

(Мы могли бы отвлечься от темы и привести многочисленные примеры, немислимые в советские времена. Ограничимся одним случаем, впрочем, весьма типичным. В нескольких телепередачах, где речь заходила о так называемом «плане Даллеса», текст которого сейчас запрещен в РФ, нам доводилось слышать объяснение, будто он взят из романа Анатолия Иванова «Вечный зов», где его в самом деле озвучивает Лахновский. Но не это главное. «Комментаторы» «объясняли», что «Вечный зов» – это советский шпионский роман. То есть выросли постсоветские поколения, понятия не имеющие не только о бестселлере Иванова, но и о знаменитом телесериале.)

Весьма распространены ситуации, когда подлинное происхождение популярных лозунгов не известно говорящим. Проиллюстрируем это для удобства примерами из художественной литературы.

«– Придется, придется, – ответил Корейко с усмешкой. (...) – А-а-а! Есть! Готово! “В борьбе обретешь ты право свое”?

– Да, – разочарованно протянул старик, – как это вы так быстро угадали? (...)

– (...) А для чего вы этот ребус приготовили? Для печати?

– Для печати.

– И совершенно напрасно, – сказал Корейко (...). – “В борьбе обретешь ты право свое” – это эсеровский лозунг. (Курсив везде наш – А. Ф.) Для печати не годится.

– Ах ты боже мой! – застонал старик. – Царица небесная!»

И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок.

Другой пример:

«В образцовой школе имени Бебеля Гоша без всяких усилий оказался первым учеником, а когда Гоша заметил, что лозунг “Кто не трудится, тот не ест” принадлежит библейскому апостолу Павлу, обществовед до судорог возненавидел профессорского заморыша и прозвал его мосье Жорж».

С. Антонов. Васька.

Оба эти случая относятся к эпохе радикальной революционной переделки общества. Еще недавно в стране бушевали политические страсти, и в этой накаленной обстановке постоянно мелькали партийные лозунги. Их слышали рядовые обыватели, не разбирающиеся в политике и даже не помнившие, что и по какому поводу произносилось. Но в 1920-30-е гг. происходила идеологическая унификация, и употребление несветских лозунгов становилось крамоллой. Библейские аллюзии («Кто не работает, тот не ест», «метать бисер перед свиньями», «сучок в чужом глазу и бревно в своем» и др.) могли употребляться, но без указаний на их происхождение, как «народная мудрость».

В наше время наиболее актуальным, разумеется, стало воспроизведение бандеровского слогана «– Слава Украине! – Героям слава!». В нашей практике он только один раз встретился в таком виде: как две реплики «приветствие – отзыв» именно с таким порядком слов.

Структура «приветствие – отзыв» или просто двойная структура с повторением может не быть связана с фашистским лозунгом, например:

«– Слава героям, слава Кубани! – по заведенному местному обычаю приветствовал Костогрыз часовых на крыльце» [В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 1-2 (1983)] [НКРЯ].

Лозунг «Слава героям!», взятый отдельно, не производит никакого отрицательного впечатления:

«Слава героям, борцам за Советскую власть, красным защитникам трудовой России» (Д. А. Фурманов. На Черном Ереке) (1920);

«Слава героям, сумевшим, несмотря на все преграды природы, добиться такого блестящего успеха. [Алексей Стаханов. Слава героям / «Вечерняя Москва», 1938].

«Торжественно, тепло звучит по радио голос Левитана: “Вечная слава героям, павшим в боях за независимость нашей Родины!”» [Н. С. Покровская. Дневник русской женщины. 1929-1945 гг. (1943)] и даже:

«Именно эта мысль привела меня к тому, чтобы перефразировать известную фразу из “Обыкновенного чуда” Е. Шварца: “*Слава героям, которые осмеливаются управлять, зная, что конца этому не будет никогда*”» [Анастасия Чанько. *Слава героям, которые осмеливаются управлять, зная, что конца этому не будет никогда* / Coach, 2008] [НКРЯ].

Оборот «*Слава героям!*» – формула, которая является жесткой, устойчивой и употребляется в самых разных контекстах – например, в таком:

«*Слава, Слава, Слава героям!!!*

Впрочем,

им

довольно воздали дани.

Теперь

поговорим

о дряни»

В. В. Маяковский. О дряни.

Первая реплика является откровенным лозунгом, но – заведомо не относящимся ни к каким оуновским (бандеровским) реалиям. Она имеет негативную окраску, но это раздражение автора по поводу ее клишированности. Маяковский заявляет: «Хватит говорить о героическом военном прошлом, поговорим о пороках мирного времени».

Лозунг «*Слава героям!*» совершенно стереотипен, автономен и не привязан ни к какому определенному контексту.

При инвертированном порядке слов – «*Героям слава!*» – возникают ассоциации с оуновским лозунгом.

Однако и это не обязательно, если высказывание не имеет стереотипной формы лозунга – например: «В нашей жизни встречаются скромные, но истинные герои. *Им слава*». Актуальное членение, логическое ударение диктует инвертированный порядок слов: *им слава*, а не *слава им*, а в эту формулу подставляется оборот «*Героям слава*», который, однако, не имеет отношения к бандеровскому лозунгу.

В Советском Союзе критик, прочитав повесть В. Василевской «Радуга» или посмотрев фильм М. Донского, мог бы написать, что ему хочется воскликнуть: «*Слава Украине! Слава ее героям!*», не вкладывая в это никакого националистического и профашистского смысла. Повесть и фильм воспевают героизм украинских крестьян, сопротивляющихся гитлеровским оккупантам – сначала нравственно, а потом поднимающих восстание. С большой вероятностью можно предположить, что редактор все равно вычеркнул бы эти слова из-за их созвучия, пусть даже непреднамеренного, бандеровскому лозунгу, однако автор и редактор могли об этом и не знать, поскольку советская пропаганда не воспроизводила вражеских слоганов, не «просвещала» людей в таких вопросах.

(Иное дело – телесериал «Государственная граница», снимавшийся в течение всех 1980-х гг. Из него зрители почерпнули весьма нетривиальную для той эпохи информацию – например, белогвардейские стихи: «Молитву» С. Бехтеева, «Лебединый стан» М. Цветаевой. В части 6 «За порогом победы», сюжет которой основан на борьбе пограничников с бандеровцами, советские зрители услышали и лозунг «– *Слава Украине! – Героям слава!*», который большинству из них ранее известен не был.)

Конечно, в наше время большинство людей воздержатся от публичного произнесения или написания слоганов «*Героям слава!*» или хотя бы «*Слава героям!*», даже без намерения одобрить и прославить украинский национализм. Когда мы видим или слышим такие лозунги, коммуникативные намерения пишущего/говорящего часто бывают вполне ясны. Однако возникают серьезные проблемы с доказательствами.

Когда в тексте, предлагаемом для экспертизы, встречаются спорные формулировки, эксперту следует обращать внимание на следующие моменты:

а) употребляются ли эти формулировки в контексте, связанном с украинским национализмом, а не с действительно славными страницами украинской истории и достижениями украинского народа;

б) насколько стандартизирована форма этих высказываний; чем является высказывание – клише или свободной речью;

в) если это свободная речь, возможны ли иные грамматические формы, жестко или свободно они заданы синтаксической системой.

Обратимся к еще одному использованию стереотипа, однако явно невежественному. Ситуация связана с этнофолизмом, т. е. оскорблением по национальному признаку [Грищенко, Николина 2006; Коробкова 2009] и, соответственно, употреблением этнонима в уничижительной функции. «Для отрицательной оценки часто используются альтернативные по отношению к нейтральным номинации национальностей и групп национальностей (...)» [Баранов 2009: 458].

В таких случаях говорящий (пишущий) осознаёт их незаконность. Однако положение иногда осложняется.

Суть конфликтной ситуации состоит в следующем. Некто считает свою ненавистную соседку немкой и в ходе бытовых скандалов называет ее «*немецкой подстилкой*». К сексу это не имеет никакого отношения, скандалы происходят по другим поводам. Подстилка, т. е. развратница, – это просто оскорбление. Соседу известны стереотипные выражения *немецкая шлюха, немецкая подстилка* и т. п., но настоящий смысл их, видимо, уже непонятен. *Немецкая* в данном случае означает: для немецких оккупантов.

«– Нет, любила немца, забеременела от него.

И вдруг из темного угла:

– *Немецкая подстилка!*

Промолчала, как будто не слышала».

«– Да, – вздохнула и я. – Высокая плата за измену.

– Заткнись ты, – крикнул Петро, – дешевка! *Немецкая шлюха!* Где ты вчера шлялась? С начальником выпивала?»

Р. Нахапетов. Влюбленный.

Многим памятно другое сочетание – *немецкая овчарка* из пьесы А. Салынского «Барабанщица». (Так жители только что освобожденного от фашистов города называют героиню пьесы Нилу Снижко, считая ее предательницей, тогда как на самом деле она – советская разведчица. См.:

«**САШКА**. Даю! Честное пионерское, не буду камнями бить *немецкую овчарку* Нилку Снижко. Гранату в нее брошу!»)

Во всех подобных случаях речь идет о русских женщинах, пошедших на службу к врагам. Когда же сосед именует женщину «*немецкой подстилкой*», он хочет сказать: ты немка и ты ведешь себя отвратительно (семантика «ты развратница» здесь отсутствует, словечко *подстилка* употребляется условно, просто как ругательство). То есть он употребляет выражение *немецкая подстилка* не по назначению.

В одном лингвокриминальном тексте говорилось об иммигрантах, занимающихся неквалифицированным и низкооплачиваемым трудом: работающих, в частности, дворниками. Само по себе это не является поводом к *неприязни*, потому что вряд ли вызывает зависть и желание конкуренции, но может быть поводом к *выражению неприязни*, как в данном случае. В контексте диалога создается негативная установка: эти «гастарбайтеры» ничего не могут делать, даже чистить снег с соблюдением элементарных правил безопасности.

Для большего подчеркивания инородного колорита в тексте был приведен мем из фильма «Джентльмены удачи» А. Серого – «*Снег башка попадет*». Как ни странно, это реплика обаятельного и позитивного персонажа – Василия Алибабаевича, которая (реплика) в этом контексте, по-видимому, тоже приобретает негативный оттенок (подчеркивание безграмотности), тогда как в фильме это просто веселая и по-своему трогательная фраза.

Иными словами, мем не работает. Учítывая, что он относится к культовому советскому фильму, это довольно тревожный симптом. Старое советское искусство забывается или предстает в искаженном виде.

Некто сообщает в чате, что он «*уработал*» нескольких кавказцев.

Попробуем рассмотреть семантический объем лексемы *уработать*.

Слова «*уработал*» нет в словарях Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова, а также в БАС.

В словаре В. И. Даля его нет. Есть другое:

УРАБИТЬ кого, арх. в горелках, в тройке и др. хороводных играх: почкать, запятнать, засалить, поймать или ударить [Даль].

Однако это слово здесь не подходит, потому что относится к игре.

То есть для литературного языка оно, видимо, не характерно.

Известен сленгизм *уработать*:

Уработать — одержать победу физически или морально

[Словарь молодежного сленга].

Однако в словаре молодежного жаргона М. А. Грачева эта лексема отсутствует.

Зато в общенародном русском языке встречается ее вульгарный синоним *уделать*:

УДЕЛАТЬ, -аю, -аешь; **св.** что. (...) **3.** Разг.-сниж. Сильно избивать. Сильно у. кого-л. Кто тебя так уделал?(...) [Кузнецов 1998].

Но у этого словечка может быть и значение «уничтожить»: «*Буду я самым последним пижоном, если хотя б одну б... не уделаю*» (подобью, уничтожу хотя бы один фашистский танк) (фильм «Аты-баты, шли солдаты») (цитируем по памяти).

Существует также сленгизм *сделать* в значении:

СДЕЛАТЬ, -ю, -ешь, сов. Выиграть, победить. *Я обязательно сделаю всех на городе!* (Зап. 1998) [Грачев 2007: 483].

Есть, однако, и более агрессивное значение: *уничтожить*. (Например, в фильме «Львиная доля» А. Муратова: «Командор, я тебя *сделал!*», т. е. застрелил. Это говорит своему бывшему командиру его ученик-предатель, отсюда такой восторг: «Я превзошел учителя!»)

И, конечно, широко употребителен синоним *отделать*:

ОТДЕЛАТЬ, -аю, -аешь; отделанный; -лан, -а, -о; **св.** (...) **4.** кого-что (чем). Разг.-сниж. Дать нагоняй кому-л., выругать. кого-л.; избить, отколотить кого-л. *О. мальчишку за хулиганский поступок. О. вора палкой. О. так, что ни встать, ни сесть* (сильно избить) [Кузнецов 1998].

Все они относятся к результативному [Мстиславский 1981: 178] способу глагольного действия, т. е. означают результат, причем с оттенками преодоления сопротивления (срав.: *уговорить, уломать*) и доведения до несостоятельности, невозможности действовать (*Укатали сивку крутые горки* и т. п.).

Обратимся к материалам НКРЯ, где таких примеров с лексемой *уработать* мало.

«Да не стало интеллигенции (...), *уработала* ее власть» [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)] – т. е. уничтожила, свела на нет.

В значении «избить»:

«(...) испугалась Виктория. – Что значит “повалить”? – Ну, *уработать*, блин, – пояснил Топорик. – Враги-то у тебя есть? – Какие враги?» [Ирина Муравьева. Документальные съемки (1997-1998)].

Итак, словечко *уработать* может иметь значения «избить» или «уничтожить». Нет гарантии, понимают ли те, кто его употребляют, его смысл, а это отнюдь не мелкий вопрос: только избить или лишить жизни.

Автору этих строк неоднократно приходилось комментировать оскорбления со словом *гнида*, причем мы обратили внимание на то, что оно не всегда употребляется в одном и том же смысле. Этот довольно тонкий момент обычно игнорируется, но отражен в Словаре Т. Ф. Ефремовой:

гнида 1. ж. Яйцо вши.

2. м. и ж.

1) разг.-сниж. Ничтожный человек.

2) Употр. как бранное слово, которым обзывают такого человека [Ефремова 2000].

Значение «ничтожный человек», не бранное, а разговорно-сниженное, наблюдается, например, в фильме «Сталкер».

«ПИСАТЕЛЬ. Да замолчи! Я же тебя насквозь вижу! Плевать ты хотел на людей! Ты же деньги зарабатываешь на нашей... тоске! Да не в деньгах даже дело. Ты же здесь наслаждаешься, ты же здесь царь и Бог, ты, *лицемерная гнида*, решаешь, кому жить, а кому умереть. Он еще выбирает, решает!»

И другой фрагмент:

«СТАЛКЕР. (...) Да, вы правы, я – *гнида*, я ничего не сделал в этом мире и ничего не могу здесь сделать... Я и жене не смог ничего дать! И друзей у меня нет и быть не может, но моего вы у меня не отнимайте! (...) Я ведь привожу сюда таких же, как я, несчастных, замученных. Им... Им не на что больше надеяться! А я могу! Понимаете, я могу им помочь! *Никто им помочь не может, а я – гнида (кричит), я, гнида, – могу!*»

Здесь не брань, а скорее пейоративная характеристика [Карасик 2002: 256]. Один говорит о ничтожестве другого, а другой соглашается. Впрочем, в любом случае эта характеристика крайне оскорбительна, судя по реакции сталкера. Но учитывать этот смысловой оттенок все же необходимо.

Таким образом, для корректной экспертизы часто бывает нужна лингвопрагматика [Винокур 1993; Searle 1965]. Во всех случаях, когда возможно определить, понимает ли говорящий/пишущий точный смысл употребляемых слов и оборотов (например, скандалист, называющий соседку «немецкой подстилкой», явно не понимает это выражение) и обосновать свою точку зрения, это следует делать. Учет иллокутивного фактора невежества/незнания/непонимания не обязательно снимает с говорящего/пишущего вину или уменьшает ее (даже при непонимании слов (например, оскорбления часто остаются оскорблениями – правда, при этом нередко меняется их содержание), но в любом случае необходимо восстанавливать подлинную картину его речевых действий.

Литература

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. 2-е изд. М., 2009.

Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – Первое издание: СПб., 1998. – Публикуется в авторской редакции 2014 года. URL: <http://gramota.ru/slovari/>.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.

Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2007.

Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / Отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. – Екатеринбург, 2006.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovardalya.ru/>

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <http://traduko.lib.ru>.

Жданов Ю. А. Избранное: в 3 т. Ростов-н/Д., 2009. Т. 2.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002.

Коробкова О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект / Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 111.

Маркс К. Передовица в №179 «Kölnische Zeitung» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2. – М., 1955. – Т. 1. – С. 93-113.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

Словарь молодежного сленга. URL: <https://teenslang.su/id/1912>

Searle J. R. What is a speech act? / Philosophy in America / ed. Max Black. London, 1965. – P. 221-239.

References

Baranov, A. N. (2009). Linguistic examination of the text. Moscow (in Russian).

Dal, V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Available from: <http://slovardalya.ru/> (in Russian).

Dictionary of youth slang. Available from: <https://teenslang.su/id/1912> (in Russian).

Efremova, T. F. (2000). New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational. Moscow. Available from: <http://traduko.lib.ru>. (in Russian).

Grachev, M. A. (2007). Dictionary of modern youth jargon. Moscow (in Russian).

Grishchenko, A. I., Nikolina, N. A. (2006). Expressive ethnonyms as signs of hate speech / Ed. ed. I. T. Vepрева, N. A. Kupina, O. A. Mikhailova. The language of enmity and the language of agreement in the socio-cultural context of modernity.

Yekaterinburg, 175-187 (in Russian).

-
- Karasik, V. I. (2002). The language of social status. Moscow (in Russian).
- Korobkova, O. S. (2009). Markers of hate speech in the nominations of ethnicity: a sociolinguistic aspect / Izv. Ros. state ped. un-ta im. A. I. Herzen. No. 111 (in Russian).
- Large explanatory dictionary of the Russian language (1998). / Ch. ed. S. A. Kuznetsov. First edition: St. Petersburg. Published in the author's edition in 2014. Available from: <http://gramota.ru/slovari/> (in Russian).
- Marx, K. (1955). Editorial in No. 179 of "Kölnische Zeitung" / Marx K., Engels F. Op. Ed. 2. Moscow, 1, 93-113 (in Russian).
- Miloslavsky, I. G. (1981). Morphological categories of the modern Russian language. Moscow (in Russian).
- National corpus of the Russian language. Available from: <https://ruscorpora.ru/new/> (in Russian).
- Searle, J. R. (1965). What is a speech act? Philosophy in America / ed. Max Black. London, 221-239 (in English).
- Vinokur, T. G. (1993). Speaking and listening. Variants of speech behavior. Moscow (in Russian).
- Zhdanov, Yu. A. (2009). Selected works: in 3 volumes. Rostov-on-D. Vol. 2. (in Russian).
-

Citation:

Флоря А.В. Учет фактора невежества в лингвокриминальных текстах // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 89-94.

Florya A.V. (2023) Considering the Factor of Ignorance in Linguo-Criminal Texts. Legal Linguistics, 30, 89-94.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Язык программирования как допустимый: правовые аспекты

Н. А. Усольцева¹, Ю. М. Усольцев²

Сургутский государственный университет

пр. Ленина, 1, 628408, Сургут, Россия. E-mail: ¹netali77@list.ru, ²yusoltsev@mail.ru

В статье рассматривается ситуация с внедрением языков программирования как элемента в том числе правовой действительности и возможностями признания языков программирования как допустимых и признаваемых государством. Уже сейчас вопросы существования и применения языков программирования для конструирования регулятора общественных отношений вызывают значимые дискуссионные вопросы, хотя фактически речь пока идет только о смарт-контрактах и использовании языков программирования для их написания и запуска. В остальных ситуациях профессионального использования языков программирования существенные правовые вопросы пока не поднимаются настолько остро. Но развитие цифровых технологий и внедрение их, в том числе в правовое регулирование общественных отношений, происходит очень стремительно. Вероятность необходимости использования языков программирования для регулирования общественных отношений, причем с существенным выходом за пределы строго профессионального круга вопросов – это очень недалекое будущее. Существующие разрывы между естественными и искусственными языками, между нормативными регуляторами и применяемыми для их реализации технологиями стираются с весьма значительным ускорением. Все это заставляет оценивать языки программирования в правовом поле и определять для них условия и границы существования наравне с естественными языками. В основной части статьи исследуются вопросы соотношения естественных и искусственных языков, определяется система собственно самих искусственных языков и их классификация. Выявляется статус и положение языков программирования, существующие на сегодняшний момент. В результате исследования делается вывод о перспективах существования языка программирования в качестве допустимого, о возможностях и условиях его использования с выходом за грани профессионального использования. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы: анализ, сравнение, описание, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический и др.

Ключевые слова: язык программирования, естественный язык, искусственный язык, правовое признание.

Programming Language as Eligible One: Legal Aspects

N. A. Usoltseva¹, Y. M. Usoltsev²

Surgut State University

1 Lenin St., 628408, Surgut, Russia. E-mail: ¹netali77@list.ru, ²yusoltsev@mail.ru

The article examines the situation with the introduction of programming languages as an eligible element and the possibilities of recognizing programming languages as acceptable and recognized by the state. It is the case now that the issues of the existence and application of programming languages for social regulations cause significant debate, although in fact we are talking only about smart contracts and the use of programming languages for their writing and launching. In other situations of professional use of programming languages, significant legal issues have not yet been raised so acutely. But the development of digital technologies and their implementation, including in the legal social regulations, is happening very rapidly. The likelihood of the need to use programming languages to regulate social relations, and with a significant overrun beyond the strictly professional range of issues, is a very near future. The existing gaps between natural and artificial languages, between regulatory norms and the technologies used for their implementation, are being annihilated very quickly. All this forces us to evaluate programming languages in the legal domain and determine the conditions and boundaries of their existence along with natural languages. The main part of the article examines the relationship between natural and artificial languages, defines the system of artificial languages proper and their classification. The status and position of programming languages existing at the moment are revealed. As a result of the research, a conclusion is made about the prospects for the existence of a programming language as an eligible one, about the possibilities and conditions of its use

beyond the boundaries of professional use. The methodological basis of the research is made up of general scientific and special scientific methods: analysis, comparison, description, systematic and structural, comparative and legal, formal and logical, etc.

Key words: programming language, natural language, artificial language, legal recognition.

Постановка проблемы.

Вопросы языка достаточно часто становятся объектом исследования в современной научной сфере. Но практически всегда грань исследования касалась вопросов изучения особенностей правового регулирования и применения естественного языка в разных правовых ситуациях, либо исследуются проблемные вопросы языка права и конструкций юридической техники.

Развитие современных технологий и их внедрение ставит и перед исследователями и перед юристами новые задачи в вопросах исследования языка, а именно вопросы существования иных языков, кроме естественного, и их существования именно как объектов правовой реальности. Несомненно, во главу угла в такой ситуации становятся языки программирования: насколько вообще можно представить их в разрезе официально допустимых к обращению в государстве языков, какие проблемы могут возникнуть в такой ситуации и насколько они будут разрешимы.

Цель исследования – определить место языков программирования в системе признаваемых государством естественных и искусственных языков. Задачи исследования: определить категории естественных и искусственных языков, выявить их характеристики, элементы исторического развития и уровень правового признания; определить категорию языков программирования и ее правовые характеристики; выявить перспективы закрепления языков программирования в качестве допустимых для использования в системе регулирования общественных отношений или признанного использования субъектами этих отношений.

Методология и материал.

Исследование поднятых вопросов и задач невозможно без применения специальной терминологии, используемой в юриспруденции, лингвистике и информатике.

Методология исследования основана на общенаучных и частнонаучных методах (анализ, сравнение, описание, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический и др.).

Материалом для исследования является нормативная база, включающая преимущественно концепции, утвержденные в Российской Федерации по вопросам информационных технологий и цифровой экономики, а также сложившиеся в теории и практике применения подходы по вопросу изучения возможностей применения и признания языков программирования.

Результаты и обсуждение.

Язык – это знаковая система, используемая для целей коммуникации и познания. Основой большинства языков является алфавит – набор символов, из которых можно составлять слова и фразы данного языка [Овчарова 2016: 43-44].

Обращаясь к теории существования языков, можем констатировать, что изначально они появились в процессе эволюционного развития и существовали только естественные языки, которые являются неотъемлемой частью цивилизации.

В качестве естественного языка можно определить язык, используемый для общения людей и не созданный специально. Свое развитие естественный язык получает в процессе развития человечества, совершенствуясь и напитываясь от развития самого общества.

Естественный язык обладает определенными особенностями, среди которых можно назвать: распространены сложные смысловые конструкции отдельных слов и словосочетаний; сильно распространено контекстное значение; в правилах есть исключения (поэтому естественные языки крайне редко являются формализованными) и т. д. Сейчас в мире существует порядка 7200 естественных языков (по данным Ethnologue¹), свойственных разным народам и государствам. Естественные языки и их использование являются неотъемлемой частью государственных гарантий прав личности в любом государстве, но с рядом ограничений, которые накладывает законодательство соответствующей страны.

Но в разные времена и по разным причинам у человечества появлялся интерес к искусственным языкам (рукотворным языкам, конлангам или плановым языкам). Разнообразие наименования искусственных языков связано с попыткой разработчиков и исследователей уйти от неприятных ассоциаций, связанных с самим словом «искусственный».

Изначально причинами появления искусственных языков зачастую становился экспериментальный интерес лингвоконструкторов, а иногда потребность в недоступности информации, передаваемой конкретному субъекту, третьим лицам. Сегодня мы можем говорить о том, что искусственные языки стали частью профессиональной коммуникационной культуры, для упрощения общения внутри профессиональной группы, решения профессиональных задач, ускорения передачи информации.

¹ Languages – 7168.7 Languages of the world. URL: www.ethnologue.com

Развитие искусственных языков стартовало с появления в 1868 году Универсаглота, разработанного Ж. Пирро в качестве лингвистического эксперимента по разработке апостериорного языка (на основе латыни) [Федотова, Мишина 2022]. Особого интереса на момент создания Универсаглот не вызвал, но можно признать, что он представлял собой весьма разработанную лингвистическую систему, имеющую в основе 27 букв алфавита и существенный лексический словарь.

Далее в XIX веке были разработаны такие искусственные языки, как волапюк (используется иногда и сейчас) и эсперанто. Причем последний сейчас является весьма распространенным языком, который развивается, имеет активный лексический словарь, используется для общения, публикации изданий, написания книг, съемки фильмов и т. д. Несомненно, что история развития апостериорных языков на этом не остановилась.

Считается, что искусственные языки – интереснейшее изобретение человечества, которое показывает, какой путь развития прошла цивилизация, но на данный момент ни один из них не сможет заменить ни один из естественных языков [Федотова, Мишина 2022]. Однако мы полагаем, что перспективу разработки и внедрения единого международного искусственного языка отрицать нельзя, так как говорить о наделении статусом единого международного языка одного из естественных – слишком сомнительно, особенно в ситуации разобщенности государств и общества.

Параллельно с искусственными языками, основанными на естественных, шло активное развитие и искусственных языков в профессиональных сферах. Например, в сфере точных наук, для общения в профессиональных группах вне зависимости от естественных языков (азбука Морзе) или в специализированных группах (язык жестов). Так, в том числе, появились языки математики и физики, и после появления информатики (в 50-х годах XX века) – языки программирования. В какой-то степени даже юридический язык (язык права) можно признать искусственным специализированным апостериорным языком, который, к сожалению, никогда не станет международным, так как в каждом из государств он основан на государственном языке. Но определенный объем международной лексики и имплементированной терминологии несомненно присутствует и обобщает данный язык в разных странах мира.

В итоге, помимо формирования разных искусственных языков, сформировалась и их классификация – как универсальных и специализированных средств коммуникации. Еще одним элементом классификации искусственных языков можно назвать артланги – языки вымышленного мира, которые используются авторами литературных произведений и в кинематографе [Стёпочкин 2022]. Также, как упоминалось ранее, существует группа апостериорных искусственных языков. Практически все искусственные языки являются формализованными (формальными), основанными на четких правилах построения, без исключений.

На фоне всего этого многообразия искусственных языков языки программирования уже не выглядят как абсолютно чужеродный объект, не свойственный нашему обществу. В качестве языка программирования можно определить искусственный формальный язык, используемый для написания вычислительных программ, взаимодействия с указанными программами, с компьютерами. Алгоритм построения языков программирования основывается на программном коде, но имеет собственную лексику и синтаксис. Написание программного кода как лингвистической конструкции представляет собой «производство значений посредством комбинирования разных символов по определенным правилам» [Поток – наука – мозг 2020]. Формально говоря, сейчас они воспринимаются как один из видов кодовой знаковой системы [Соломоник 2004: 6-14].

Существующие подходы к классификации языков программирования весьма разнообразны и преимущественно основаны на научных подходах информатики как науки. Несомненно, в основе классификации лежат достаточно унифицированные принципы информатики, позволяющие разделить их, в первую очередь, на две основные категории: языки высокого уровня и языки низкого уровня. Естественно, что для работы с конструкциями смарт-контрактов, самоисполняемых норм или машиночитаемого права подходит исключительно язык программирования высокого уровня, средства которого обеспечивают описание задачи в наглядном, легко воспринимаемом виде. Он не зависит от внутренних машинных кодов ЭВМ любого типа, поэтому программы, написанные на языках высокого уровня, требуют перевода в машинные коды программами транслятора либо интерпретатора. При этом машина лучше понимает языки низкого уровня. Отсюда возникает вопрос: написав конструкцию на языке высокого уровня, как объяснить ее смысл машине, как много языков программирования придется использовать, чтобы перевести смысл написанной конструкции из понятного человеку в полностью понятный машине (то есть подразумевается использование и исходного языка высокого уровня, и машинного абсолютного языка)? И есть ли смысл писать именно таким образом? Может, есть необходимость писать сразу на языке программирования низкого уровня? И каково будет содержание конструкции, описывающей, например, общественные отношения в такой ситуации? Не дойдем ли мы до слишком простых программных конструкций, не понимающих сложных общественных отношений?

Остальная классификация языков программирования, включающая разнообразные подходы и принципы для их распределения, имеет, несомненно, существенное значение, и государство, определяя условия и вопросы признания языков программирования, должно ее учитывать. Так, например, различают группы языков программирования: алгоритмизированные и неалгоритмизированные языки, машинозависимые и машиннезависимые языки, символические и гибридные языки, базовые и общие языки и т. д. Все это позволяет представить всю совокупность языков программирования как огромную, постоянно меняющуюся языковую систему, которая значительно менее стабильна, чем языковая система естественных языков.

К сожалению, необходимо констатировать, что в основе большей части языков программирования лежит английский язык, и это является несомненной проблемой для определения правового статуса языков программирования в государствах, которые не используют английский в качестве государственного языка. Исходя из

этого можем констатировать, что языки программирования относятся в группу апостериорных искусственных языков.

На настоящий момент насчитывается порядка 9000 языков программирования, и количество их постоянно растет (по данным HOPL – Онлайн-исторической энциклопедии языков программирования – их существует 8945²). Для признания языков программирования в качестве допустимых в использовании наравне с естественными – это существенный минус. Государству, принимающему решение о допустимости использования языков программирования, придется решать вопрос о допустимости использования либо конкретных языков программирования, либо их бесконечности. На текущий момент они в большей степени, конечно, рассматриваются как искусственные специализированные языки, но развитие технологий в пространстве нашего мира и все большее внедрение их во все сферы жизни общества может перевести эту группу языков в категорию универсальных.

Несомненно, стоит поговорить о соотношении языков программирования и естественных языков и соответствующих достоинствах и недостатках языков программирования, выявляемых при таком сравнении. В отличие от естественных языков языки программирования должны однозначно описывать алгоритм, состоящий из последовательности определенных действий и они, по сути, являются расширенной формой математических формул [Овчарова 2016: 43-44]. Плюсом для признания языков программирования, допустимых в качестве официально используемых и признаваемых языков, является то, что языки программирования разработаны на основе естественных языков. Но вот насколько языки программирования могут заменить естественный язык – это пока вопрос. Позитивной тенденцией в этом вопросе стоит признать использование языков программирования при разработке и запуске смарт-контрактов. При любом варианте смарт-контракта используется язык программирования. Фактически речь идет об одновременном использовании естественного и искусственного языка в симбиозе разной степени совместимости, а при ситуации разработки смарт-контракта только на языке программирования – и о замещении естественного языка искусственным.

При этом смарт-контракт – это не просто самоисполняемая программа, а это юридическая (правовая) конструкция, которая порождает, изменяет и прекращает правоотношения. В итоге мы получаем программный код, сформированный на языке программирования, в котором защиты инструменты и инструкции поведения конкретных субъектов сделки.

О расширении этой тенденции в науке свидетельствует активное обсуждение самоисполняемых норм права (соответственно, созданных с использованием языка программирования путем гибридизации нормы права и технологии ее исполнения) [Амелин, Чаннов 2019: 201-202] и машиночитаемого права [Гаврилов 2022]. Все это стимулируется ситуацией масштабного внедрения цифровых технологий и их продуктов во все сферы жизни общества и государства и, соответственно, возникающими новыми видами общественных отношений. Массовость такой ситуации приведет к использованию языков программирования как правовых инструментов и появлению «технологического метода правового регулирования» [Амелин, Чаннов 2021: 5-6].

Поговорим о правовых проблемах, с которыми могут столкнуться общество и государство при расширении влияния языков программирования на жизнь общества и государства.

Оценивая ситуацию с признанием в праве искусственных языков, можно однозначно утверждать, что частично данные языки государствами признаются, определяется их правовой статус, гарантии их применения, ответственность за нарушения, связанные с использованием или неиспользованием данных языков (жестовые языки, азбука Морзе, некоторые шифровальные и сигнальные языки).

Но вот языки программирования даже в статусе искусственных языков пока не получают должного правового сопровождения. Основная масса норм рассматривает их исключительно как инструмент, «языковой инвентарь» [Скурко 2021: 155], с помощью которого можно создать смарт-контракт или написать программу. В какой-то степени сейчас речь может идти о методологии применения языков программирования, а не о правовом статусе. Преимущественно сейчас в нормативных правовых актах языки программирования существуют в качестве объекта изучения в рамках образовательных программ или в разрезе правового регулирования информационных технологий и их внедрения.

Наверное, самым перспективным в этом плане направлением развития нормативно-правового регулирования языков программирования является определение их статуса через статус формальных искусственных языков. Так, Концепция развития технологий машиночитаемого права определяет формальный язык как набор символов и правил, определяющих множество допустимых слов, сопровождающийся правилами интерпретации слов в рамках определенной предметной области, включая операции логики высказываний, арифметики, и иных отношений между словами [Концепция 2021].

Так как языки программирования мы уже определили как категорию искусственных формальных языков, то в некоторой степени предложенное определение можно использовать в качестве базового для языков программирования. Однако при этом не стоит забывать и о классификации самих языков программирования, среди которых, в том числе, выделяется и формальный язык программирования, который построен по правилам некоторого логического исчисления или формальной грамматики, представляющей собой систему правил построения в заданном алфавите конечных знаковых последовательностей, множество которых и образует формальный язык [Лаздин 2019: 5-6]. В связи с наличием разницы в определениях, полагаем, что в Концепции пока речь идет о некоей общей категории формальных языков как искусственных.

² URL: hopl.info

Озвучивая вопросы машиночитаемого права, несомненно, стоит остановиться на четком разделении машиночтения и машиновосприятия права [Гаврилов 2022: 126-128]. Само машиночтение права – это просто чтение машиной³ текста источника права. Естественный язык или искусственный язык будет использоваться для такого машиночтения права - в данной ситуации не особо важно. Машинное восприятие права – это фактически понимание машиной нормы права, особенностей регулируемых отношений. При машинном восприятии права уже желательно использование исключительно языков программирования для четкого понимания машиной соответствующих реальностей. Выстраивая эту систему, считаем возможным добавить еще одну категорию – машиноисполнение права. Ситуацию, когда машина не только читает, воспринимает, но и самостоятельно исполняет норму или контролирует ее исполнение со стороны субъектов права.

Норма права для использования в системе машиночтения не обязательно должна создаваться в условиях использования исключительно языков программирования. Возможно ее создание на искусственном языке. В такой ситуации появляется необходимость либо в формировании еще одного пласта языков программирования – переводчиков, либо каких-то иных транслитеральных инструментов.

Существование языков инструментов для развития машиночитаемости права его исследователей беспокоит в меньшей степени, хотя отмечается, что настолько многообразный и сложный формальный язык еще не создан. Полагаем, что при текущем уровне развития искусственного интеллекта и нейросетей этот вопрос может быть решен в достаточно скором будущем, возможно, им будет доступен в полном объеме для понимания и осмысления естественный язык, без перевода в формальный язык.

Понимание компьютерной программой или искусственным интеллектом права и общественных отношений на естественном языке без перевода на формальный язык или язык программирования обусловлено не столько нежеланием заниматься одновременно и упрощением и усложнением имеющейся ситуации, сколько вынужденной необходимостью. Для машинного восприятия, машиноисполнения программа должна брать исходные данные в сети (big data), а представленная там неструктурированная информация зачастую содержится на естественном языке.

Если компьютерная программа научится понимать и интерпретировать естественный язык в полном объеме, то язык программирования для перевода информации уже использовать не будет необходимости. Если же нормы права будут создаваться изначально на машиночитаемом формальном языке, то языки программирования уже будут нужны не только для написания этих норм, но и для нашего понимания их содержания (в том числе для перевода их на естественный язык).

Основная задача языка программирования - это соотнесение условных знаков и символов с элементами задач, решаемых в конкретный момент времени. Разумеется, мы должны понимать, что максимально упростить и обобщить знаки и символы языков программирования для их максимальной прозрачности и всеобщей доступности невозможно, т. к. все более сложные задачи и новые направления развития требуют усложнения существующих языков и появления новых. Формально стоит признать, что существуют языки программирования, ориентированные на пользователя, но их характеристики весьма посредственны - слабоформализованные языки программирования, близкие к естественному языку. И представить себе, что данный язык программирования будет использоваться, в том числе для конструирования правовых норм, проблематично. Соответственно, получается, что значительной части общества любого государства вся совокупность языков программирования недоступна, что, естественно, делает невозможным введение языков программирования в качестве допустимого и официально используемого всеобщего языка хоть в каком-то из государств. В противовес естественному языку и универсальному искусственному языку язык программирования носит более ограниченный характер, должен быть более точным и при этом разнообразным для решения конкретных задач.

Можно ли предположить ситуацию, что когда-нибудь человеку, задержанному за совершение преступления, будет дано право связаться с адвокатом или родственниками с использованием языков программирования? Думаем – нет. Но оставлять данные языки исключительно в статусе инструмента тоже не стоит.

Полагаем, что языки программирования должны быть вычленены из общей классификационной группы искусственных языков и именно в самостоятельном статусе определены нормативно. Государству необходимо, не используя запретительные и ограничительные нормы, прописать само понятие языков программирования, возможности и гарантии их использования.

Предлагаем закрепить нормативно определение языка программирования как искусственного формального языка, существующего в форме, позволяющей использовать его для создания компьютерных программ и взаимодействия с ними. Определение не должно ограничивать языки программирования исключительно пониманием машинно-техническими средствами, так как существуют языки программирования, ориентированные больше на пользователей, чем на машины, что указывалось ранее.

При этом нормативно стоит определить (разделить) дефиниции формального языка, машинного языка [ГОСТ 19781-90] и языка программирования для исключения путаницы между ними. Аналогично должна быть определена такая категория, как кодовая знаковая система [Соломоник 2004: 6-14], которая по аналогии с категорией формального языка может включать в себя не только языки программирования, но и иные кодировки.

Государство не должно ограничивать разновидности используемых языков программирования, оставляя возможности выбора используемого языка разработчикам соответствующих программных продуктов. Ограничивать

³ Машиной в данной ситуации можно считать не только совокупность технических средств, но и компьютерную программу (в том числе искусственный интеллект, нейросеть и т. д.)

использование языков программирования по принципу базового языка (например, запретить использование языков программирования, базируемых на английском языке) также не позволительно, так как это может существенно сказаться на качестве предлагаемых программных решений. Язык программирования, как специализированный и направленный на решение конкретных задач, должен подбираться специалистами по профессиональным и предметным характеристикам, а не на основе иных мотивов.

По вопросу возможности ограничения использования языков программирования исключительно рамками профессиональных задач пока стоит воздержаться от ограничительных решений на уровне государства. Нужно понимать, что такая норма может существенно сузить перспективы использования языков программирования по выходу из рамок существующих профессиональных задач и тем самым, возможно, затормозить какие-то из развивающихся цивилистических и технологических процессов.

Развивая данную мысль, можно спрогнозировать следующую ситуацию: с использованием языка программирования создается программный код, с помощью которого разрабатывается и внедряется искусственный интеллект. Параллельно происходит развитие права, и искусственный интеллект получает статус хотя бы квази-субъекта права. И тогда вопрос о значимости и правовом статусе языков программирования выходит на новый уровень, так как получается, что субъект права создается с использованием языка, не определенного в системе правовых норм.

Перспективы исследования.

В заключении считаем необходимым отметить, что вопросы правовой оценки и правового признания языка программирования не должны оставаться на задворках в исследованиях юристов. Эти языки не стоит воспринимать исключительно как технические способы или языковой инструмент. В ситуации, когда общество находится на стадии готовности к включению компьютерных программ и их инструментов в систему права, не признавать значимость языков программирования и необходимость определения их правового статуса – недопустимо.

Государству стоит определить значение и правовой статус языков программирования, возможности и условия их применения – может быть, на первых порах прописав некоторые границы их признания в качестве допустимых к использованию.

Литература

- Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция правовых методов под воздействием цифровых технологий / Вестник ПАГС. - 2021. - №5. - С. 4-12.
- Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Трансформация права под воздействием цифровых технологий: новые требования к подготовке юристов / Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. - 2019. - №2. - С. 200-204.
- Гаврилов С. Н. «Новый язык для нового закона»: машинотечение права в контексте семиотической парадигмы / Актуальные проблемы российского права. - 2022. - №10 (143). - С. 124-140.
- ГОСТ 19781-90 «Обеспечение систем обработки информации программное. Термины и определения» / Единая система программной документации: Сб. ГОСТов. М., 2010.
- Концепция развития технологий машиночитаемого права: утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/
- Лаздин А. В. Формальные языки, грамматики, автоматы. СПб., 2019.
- Овчарова М. В. Параллели между естественными языками и языками программирования / Филологические науки в России и за рубежом : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). СПб., 2016. - С. 43-45.
- Стёпочкин Е. Ошибки_нет: (Не)родная речь. Что такое искусственные языки и чем программирование похоже на лингвистику. URL: https://talk-on.ru/materials/oshibki-net/Oshibkinet_Nerodnaya_rech_CHto_takoe_iskusstvennye_yazyki_i_chem_programmirovanie_pokhozhe_na_lingvi/
- Поток – наука – мозг: Исследование: чтобы хорошо кодить, склонность учить языки важнее, чем математические способности. 03.03.2020. URL: <https://zeh.media/potok/nauka/5914608-issledovaniye-u-poliglotov-bolshe-shansov-stat-khoroshim-programmistom-chem-u-matematikov>
- Скурко Е. В. Язык и право: некоторые вопросы теории / Правовая политика и правовая жизнь. - 2021. - №4. - С. 154-161.
- Соломоник А. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) / под ред. Г. Крейдлина. Минск, 2004.
- Федотова А. А., Мишина Е. Н. Искусственные языки / Наука и образование. - 2022. - №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennye-yazyki>.

References

Amelin, R. V., Channov, S. E. (2019). Transformation of law under the influence of digital technologies: new requirements for the training of lawyers. Izv. Sarat. University Nov. ser. Ser. Economy. Control. Right, 2, 200-204 (in Russian).

- Amelin, R. V., Channov, S. E. (2021). Evolution of legal methods under the influence of digital technologies. *Vestnik PAGES*, 5, 4-12 (in Russian).
- Fedotova, A. A., Mishina, E. N. (2022). Artificial languages. *Science and education*, 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennye-yazyki> (in Russian).
- Flow-Science-Brain: Research: To code well, propensity to learn languages is more important than math ability. (2020). Available from: <https://zeh.media/potok/nauka/5914608-issledovaniye-u-poliglotov-bolshe-shansov-stat-khoroshim-programmistom-chem-u-matematikov> (in Russian).
- Gavrilov, S. N. (2022). "A new language for a new law": machine reading of law in the context of the semiotic paradigm. *Actual problems of Russian law*, 10 (143), 124-140 (in Russian).
- GOST 19781-90 Software support for information processing systems. Terms and Definitions" (2010) / Unified System for Program Documentation: Sat. GOSTs. Moscow (in Russian).
- Lazdin, A. V. (2019). Formal languages, grammars, automata. Saint Petersburg (in Russian).
- Ovcharova, M. V. (2016). Parallels between natural languages and programming languages / *Philological sciences in Russia and abroad: materials of the IV Intern. scientific conf. (St. Petersburg, December 2016)*. Saint Petersburg, 43-45. (in Russian).
- Skurko, E. V. (2021). Language and Law: Some Issues of Theory. *Legal Policy and Legal Life*, 4, 154-161 (in Russian).
- Solomonik, A. (2004). Positive semiotics (about signs, sign systems and semiotic activity) / ed. G. Kreidlin. Minsk (in Belarus).
- Stepochkin, E. Mistakes_no: (Not) native speech. What are artificial languages and how programming is similar to linguistics. Available from: https://talk-on.ru/materials/oshibki-net/Oshibkinet_Nerodnaya_rech_CHto_takoe_iskusstvennye_yazyki_i_chem_programmirovanie_pokhozhe_na_lingvi/ (in Russian).
- The concept of development of technologies of machine-readable law: approved. Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and the Conditions for Doing Business, Minutes No. 31 dated September 15, 2021. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (in Russian).

Citation:

Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М. Язык программирования как допустимый: правовые аспекты // *Юрислингвистика*. – 2023. – 30. – С. 95-101.

Usoltseva N.A., Usoltsev Y.M. (2023) Programming Language as Eligible One: Legal Aspects. *Legal Linguistics*, 30, 95-101.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Язык и закон

Г. Н. Трофимова

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая 6, 117198, Москва, Россия. E-mail: trofimova-gn@rudn.ru

В течение двух осенних дней - 12 и 13 октября 2023 года – залы, аудитории и коридоры филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы были особенно оживленными. Здесь в эти дни состоялась Международная научно-практическая конференция «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка». Соорганизатором мероприятия выступил ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» при поддержке Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы.

Цель конференции – обсуждение научно-исследовательских и экспертных практик анализа продуктов речевой деятельности, в особенности материалов цифровых коммуникационных сред, а именно медиатекстов. Предметом обсуждения стали наиболее дискуссионные вопросы анализа современной медиакommunikации, представляющие интерес для судебной экспертизы. Научная программа была организована в виде параллельных секций, посвященных различным аспектам избранной тематики:

1. Вопросы лингвистической семантики и дискурс-анализа медиатекстов в приложении к задачам лингвистической экспертизы.

2. Применение достижений когнитивной лингвистики, медиалингвистики, лингвоконфликтологии, психолингвистики и нейролингвистики в судебной экспертизе медиадискурса.

3. Активные языковые процессы в сетевой коммуникации и новые объекты экспертной оценки.

4. Нерешенные вопросы лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в медиасреде.

5. Ресурсы компьютерной лингвистики для решения экспертных задач: данные корпусов, автоматизированные методы обработки виртуального контента.

6. Современная теория текста на службе судебной лингвистики.

7. Медиадискурс как специфический объект психологического экспертного анализа.

8. Современное состояние и перспективы развития автороведческой экспертизы медиадискурса.

Более 120 ученых и специалистов из ведущих научных организаций внесли вклад в масштабное мероприятие. Для очного участия в работе конференции в Москву прибыли докладчики из Минска (Республика Беларусь), Санкт-Петербурга, Кемерово, Ставрополя, Тольятти, Красноярска, Челябинска, Воронежа, Брянска и других городов Российской Федерации. На торжественном открытии выступили директор ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» Виктор Андреевич Немчинов и доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, директор института судебных экспертиз ФГАОУ ВО «РУДН имени Патриса Лумумбы» Светлана Аркадьевна Смирнова.

По мнению В. А. Немчинова, такие мероприятия – это уникальная возможность диалога специалистов различных направлений экспертной деятельности. Это значительный резерв повышения эффективности экспертной деятельности, который позволяет обсудить и выработать пути решения сложных вопросов, мешающих повседневной работе.

Также прозвучало приветственное слово от ректора университета Олега Александровича Ястребова. Отметив, что многие участники конференции – ученые-языковеды РУДН – входят в Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), возглавляемую профессором М. В. Горбаневским, он подчеркнул, что на конференции «собрались самые авторитетные знатоки самых глубоких смыслов и их интерпретаций, умеющие распутывать самые сложные лингвистические ребусы, зашифрованные в чьих-либо неосторожных или неудачных высказываниях».

Значимость и междисциплинарность предложенной ключевыми спикерами тематики определила расширенный формат пленарного заседания, на котором выступили известные российские и зарубежные ученые, чьи доклады не только были встречены с большим интересом, но и получили продолжение в формате дискуссии.

Так, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела гуманитарных исследований ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» Александр Вадимович Бабуков представил исследование «Семиотика эмодзи и выявление вербальной угрозы в интернет-коммуникации», в котором поднял проблемы отличия эмодзи от

эмотиконов, важности описания эмодзи при исследовании современных интернет-текстов и подбора инструментов для этого процесса, а также необходимости обязательной вербализации всех эмодзи.

Также состоялись доклады:

- доктора филологических наук, профессора, заведующего отделом экспериментальной лексикографии ФГБУН «Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН» Анатолия Николаевича Баранова – «Наводящий вопрос как правовой и лингвистический феномен», в котором автор описал семантику, определение, основные характеристики наводящих вопросов и привел яркие примеры исследуемого явления;

- доктора филологических наук, члена правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доцента, заведующего кафедрой русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «РГПУ имени А. И. Герцена» Валерия Анатольевича Ефремова – «Государственный язык: взгляд лингвоэксперта»;

- доктора психологических наук, кандидата философских наук, доцента, профессора кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской Академии Следственного комитета России, главного научного сотрудника отдела научно-методического обеспечения ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации», руководителя Центра юридической психологии и судебно-психологической экспертизы, главного эксперта отдела комплексных психолого-лингвистических экспертных исследований Управления судебного речеведения ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» Екатерины Викторовны Васкэ – «Психологическое и речевое воздействие «деструктивного» Интернета в контексте судебной экспертизы»;

- доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка ФГАОУ ВО «РУДН имени Патриса Лумумбы» Марины Львовны Новиковой – «Лингвосемиотические особенности медиадискурса: вербальные маркеры манипуляции». Этот доклад был особенно высоко оценен С. А. Смирновой.

Затем работа конференции продолжилась в секционном формате. В первый день наиболее яркими стали выступления:

- эксперта отдела фоноскопических и автороведческих экспертиз Управления цифровой и речевой информации ЭКЦ МВД России Марии Анатольевны Бердниковой – «Звучащий текст как объект лингвистической экспертизы: к вопросу о маскировке содержательных элементов». М. А. Бердникова рассказала об определенных лингвистических признаках маскировки, указывающих на наличие незаконных действий: использование анафорических местоимений («Вот это это», «Это оно»), нарушение логических связей между предложениями, вставка дополнительных слоговых или звуковых компонентов в состав слов, использование речи пониженной громкости;

- преподавателя юридического немецкого языка кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «МГЮА имени О. Е. Кутафина», главного эксперта отдела лингвистических экспертных исследований Управления судебного речеведения ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» Ольги Валерьевны Зайцевой – «Педофильский дискурс: основные термины, культурные артефакты и особенности маркировки порнографической продукции». По окончании выступления было задано много вопросов, ведущие и участники секции высоко оценили проделанную докладчиком работу и глубокое погружение в проблему.

Второй день конференции начался с мастер-классов:

- по теме «Референциальные характеристики языковых знаков в лингвистической экспертизе», ведущий – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии ФГБУН «Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН» Анатолий Николаевич Баранов;

- по теме «Жанры новых медиа в практике лингвистической экспертизы» – доктора филологических наук, доцента кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Института социальных и политических наук, доцента кафедры современного русского языка Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» Анны Михайловны Плотниковой.

Далее состоялся круглый стол «Методы и методики лингвистической экспертизы медиатекста», который провел кандидат филологических наук, кандидат юридических наук, заведующий лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации» Виталий Олегович Кузнецов. Участники конференции отметили высокий профессионализм ключевого спикера и очень живо включились в обсуждение дискуссионных вопросов, связанных со сложностью методического обеспечения лингвистических экспертиз и исследований. Подытожила дискуссию доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, директор института судебных экспертиз РУДН Светлана Аркадьевна Смирнова: «В этой конференции участвовали вчера и сегодня очень известные люди, которые прикипели именно к лингвистической экспертизе. И цель нашей конференции была не просто научной, - выяснить, как медиатекст работает вместе с судебно-экспертными исследованиями, оценочными методами и прочим, - а и в том, чтобы нас, негосударственных и государственных экспертов, связать, соединить!»

На секционных заседаниях наибольший интерес у аудитории вызвали доклады:

- кандидата филологических наук, доцента департамента прикладной лингвистики и иностранных языков ФГАОУ ВО «НИУВШЭ» Анны Юрьевны Хоменко – «Диагностика ауто- и гетероагрессии методами психолингвистики». Докладчик показала разработку (айтрекинг), которая помогает выявить ауто- и гетероагрессию с помощью просмотра определенного изображения на экране монитора: новая технология считывает перемещение взгляда респондента на различные части картинки, и специалисты определяют наличие признаков отклонений;

- доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики ФГАОУ ВО «ННГУ имени Н. И. Лобачевского» Тимура Беньюминовича Радбиля – «Выявление и экспертная квалификация негативно-оценочной информации о лице в свете корпусного анализа интернет-медиа». Выступление было посвящено проблеме верификации имплицитной негативно-оценочной информации о лице, выраженной словами и фразами, которые не имеют эксплицитной отрицательной оценки по данным словарей, на примере слов «небезызвестный», «некий», «пресловутый» и других;

- кандидата филологических наук, старшего преподавателя кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «КемГУ» Анны Валентиновны Ирковой – «Антикоррупционная экспертиза: лингвистические основы и компьютерные технологии их реализации». Докладчик рассказала о методике, которая дает возможность увидеть, зафиксировать и обработать сигналы конфликтности (напряженности) в разного рода дискурсивных практиках на примере текстов рекламного и природоохранного дискурсов.

Все участники и гости конференции единодушно отметили теплый радушный прием, хорошую организацию, прекрасный сборник. Особенно важным стало активное участие во всех мероприятиях студентов, которым, по словам Е. В. Васкэ, предстоит завтра прийти нам на смену и отстаивать нашу безопасность. На полях запланированных мероприятий и в кулуарах не утихали достаточно жаркие споры, свидетельствующие о том, что тематика действительно оказалась актуальной и не оставила никого равнодушным.

По итогам работы конференции выпущен сборник научных работ. Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в медиасреде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа медиатекстов в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации языковой личности, а также внедрения достижений компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

Авторы статей обратились к самому разнообразному материалу: медиатексты блогосферы и дисклеймеры, прецедентные феномены и товарные знаки, педофильский дискурс и административный лексикон, исламский дискурс и религиозные секты, поздравительные открытки и прозвища, реклама и неологизмы как результат словотворчества. В своих статьях авторы рассматривают обвинения в социальных сетях, скрытые побуждения, провокационные заголовки, законодательную терминологию и эмодзи, в которых исследуют проблемы интерпретации, вербальной угрозы, связей между макроструктурой текста и негативностью образа, трудности экспертизы описательности, выявления прагмем-конфликтогенов, связи иронии и диффамации, ауто- и гетероагрессии. В качестве приоритетных задач авторы выделяют защиту детей и чувств верующих, борьбу с религиозными сектами и реабилитацией нацизма.

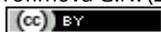
Материалы медиакоммуникации сегодня регулярно становятся объектом судебной экспертизы, однако в силу подвижности, изменчивости и постоянного развития их свойств представляют большую сложность для экспертной практики, а потому требуют разработки рекомендаций по их анализу. В результате работы Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» участники сошлись во мнении, что на современном этапе развития фундаментальной лингвистики и экспертной практики наибольшее число исследовательских трудностей связано с оценкой медиатекстов, представляющих собой новую форму обмена словесной, визуальной, аудиальной информацией. Лингвистические свойства медиадискурса в силу изменчивости условий функционирования языка и речи требуют отдельного осмысления, что предполагает объединение усилий ученых, работающих в этом направлении.

Как сказала С. А. Смирнова, прекрасно, что филологи и журналисты собрались с прекрасной целью – обсудить проблемы медиалингвистики с позиций судебной экспертизы, во взаимосвязи этих двух весьма разных областей человеческих знаний и человеческой деятельности. Ее пожелание все участники конференции с удовольствием восприняли как напутствие: «Пусть параллели научных знаний всегда пересекаются с меридианами истины в вашей сложной и благородной работе!»

Citation:

Трофимова Г.Н. Язык и закон // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 102-104.

Trofimova G.N. (2023) Language and law. Legal Linguistics, 30, 102-104.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юридическая коммуникация сквозь призму лингвистики (рецензия на учебное пособие доктора филологических наук Т. В. Дубровской «Язык как инструмент юридической коммуникации: теоретические основания и анализ текстов»)

М. А. Ширинкина

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, 614068, Пермь, Россия. E-mail: m555a@yandex.ru*

В рецензии охарактеризовано учебное пособие, подготовленное в русле юридической лингвистики – междисциплинарного научного направления, которое сформировалось на пересечении правоведения и речеведения. Обозначен круг научных и методологических проблем, отраженных в пособии, среди которых особое значение имеют следующие: принципы и требования юридической техники; несогласованность употребления в юридических текстах терминов, их дублирование и полисемия; общедоступность и общепонятность языка законодательных актов; причины неоднозначного толкования юридических текстов и их смысловая структура; внутритекстовые стратегии и экстралингвистические основания судебных речевых произведений; функционирование правовых текстов в социальной практике; необходимость поиска нового риторического идеала, отвечающего потребностям современного судопроизводства; терминологические и фактические ошибки в лингвистическом описании судебных процедур; подмены в лингвистических исследованиях реальной юридической коммуникации ее медиатизированными репрезентациями и мн. др. Кратко описываются композиционно-структурные части книги: предисловие; разделы 1–6, освещающие теоретические проблемы и содержащие вопросы и задания к ним; раздел 7, направленный на обучение дискурс-анализу жанров судебного дискурса; раздел 8, включающий контрольный тест на проверку знаний. В рецензии делается акцент на «дружественном пользовательском интерфейсе» книги. Указано на методологическую ценность предложенной в учебном пособии модели анализа судебного речевого жанра. Особо подчеркивается значимость представленного автором аналитического обзора современной литературы по юрислингвистике, в котором отражены основные отечественные и англоязычные исследования. В заключение формулируется вывод о том, что лингвистическое научное сообщество получило весьма интересное, содержательно насыщенное и методически продуманное пособие по юридической лингвистике.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, юридическая коммуникация, юридический дискурс, судебный дискурс, жанр.

Legal Communication through the Prism of Linguistics (Review of the Textbook by Doctor of Philological Sciences T. V. Dubrovskaya “Language as a Tool for Legal Communication: Theoretical Foundations and Text Analysis”)

M. A. Shirinkina

*Perm State University
15 Bukireva street, 614068, Perm, Russia, 656008. E-mail: m555a@yandex.ru*

The review examines the textbook prepared within the framework of legal linguistics, the interdisciplinary scientific field, that has developed at the intersection of law and speech studies. The range of scientific and methodological problems in the manual covers important issues such as follows: principles of and requirements for legal techniques; inconsistency of terms usage in legal texts; duplication and polysemy of terms; plainness and general comprehensibility of language in legislative acts; causes of ambiguous interpretation of legal texts and their semantic structure; intratextual strategies and extralinguistic bases for courtroom linguistic text; functioning of legal texts in social practice; the need to search for a new rhetorical ideal that meets the needs of modern court proceedings; terminological and factual errors in the linguistic description of court procedures; substitutions in linguistic studies of real legal communication by its mediated representations, etc. The compositional and structural parts of the book are briefly described: preface; sections 1-6, covering theoretical problems and containing questions and assignments to them; section 7, aimed at teaching discourse analysis of genres of courtroom discourse; section 8, including a test to check acquired knowledge. The review emphasizes the 'user-friendly interface' of the book. It points out the methodological value of the model of analysis of courtroom speech genres proposed in the textbook. The significance of the analytical review of modern literature on legal linguistics presented by the author, which reflects the main domestic and English-language studies, is especially emphasized. The conclusion is that the linguistic scientific community has received a very interesting, content-rich and methodologically sound manual on legal linguistics.

Key words: legal linguistics, legal communication, legal discourse, courtroom discourse, genre.

Основополагающая роль языка в правовой сфере неоспорима: язык является основным средством коммуникации между юристами и другими участниками правовых отношений, используется для определения юридических понятий, выражения правовых предписаний и юридических требований и обеспечения ясности и точности юридических документов. В целом, язык оказывается инструментом, посредством которого выстраивается законодательная база страны, осуществляется толкование закона, реализуется государственное управление, поддерживается диалог всех ветвей власти с обществом, формируется правовая культура граждан и общественное мнение [Голев 2007, 2015; Голев, Сологуб 2008; Дубровская 2010в, 2012; Ширинкина 2001, 2021 и др.]. Таким образом, на пересечении правоведения и речеведения складывается юридическая лингвистика – междисциплинарная область знания, объектом изучения которой становится имеющий особую природу язык сферы права.

Представляется вполне логичным и справедливым, что доктор филологических наук Т. В. Дубровская [Дубровская 2010а] – специалист в области юридической лингвистики, лингвистической прагматики и дискурсологии (см. список публикаций в РИНЦ: <https://www.elibrary.ru>), автор монографий [Дубровская 2010в, 2012], соавтор и редактор коллективной монографии «Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации» [Политический... 2017], рецензент юрислингвистической литературы для иностранных журналов [Dubrovskaya 2016, 2018] – подготовила учебное пособие [Дубровская 2023] в русле юридической лингвистики и осветила круг теоретических проблем этой отрасли науки, акцентируя внимание на своеобразии коммуникативного взаимодействия в юридической сфере и особенностях функционирования языка в праве.

Смысловая структура книги выверена и обусловлена методической целесообразностью последовательной подачи материала от общего к частному: юрислингвистика как научное направление – понятие юридического дискурса – разновидности юридических дискурсов – судебный дискурс – методологические подходы к его изучению – жанровый подход – конкретные жанры судебного дискурса.

Композиционно учебное пособие включает предисловие и восемь разделов. Разделы 1–6 освещают теоретические проблемы юридической лингвистики и содержат вопросы для контроля, а также задания, выполнение которых предполагает обращение к дополнительным ресурсам. Для последних представлены QR-коды, позволяющие оперативно обратиться к сетевому контенту, что значительно расширяет дидактический потенциал пособия.

В содержательном плане учебное пособие сосредоточено на многообразии юридических коммуникативных ситуаций, это определяет набор рассматриваемых в нем проблем и обсуждаемых категорий. К размышлению предлагаются дискуссионные и тем самым весьма важные вопросы юридической коммуникации: о принципах и требованиях юридической техники [Дубровская 2023: 17], о несогласованности/разнобное употребления в юридических текстах терминов, их дублировании и полисемии [Дубровская 2023: 18], об общедоступности и общепонятности языка законодательных актов [Дубровская 2023: 19], о причинах неоднозначного толкования юридических текстов (в том числе неспециалистом – субъектом права) [Дубровская 2023: 20], их смысловой структуре [Дубровская 2023: 21], о внутритекстовых стратегиях и экстралингвистических основаниях [Дубровская 2023: 23], о функционировании правовых текстов в социальной практике [Дубровская 2023: 23], о необходимости поиска нового риторического идеала, отвечающего потребностям современного судопроизводства [Дубровская 2023: 30].

Автор указывает и на такие значимые методологические проблемы лингвистической науки, как терминологические и фактические ошибки в лингвистическом описании судебных процедур, незнание лингвистами юридических реалий [Дубровская 2023: 25], а также подмены в лингвистических исследованиях реальной юридической коммуникации ее медиатизированными репрезентациями (отражением в художественных произведениях, фильмах, ток-шоу и т. д.) [Дубровская 2023: 25].

В качестве теоретических оснований для изучения особенностей юридической коммуникации избраны следующие коммуникативные категории: дискурс, жанр, модус, речевые роли, контекст, речевые тактики и др. В частности,

в пособии характеризуется содержание одного из базовых понятий юрислингвистической парадигмы – понятия дискурса, принципиальными свойствами которого (в том числе в правовой сфере), по мнению Т. В. Дубровской, являются процессуальный характер, соотношение с мыслительными процессами, интерактивная природа, тесная связь с экстралингвистической ситуацией, социальная значимость и отсутствие четких границ [Дубровская 2023: 11–12].

Конкретную речевую разновидность, выступающую непосредственным предметом изучения в пределах пособия, – юридический дискурс – автор предлагает определять как «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в институциональной сфере права», которое рассматривается «в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» [Дубровская 2023: 12]. Далее в книге обсуждаются многочисленные типы и виды юридического дискурса, разграничиваемые на разных основаниях: с учетом отрасли права, характера ситуации, специфики говорящего/пишущего субъекта, определенного модуса коммуникации. Среди разновидностей юридического дискурса Т. В. Дубровской особо выделяется судебный дискурс – «сложное, многоголосое образование с большим количеством профессиональных и непрофессиональных участников, выполняющих предписанные им институциональными правилами функции» [Дубровская 2010б: 3], формируемое и функционирующее в судебном процессе и нацеленное на «разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации» [Дубровская 2023: 12]. Особое внимание уделяется проблемам речевого взаимодействия участников судебного заседания.

Безусловной заслугой автора пособия следует считать аналитический обзор современной литературы по юрислингвистике, в котором представлены основные отечественные и англоязычные исследования, в сопоставительном плане очерчены отраженные в них методологические подходы, аспекты и проблемы, показана национально-культурная специфика исследовательских направлений. Сравнивая зарубежные и отечественные работы по юридической лингвистике, автор подчеркивает их существенные различия: «... в российских обзорных работах и лекциях о предмете и задачах юрислингвистики устная юридическая коммуникация нередко выпадает из поля зрения, а на первый план выдвигаются изучение конфликтного функционирования языка, юридическая герменевтика, решение проблем юридической терминологии, разработка правил юридических экспертиз» [Дубровская 2023: 9]. Именно эти различия определяют ориентацию англоязычных исследователей не только на «собственно языковые характеристики текстов (лексические, грамматические, стилистические)», но и на более широкий охват социальных явлений, социального контекста, включающего в частности «специфику властных отношений в обществе, гендерное устройство, роль судебного перевода в осуществлении справедливого правосудия, доступность языка юридических документов дискриминируемым группам общества» [Дубровская 2023: 9]. Этот обзор, по нашему мнению, позволяет читателю охватить единым взглядом целостную картину «всемирной юрислингвистической парадигмы». Комментарии Т. В. Дубровской к отдельным положениям рассматриваемых концепций и обобщения в конце разделов пособия знакомят читателя с авторским видением этих концепций и стимулируют молодых ученых к самостоятельным рассуждениям в направлении своих собственных диссертационных исследований, развивают у будущих специалистов способность к аналитическому и критическому мышлению.

Методологически значимой оказывается предложенная в разделе 6.3 модель анализа судебного речевого жанра [Дубровская 2023: 53–57], элементами которой являются его конститутивные признаки: 1) функция речевого жанра в судебном процессе, 2) степень институциональной обусловленности (с одной стороны, процедурная регламентированность, с другой – регламентированность формальной и семантической структуры текста), 3) участники (их коммуникативные роли, речевые тактики и типичные механизмы взаимодействия в зале суда), 4) интертекстуальность, понимаемая как «место жанра в судебном процессе и связь с другими жанрами» [Дубровская 2023: 55], 5) особенности языкового выражения, 6) национально-культурная специфика жанра, 7) соотносительность речевого жанра с различными ролями судьи. Бесспорно, эта модель может быть адаптирована к анализу жанров других типов институционального дискурса (политического, медицинского, педагогического и под.).

Несомненным достоинством книги следует считать наличие практического раздела 7, который включает вопросы и задания, ориентированные на обучение дискурс-анализу текстов досудебных и судебных жанров и нацеленные на усвоение понятийно-терминологического аппарата соответствующей предметной области. Отметим, что для анализа автором подобраны интересные разнообразные материалы – реальные досудебные и судебные документы XXI века на русском и английском языках: судебный допрос, допрос свидетеля в полиции, опросник для потенциальных присяжных, инструкция присяжных заседателей судьей, напутственное слово, приговор. Предложенные автором пособия задания направлены на всестороннее описание перечисленных юридических жанров с точки зрения их типологических, коммуникативных и лингвистических характеристик.

Раздел 8 содержит тест на проверку знаний, логично завершая предложенные для изучения теоретические сведения. Полезным представляется обширный список русской и англоязычной научной литературы соответствующей проблематики, а также список дополнительных материалов.

Поддерживая авторское утверждение о том, что «разграничение типов юридического дискурса по принципу письменный/устный соответствует объективно существующим сферам юридической деятельности» [Дубровская 2023: 17], все же отметим, что становление информационного общества, медиатизация и цифровизация оказывают влияние на коммуникативные процессы всех сфер общественной деятельности, в том числе юридической области, тем более что сама Т. В. Дубровская об этом упоминает [Дубровская 2023: 21]. С учетом происходящих динамических изменений представляется необходимым и весьма интересным с лингвистической точки зрения дополнить будущее издание пособия самостоятельным разделом, посвященным проблемам медиатизации и цифровизации юридического и – шире – делового общения (см. в частности об этом: [Bazhenova, Shirinkina 2023; Ширинкина, Верхокамкина 2023]), а также

заданиями, ориентированными на сопоставительный анализ традиционных вербальных и нетрадиционных, новых – появляющихся и функционирующих в digital-среде – поликодовых форм и жанровых разновидностей речевого взаимодействия в правовой и судебной сферах.

Хочется подчеркнуть, что как издательский продукт учебное пособие выглядит весьма привлекательно – имеет «дружественный пользовательский интерфейс»; качественное форматирование контента (обложки, текста, иллюстративных материалов, элементов справочного аппарата) не просто делает книгу удобочитаемой, но также доставляет эстетическое удовольствие при работе с ней.

Рецензируемое учебное пособие предназначено для магистрантов и аспирантов лингвистических и юридических специальностей. Оно может быть использовано при освоении дисциплин, посвященных проблемам коммуникации в сфере права, а также при подготовке к кандидатскому экзамену по специальности 5.9.8 (раздел «Теоретические проблемы юрислингвистики» паспорта специальности). Помимо этого, пособие может быть применено в практике преподавания учебных курсов, ориентированных на теорию дискурсивного анализа и жанроведение.

Таким образом, можно заключить, что в виде учебного пособия «Язык как инструмент юридической коммуникации: теоретические основания и анализ текстов» доктора филологических наук Т. В. Дубровской лингвистическое научное сообщество получило весьма интересный, содержательно насыщенный и методически продуманный источник для обучения молодых исследователей и генерации новых идей и смыслов опытными учеными и преподавателями, интересующимися проблемами правового языка в целом и конкретных юридических дискурсов в частности.

Литература

- Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России / Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 7-13.
- Голев Н. Д., Сологуб О. П. Официальное функционирование языка в сфере государственной коммуникации / Юрислингвистика. – 2008. – № 9. – С. 74-89.
- Голев Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования / Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 138-148. DOI 10.17223/18137083/53/15.
- Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: дис. ... доктора филол. наук. Саратов, 2010а.
- Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Саратов, 2010б.
- Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи. М., 2010в.
- Дубровская Т. В. Метакоммуникативная деятельность судьи в структуре судебного дискурса: на материале русского и английского языков. Кемерово, 2012.
- Дубровская Т. В. Язык как инструмент юридической коммуникации: теоретические основы и анализ текстов: учебное пособие. Пенза, 2023.
- Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации / Т. В. Дубровская, Е. К. Рева, Е. А. Кожемякин [и др.]. М., 2017.
- Ширинкина М. А. Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: дис. ... кандидата филол. наук. Пермь, 2001.
- Ширинкина М. А. Письменный дискурс исполнительной власти в жанрово-стилистическом аспекте: дис. ... доктора филол. наук. Пермь, 2021.
- Ширинкина М. А., Верхокамкина К. А. Коммуникативная категория «ясность речи» в цифровом диалоге власти с обществом (на материале официальных ответов на обращения граждан в социальной сети «ВКонтакте») / Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2023. – Т. 15, вып. 2. – С. 62-71. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-62-71
- Vazhenova E. A., Shirinkina M. A. A Discursive and Stylistic Analysis of Digital Communications in Public Administration: Stating a Problem / Review of Business and Economics Studies. – 2023. – № 11(1). – С. 8-12. DOI: 10.26794/2308-944X-2023-11-1-8-12
- Dubrovskaya T. V. Book review: Marcus Galdia, Legal Discourses / Discourse Studies. – 2016. – № 18(2). – С. 235-237.
- Dubrovskaya T. V. Book review: Janet Giltrow and Dieter Stein (eds), The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse / Discourse Studies. – 2018. – № 20(5). – С. 688-690.

References

- Golev, N. D. (2007). Self-determination of Legal Linguistics in Russia. *Legal Linguistics*, 8, 7-13 (in Russian).
- Golev, N. D., Sologub, O. P. (2008). Official Language Functioning in the Sphere of State Communication. *Legal Linguistics*, 9, 74-89 (in Russian).
- Golev, N. D. (2015). Juridical Terminology in the context of Doctrinal Interpretation. *The Siberian Journal of Philology*, 4, 138-148 (in Russian).
- Dubrovskaya, T. V. (2010a). Courtroom Discourse: Speech Behavior of a Judge: dis. ... doct. philol. sciences. Saratov (in Russian).
- Dubrovskaya, T. V. (2010b). Courtroom Discourse: Speech Behavior of a Judge: avtoref. dis. ... doct. philol. sciences. Saratov (in Russian).
- Dubrovskaya, T. V. (2010c). Courtroom Discourse: Speech Behavior of a Judge. Moscow (in Russian).
- Dubrovskaya, T. V. (2012). Metacommunicative Activity of the Judge in the Structure of Courtroom Discourse: on the Material of Russian and English Languages. *Kemerovo* (in Russian).

-
- Dubrovskaya, T. V. (2023). Language as a Tool for Legal Communication: Theoretical Foundations and Text Analysis. Penza (in Russian).
Political, Legal and Massmedia Discourse in the Aspect of Constructing Interethnic Relations of the Russian Federation / T. V. Dubrovskaya, E. K. Reva, E. A. Kozhemyakin eds. Moscow, 2017 (in Russian).
Shirinkina, M. A., (2001). Secondary Business Text and its Genre Varieties: dis. ... cand. philol. sciences. Perm (in Russian).
Shirinkina, M. A., (2021). Written Discourse of Executive Power in Genre-stylistic Aspect: dis. ... doct. philol. sciences. Perm (in Russian).
Shirinkina, M. A., Verkhokamkina, K. A. (2023). The Communicative Category 'Speech Clarity' in the Digital Dialogue Between the Government and Society (based on Official Responses to Requests of Citizens on the Social Network VKontakte). Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 15, 2, 62-71. doi 10.17072/2073-6681-2023-2-62-71 (in Russian).
Bazhenova, E. A., Shirinkina, M. A. (2023). A Discursive and Stylistic Analysis of Digital Communications in Public Administration: Stating a problem. Review of Business and Economics Studies, 11(1), 8-12. DOI: 10.26794/2308-944X-2023-11-1-8-12
Dubrovskaya, T. V. (2016). Book review: Marcus Galdia, Legal Discourses. Discourse Studies, 18(2), 235-237.
Dubrovskaya, T. V. (2018). Book review: Janet Giltrow and Dieter Stein (eds), The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse. Discourse Studies, 20(5), 688-690.
-

Citation:

Ширинкина М. А. Юридическая коммуникация сквозь призму лингвистики (Рецензия на учебное пособие доктора филологических наук Т.В. Дубровской «Язык как инструмент юридической коммуникации: теоретические основания и анализ текстов») // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 105-109.

Shirinkina M. A. (2023). Legal Communication through the Prism of Linguistics (Review of the Textbook by Doctor of Philological Sciences T.V. Dubrovskaya "Language as a Tool for Legal Communication: Theoretical Foundations and Text Analysis"). Legal Linguistics, 30, 105-109.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 22.12.2023 г.

Дата публикации издания 29.12.2023 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2023